

ТОЛСТОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

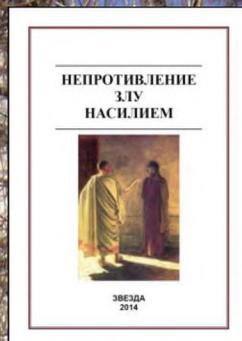
Л. Н. Толстой и С. А. Толстая. 1910 г.

№ 3 ●● Март ●● 2016

Электронная библиотека «Вне насилия» предлагает своим читателям сборник «Непротивление злу насилием» (80 стр., PDF):

<http://antimilitary.narod.ru/samizdat.htm>

Здесь в небольшой брошюре представлены фрагменты из произведений Л. Н. Толстого, его предшественников У. Л. Гаррисона, А. Баллу, его последователей А. И. Архангельского, Е. И. Попова, П. В. Ольховика, а также цитаты из ранних христианских авторов: Киприана, Оригена, Тертуллиана, Лактанция и др., — излагающие христианское учение непротивления злу насилием.

«Толстовский Альманах» доступен для скачивания в электронной форме:

На сайте электронной библиотеки «Вне насилия»:

<http://antimilitary.narod.ru/samizdat.htm>

На сайте «Зеленая палочка»:

<http://zpalochka.narod.ru/bibl.html#ТА>

На странице социальной сети «В Контакте»:

https://vk.com/religious_anarchism

Свои замечания и предложения просим читателей направлять в нашу редакцию по эл. адресу:

Tolst.Almanah@gmail.com

ГОЛОСНИЦА ИЛИ МАТЕРИАЛ № 3

МАРТА 2016

ТОЛСТОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 3 • Март • 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ГОЛОС Л. Н. ТОЛСТОГО

- Женщина.** Мысли Л. Н. Толстого 3
Из книги Л. Н. Толстого «**Царство Божие...**» 7
Л. Н. Толстой. Письмо к Александру III 35

ВОКРУГ Л. Н. ТОЛСТОГО. ПРОШЛОЕ

- Р. Роллан.** Толстой — свободный дух 44
А. К. Черткова. Призыв 48
Анна Константиновна Черткова.
Биографический очерк 51
В. Г. Чертков. Злая забава 64
А. П. Барыкова. Два стихотворения. Грибы 78
И. И. Горбунов-Посадов. Я не враг себе. В семье .. 86
Е. Е. Горбунова-Посадова. Обновление жизни 91
А. С. Малород. Два зеркала 94
Два письма **Серези Попова** 95
С. М. Булыгин. Мысли об отношении
к правительству 118
Пять лет без **А. В. Лобачева.** *Некролог и стихи* 124

ВОКРУГ Л. Н. ТОЛСТОГО. СОВРЕМЕННОСТЬ

П. Ефремов. Сопротивление злу ненасилием	133
И. Овчаренко. Что было самым важным для Льва Толстого?	136
И. Овчаренко. Стихотворения	138
А. Фетисов. Ненасилие в жизни каждого	141

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

А. П. Чехов. Душечка. <i>С посл. Л. Н. Толстого</i>	146
Пьер Милль. Раздавленная лань.....	164
Календарь литературных дат.....	171

У НАС В ГОСТЯХ: ДВИЖЕНИЕ «ОЙКУМЕНА»

История Движения	173
Манифест Движения «Ойкумена»	175
В какого Христа верят духовные переселенцы?	177
Россияне — одумайтесь!	179
Памятка христианинскому борцу за мир	182
Нужно ли свергать режим?	186
Группа «Дрободун и Калмык»: Песня о вечном мире. Лики святые о чем-то молят. Война и цветы	188

ОБМЕН МНЕНИЯМИ

По поводу заявления М. Б. Ходорковского	191
А. Фетисов. Альтернативные иллюзии	193

В подготовке альманаха принимают участие:

*В. Адаменко (Россия), В. Аньянов (Россия),
Т. Бейсембаев (Казахстан), П. Ефремов (Россия—Германия),
И. Овчаренко (Украина) и др.*

Замечания и предложения просим читателей
направлять в редакцию по адресу:
tolst.almanah@gmail.com

Женщина

Мысли Л. Н. Толстого

Совершенство для мужчины и женщины одно и то же: совершенство любви. Если мужчина часто превосходит женщину в разумности и твердости любви, то женщина всегда превосходит мужчину в самоотвержении в любви.

Истинно целомудренная девушка, которая всю данную ей силу материнского самоотвержения отдаст служению Богу, проявляющемуся любовью к людям, есть самое прекрасное и счастливое человеческое существо.

Если бы люди достигли совершенства и стали бы целомудренны, род человеческий прекратился бы, и незачем ему было бы жить на земле, потому что люди стали бы как ангелы, которые не женятся и замуж не

идут, как это сказано в евангелии. Но пока люди не достигли совершенства, они должны производить потомство, для того, чтобы потомство это, совершенствуясь, достигало того совершенства, которого должны достигнуть люди.

Хотя призвание в жизни женщины то же, как и призвание мужчины: в служении Богу, и выполняется тем же средством — любовью, — для большинства женщин предмет этого служения более определен, чем для мужчины. Предмет этот: возвращение и воспитание в любви все новых и новых работников дела Божия.

Истинное и прочное соединение мужчины и женщины — только в духовном общении. Половое общение без духовного

— источник страданий для обоих супругов.

Женщина, мать семейства, которая не умеет быть счастлива дома, не будет счастлива нигде.

Пройдите по большому городу и посмотрите на то, что продается в лучших магазинах, что стоит миллионы и есть произведение тяжелого, часто губительного труда миллионов рабочих. Все это предметы роскоши, употребляемые женщинами, такие, без которых можно обойтись. Если бы женщины только понимали то зло, которое производит их легкомысленная, ненужная роскошь!

Кроткие слова и немногие составляют лучшее украшение женщины.

Деторождение есть для женщины школа самоотречения. Воспитав в себе способность самоотречения, женщина легко проявляет ее и в других условиях жизни.

Существует странное, укоренившееся заблуждение о том, что стирка, шитье, стирка, нянчанье составляют исключительно женское дело и что делать это мужчине — даже стыдно. А между тем стыдно обратное: стыдно мужчине, часто незанятому, проводить время за пустяками или ничего не делать, в то время как усталая, часто слабая, беременная женщина через силу стряпает, стирает или нянчит больного ребенка.

Какого великого блага могут достигнуть два любящие супруга, если они поставят своей целью совершенствование и будут помогать в этом друг другу: напоминанием, советом, примером?

Добродетели женщины и мужчины одни и те же: воздержание, правдивость, доброта. Но в женщине те же добродетели получают особенную прелесть.

Из книг:
«Круг Чтения» и «Путь Жизни».

Разных авторов

Мужчина и женщина — те две ноты, без которых струны человеческой души не дают правильного и полного аккорда.

Иосиф Мадзини.

Человек со дня рождения окружен малым числом людей, с тем чтобы нежность этих людей вызывала в нем чувство любви к человеку.

Чаннинг.

Ты можешь пренебречь своею обязанностью перед супругом или супругой, можешь избавиться от той печали, которую дают тебе эти обязанности, можешь уйти. Но что же ты найдешь?

Ту же печаль, но без сознания исполненной обязанности.

Джордж Элиот.

Как женщине дан закон в муках родить, так мужчине дан закон труда. Женщина не может освободиться от своего закона. Если она усыновит не ею рож-

денного ребенка, это будет все-таки чужой ребенок, и она лишится радости материнства.

Бондарев.

Как ужасен бы был мир, если бы не рождались постоянно дети, несущие с собой невинность и возможность всякого совершенства!

Джон Рёскин.

Благословенно детство, которое среди жестокости земли дает хоть немного неба. Эти восемьдесят тысяч ежедневных рождений, о которых говорит статистика, составляют как бы излияния невинности и свежести, которая борется не только против уничтожения рода, но и против человеческой испорченности и всеобщего заражения грехом. Все добрые чувства, вызываемые около колыбели и детства, составляют одну из тайн великого провидения; уничтожьте вы эту освежающую росу, и вихрь эгоистических

страстей как огнем высушит человеческое общество.

Ангелы не могут нуждаться ни в рождении, ни в смерти для того, чтобы жить: но для людей необходимо, неизбежно и то и другое.

Амиель.

Если бесконечна доброта женщины, то бывает, что и злости ее нет конца.

Хорошая жена — многоценный мужу подарок, злая — злокачественная язва для него.

Талмуд.

Скажи мне, роскошная женщина, если бы кто спросил у тебя, чего бы ты лучше желала — тело ли иметь чистое, здоровое и прекрасное, а одеяние носить бедное, или — иметь тело уродливое и больное, но притом ходить в золоте и щеголять убранством. Не гораздо ли скорее ты захотела бы иметь благообразие в самой природе своего тела, чем в пышности одежд? Ужели же ты в отношении к телу пожелаешь этого, а по отношению к душе противного? Имея душу отвратительную, безобразную и черную,

ужели ты думаешь что-нибудь выиграть чрез золотые украшения? Не крайнее ли это безумие?

Иоанн Златоуст.

Чем красивее женщина, тем она должна быть честнее, потому что только честностью она может противодействовать тому вреду, который может произвести ее красота.

Лессинг.

Великое дело то, когда две души чувствуют, что они соединены навеки с тем, чтобы поддерживать друг друга во всяком труде, во всяком горе, помогать друг другу во всяком страдании и быть соединенным друг с другом в те молчаливые невыразимые минуты последнего прощания.

Джордж Элиот.

Весь мир и все в нем прекрасно, но самое прекрасное в мире — это добродетельная женщина.

Магомед.

Из книг:
«Круг Чтения» и «Путь Жизни».

Л. Н. Толстой

История и теория вопроса о непротивлении злу насилием

Из книги «Царство Божие
внутри вас есть...»

В 1884 году я написал книгу под заглавием: «**В чем моя вера?**». В книге этой я действительно изложил то, во что я верю.

Излагая свою веру в учение Христа, я не мог не высказать и того, почему я не верю и считаю заблуждением ту церковную веру, которая обыкновенно называется христианством.

В числе многих отступлений этого учения от учения Христа я указывал на главное отступление, именно — на непризнание заповеди непротивления злу насилием, очевиднее других отступлений указывающее на извращение церковным учением учения Христа.

Я очень мало знал, как и все

мы, о том, что делалось и было проповедуемо и писано в прежнее время по вопросу о непротивлении злу. Я знал то, что было высказано об этом предмете у отцов церкви — **Оригена, Тертуллиана** и других, — знал и о том, что существовали и существуют некоторые, так называемые, секты **менонитов, гернгутеров, квакеров**, которые не допускают для христианина употребления оружия и не идут в военную службу; но что было сделано этими, так называемыми, сектами для разъяснения этого вопроса, было мне мало известно.

Книга моя, как я и ожидал, была задержана русской цензурой, но отчасти вследствие моей

репутации как писателя, отчасти потому, что она заинтересовала людей, книга эта распространилась в рукописях и литографиях в России и в переводах за границы и вызвала, с одной стороны, от людей, разделяющих мои мысли, ряд сведений о сочинениях, писанных об этом же предмете, с другой стороны, ряд критик на мысли, высказанные в самой книге.

Как то, так и другое, вместе с историческими явлениями последнего времени, выяснило для меня очень многое и привело меня к новым выводам и заключениям, которые я и хочу высказать.

Прежде скажу о тех сведениях, которые я получил об истории вопроса о непротивлении злу; потом о тех суждениях об этом вопросе, которые были высказаны как духовными, т.е. исповедующими христианскую религию, критиками, так и светскими, т.е. не исповедующими христианскую религию; и, наконец, те выводы, к которым я был приведен и теми, и другими, и историческими событиями последнего времени.

I

Одним из первых откликов на мою книгу были письма от **американских квакеров**. В письмах этих, выражая свое сочувствие моим взглядам о незаконности для христианина всякого насилия и войны, квакеры сообщили мне подробности о своей, так называемой, секте, более 200 лет исповедующей на деле учение Христа о непротивлении злу насилем и не употреблявшей и теперь не употребляющей для защиты себя оружия. Вместе с письмами квакеры присылали мне свои брошюры, журналы и книги. Из этих присланных мне ими журналов, брошюр и книг я узнал, до какой степени уже много лет тому назад ими неопровержимо была доказана для христианина обязанность выполнения заповеди о непротивлении злу насилем и была обличена неправильность церковного учения, допускающего казни и войны.

Целым рядом рассуждений и текстов доказав то, что с религией, основанной на миролюбии и благоволении к людям, несовместима война, т.е. кале-

чение и убийство людей, квакеры утверждают и доказывают, что ничто столько не содействовало затемнению Христовой истины в глазах язычников и не мешало распространению христианства в мире, как непризнание этой заповеди людьми, именовавшими себя христианами, — как разрешение для христиан войны и насилия.

«Христово учение, вошедшее в сознание людей не посредством меча и насилия, говорят они, а посредством непротивления злу, посредством кротости, смирения и миролюбия, — только примером мира, согласия и любви между своими последователями и может распространиться в мире».

«Христианин, по учению самого Бога, может быть руководим в отношениях к людям только миролюбием, и потому не может быть такого авторитета, который заставил бы христианина действовать противно учению Бога и главного свойства христианина по отношению своих близких».

«Правило государственной необходимости, говорят они, может заставить изменить зако-

ну Бога тех, которые ради житейских выгод стараются согласить несогласимое, но для христианина, который истинно верит тому, что следование учению Христа дает ему спасение, правило это не может иметь никакого значения».

Знакомство с деятельностью квакеров и их сочинениями: с **Фоксом, Пэнном** и в особенности с книгой **Даймонда (Dymond)** 1827 г. — показало мне, что не только давным-давно признана невозможность соединения христианства с насилием и войною, но что эта несовместимость давным-давно так ясно и несомненно доказана, что надо только удивляться, каким образом может продолжаться это невозможное соединение христианского учения с насилием, которое проповедовалось и продолжает проповедоваться церквями.

Сочинения такого рода, трагивающие самую сущность христианского учения, должны бы были, казалось, быть разобраны и признаны справедливыми или отвергнуты и опровергнуты.

Но ничего подобного нет. Со всеми этими сочинениями повторяется одно и то же. Люди самых разных взглядов, как верующие, так и — что достойно удивления — неверующие либералы, как бы сговорившись, все одинаково упорно молчат о них, и все то, что делается людьми для разъяснения истинного смысла учения Христа, остается неизвестным или забытым.

Но еще более удивительна неизвестность двух сочинений, о которых я узнал тоже по случаю появления моей книги. Это книга **Dymond'a «On war» — «О войне»**, изданная в первый раз в Лондоне в 1824 году, и **Daniel Musser'a «О непротивлении»**, написанная в 1864 году. Неизвестность этих книг удивительна особенно потому, что, не говоря о достоинстве их, обе книги трактуют не столько о теории, сколько о практическом приложении теории к жизни, об отношении христианства к военной службе, что теперь особенно важно и интересно при общей воинской повинности.

Спросят, может быть: как же

обязан поступить подданный, который верит, что война несовместима с его религиею, но от которого правительство требует участия в военной службе?

Кажется, что это вопрос самый живой и такой, на который ответ при теперешней общей воинской повинности особенно важен. Все или огромное большинство людей — христиане, и все мужчины призываются к военной службе. Как же должен человек, как христианин, отвечать на это требование? Ответ **Dymond'a** такой:

«Обязанность его состоит в том, чтобы с кротостью, но и с твердостью отказаться от службы».

«Есть некоторые люди, которые без всякого определенного рассуждения прямо почему-то заключают, что ответственность за государственные меры ложится только на тех, которые распоряжаются, или что правительство и цари решают вопросы о том, что хорошо или дурно для подданных, и что подданные обязаны только повиноваться. Я думаю, что рассуждения такого рода только отума-

нивают совесть людей. «Я не могу не участвовать в совете правительства и потому не ответствен в его преступлениях». Правда, мы не ответственны в преступлениях правителей, но мы ответственны в своих собственных преступлениях. И преступления правителей делаются нашими, если мы, зная, что это преступления, содействуем их совершению... Те, которые полагают, что они обязаны повиноваться правительству и что ответственность за совершаемые ими преступления переносится с них на их государей, сами себя обманывают».

«Говорят: «мы передаем свои поступки воле других людей, и наши поступки не могут быть ни дурными, ни хорошими; в наших поступках не может быть ни заслуги за доброе, ни ответственности за злое, так как они совершаются не по нашей воле».

Замечательно, что это самое выражено в наставлении солдатам, которое их заставляют заучивать: там сказано, что только начальник отвечает за последствия своего приказа.

Но это несправедливо. Чело-

век не может снять с себя ответственности за свои поступки. И это видно из следующего:

«Если начальник велит вам убить ребенка вашего соседа, убить вашего отца, вашу мать, послушаетесь ли вы? Если же вы не послушаетесь, то и все рассуждение никуда не годится, потому что если вы можете не послушаться правителей в одном случае, то где же вы найдете тот предел, до которого вы можете повиноваться? Нет другого предела, кроме того, который определен христианством, и предел этот и разумен и исполним».

«И потому мы полагаем, что обязанность каждого человека, считающего, что война несовместима с христианством, — кротко, но твердо отказаться от военной службы. И пусть те, которым приходится так поступать, пусть они помнят, что на них лежит великая обязанность. От их верности своей религии зависит настолько, насколько она зависит от людей, — судьба мира в человечестве. Пускай они исповедуют свое убеждение и защищают его. И не одними словами, но и страданиями, ес-

ли то будет нужно. Если вы верите, что Христос запретил убийство, не верьте ни суждениям, ни приказаниям людей, призывающих вас к участию в нем. Таким твердым отказом от участия в насилии вы привлечете к себе благословение, данное тем, которые слышат слова эти и исполняют их, и придет время, когда и мир почтит вас как участников в возрождении человечества».

Книга Мосера называется **«Утверждение непротивления»** или **«Разделение царства Христа и царства мира сего»**, в 1864.

Книга эта посвящена тому же вопросу и разъясняет его по случаю требования американским правительством от своих граждан военной службы во время междоусобной войны. И тоже имеет самое современное значение, разъясняя вопрос о том, как, при каких условиях люди должны и могут отказываться от военной службы. В вступлении автор говорит:

«Известно, что в Соединенных Штатах есть много людей, сознательно отрицающих войну. Их называют «непротивля-

ющимися» (non-resistant) или «беззащитными» (defenceless) христианами. Эти христиане отказываются защищать свою страну, носить оружие и, по требованию правительства, воевать против его врагов. До сих пор эта религиозная причина была уважаема правительством, и те, которые выставляли ее, были освобождаемы от службы. Но с началом нашей междоусобной войны общественное мнение возмущено этим обстоятельством. Естественно, что лица, считающие своей обязанностью нести все тяжести и опасности военной жизни для защиты своего отечества, чувствуют недоброжелательство к тем лицам, которые вместе с ними в продолжение долгого времени пользовались покровительством и выгодами правительства; во время же нужд и опасности не хотят участвовать в несении трудов и опасности для защиты его. Естественно даже и то, что положение таких людей признают неразумным, уродливым и признают его подозрительным».

«Много ораторов и писателей, — говорит автор, — вос-

стали против такого положения и старались доказать несправедливость непротивления и по здравому смыслу и по писанию; и это совершенно естественно, и во многих случаях эти писатели правы, — правы в отношении к лицам, которые, отказываясь от трудов военной службы, не отказываются от выгод, получаемых ими от правительства, но — не правы по отношению самого принципа «непротивления». Прежде всего автор доказывает обязательность для христианина правила непротивления тем, что предписание это ясно и что оно без возможности перетолкования дано Христом всякому христианину.

«Судите сами, справедливо ли повиноваться человеку более, чем Богу», — сказали Петр и Иоанн. И точно так же всякий человек, желающий быть христианином, должен относиться к требованиям идти на войну, когда Христос сказал ему: «Не противься злу насиліем».

Этим вопрос о самом принципе автор считает решенным. Но другой вопрос, о том, имеют ли право отказаться от военной службы лица, не отказывающи-

еся от выгод, даваемых насиліем правительства, автор разбирает подробно и приходит к заключению, что христианин, следующий закону Христа, если он не идет на войну, не может точно так же принимать участия ни в каких правительственных распоряжениях: ни в судах, ни в выборах, — не может точно так же и в личных делах прибегать к власти, полиции или суду. — Далее в книге разбирается отношение Ветхого Завета к Новому, значение правительства для нехристиан; представляются возражения на учение непротивления и опровержения их. Заключает свою книгу автор следующим:

«Христиане не нуждаются в правительстве и потому не могут: ни повиноваться ему в том, что противно учению Христа, ни, тем менее, участвовать в нем».

«Христос избрал своих учеников из мира, — говорит он. — Они не ожидают мирских благ и мирского счастья, а, напротив, они ожидают жизни вечной. Дух, в котором они живут, делает их довольными и счастливыми во всяком поло-

жении. Если мир терпит их, они всегда довольны. Если же мир не хочет оставить их в покое, то они уйдут в другое место, так как они странники на земле и у них нет определенного места жительства. Они считают, что мертвые могут хоронить своих мертвецов, им же нужно одно: «следовать за своим учителем».

Не касаясь вопроса о том, верно или неверно определение обязанности христианина по отношению к войне, которая устанавливается в обеих книгах, нельзя не видеть практической важности и настоятельности решения этого вопроса.

Есть люди — есть сотни тысяч квакеров, есть менониты, есть все наши духоборцы, молokane и люди, не принадлежащие ни к каким определенным сектам, которые считают, что насилие, а потому и военная служба — несовместимы с христианством, и потому каждый год у вас в России несколько призываемых людей отказываются от военной службы на основании своих религиозных убеждений. Как же поступает правительство? Отпускает их? — Нет. — Заставляет их идти и,

в случае несогласия, наказывает их? — Нет. В 1818 году правительство поступило следующим образом. Вот никому почти в России не известная выписка из дневника Ник. Ник. Муравьева-Карского, не пропущенная цензурой:

2-го октября 1818 г. Тифлис.

Поутру комендант сказал мне, что недавно прислано в Грузию пять крестьян помещичьих Тамбовской губернии. Сии люди были в солдаты сданы, но не хотят служить; их уже несколько раз кнутом секли и сквозь строй гнали, но они отдают себя охотно на самые жестокие мучения и на смерть, дабы не служить. «Отпустите нас, — говорят они, — и не троньте нас, мы никого трогать не будем. Все люди равны, и государь тот же человек, как и мы; зачем мы будем ему подати платить, зачем я буду подвергать свою жизнь опасности, чтобы убить на войне человека, мне не сделавшего никакого зла? Вы можете нас по кускам резать, а мы не переменим своих мыслей, не наденем шинели и не будем пайка есть. Тот, который над нами сжалится, даст

нам милостыню, а казенного мы ничего не имели и иметь не хотим». Вот слова сих мужиков, которые уверяют, что им подобных есть множество в России. Их четыре раза водили в Комитет министров и, наконец, решились о том представить государю, который приказал для поправления отправить их в Грузию и предписал главнокомандующему доносить ему ежемесячно о постепенных успехах для приведения сих крестьян к настоящим мыслям».

Чем кончилось это поправление — неизвестно, так как неизвестен и весь эпизод, содрожавшийся в глубокой тайне.

Так поступало правительство 75 лет тому назад, — так поступало оно в большом количестве случаев, всегда старательно скрываемых от народа. Так же поступает оно и теперь, за исключением немцев-менонитов, живущих в Херсонской губернии, отказ которых от военной службы признается уважительным и которых заставляют отбывать сроки службы в работах при лесничестве.

В тех недавних случаях отка-

за от военной службы, вследствие религиозных убеждений менонитов, правительственные лица поступали так:

Сначала прилагают все употребляемые в наше время меры насилия для «поправления» отказывающихся и приведения их «к настоящим мыслям» и держат производство этих дел в величайшей тайне. Я знаю, что про одного из отказавшихся в 1884 году в Москве через два месяца после его отказа составилось огромное, толстое дело, хранившееся в министерстве под величайшим секретом.

Начинается обыкновенно с того, что отказывающегося посылают к священникам и, к стыду их, они всегда увещают отказывающихся. — Но так как увещание во имя Христа — отречься от Христа бывает большей частью безуспешным, то отказавшегося после увещания духовных лиц посылают к жандармам. Жандармы обыкновенно, не находя ничего политического, возвращают его назад и тогда отказавшегося посылают к ученым, к врачам и в сумасшедший дом. Во всех этих пересылках отказывающийся, ли-

шенный свободы, терпит всякого рода унижения и страдания, как приговоренный преступник. (Это повторялось в четырех случаях.) Из сумасшедшего дома доктора выпускают отказавшегося, и тогда начинаются всякие тайные, хитрые меры, чтобы и не отпустить отказавшегося, поощрив тем других отказываться так же, как и он, и вместе с тем не оставить его среди солдат, чтобы и солдаты не узнали от него того, что призвание их к военной службе совершается совсем не по закону Бога, как их уверяют, а против него.

Самое удобное для правительства было бы казнить отказавшегося: засечь палками или каким-нибудь иным способом, как это делалось прежде. Но казнить открыто человека за то, что он верен учению, которое мы сами исповедуем, — нельзя. Оставить же человека, отказывающегося от повиновения, — тоже нельзя. И вот правительство старается или страданиями заставить этого человека отречься от Христа, или как-нибудь незаметно избавиться от него, не казня его открыто,

скрыть как-нибудь и поступок этого человека и его самого от других людей. И начинаются всякого рода уловки и хитрости и мучения этого человека. Или ссылают этого человека на окраины, или вызывают на непослушание и тогда судят за нарушение дисциплины и запирают в тюрьму, дисциплинарный батальон, где уже тайно от всех свободно мучают его, или признают сумасшедшим и запирают в дом умалишенных. Так, одного сослали в Ташкент, т. е. как будто перевели в Ташкентское войско, другого в Омск, третьего судили за непослушание и заперли в тюрьму, четвертого в дом умалишенных.

Везде повторяется одно и то же. Не только правительство, но и большинство либеральных, свободно мыслящих людей, как бы сговорившись, старательно отворачиваются от всего того, что говорилось, писалось, делалось и делается людьми для обличения несовместимости насилия в самой ужасной, грубой и яркой его форме — в форме солдатства, т. е. готовности убийства кого бы то ни было, — с учением не только христиан-

ства, но хотя бы гуманности, которое общество будто бы исповедует.

Так что сведения, полученные мною о том, в какой степени уже давно разъяснено и все больше и больше разъясняется истинное значение учения Христа, и о том, как относятся к этому разъяснению и исполнению учения высшие, правящие классы не только в России, но в Европе и в Америке, убедили меня в том, что существует в этих правящих классах сознательно враждебное отношение к истинному христианству, выражающееся преимущественно замалчиванием всех проявлений его.

II

Такое же впечатление желания скрыть, замолчать то, что я старался высказать в своей книге, произвели во мне и суждения о ней.

Книга по выходе ее, как я и ожидал, была запрещена и по закону должна была быть сожжена. Но книга вместо сожжения была разобрана чиновника-

ми и распространилась в большом количестве списков и литографных оттисков и в переводах, напечатанных за границей.

И очень скоро на книгу появились критики, не только духовные, но и светские, которые правительство не только допускало, но и поощряло. Так что даже опровержение книги, которая считалась никому не известной, назначено было темой богословских сочинений в академиях.

Критики на мою книгу, как русские, так и иностранные, разделяются на два главные рода: критики религиозные — людей, считающих себя верующими, и критики светские — вольнодумные.

Начну с первых:

В книге моей я обвиняю церковных учителей в том, что они учат противно заповедям Христа, ясно и определенно выраженным в Нагорной проповеди, и особенно противно заповеди о непротivлении злу и лишают этим учение Христа всего его значения. Церковные учителя признают Нагорную проповедь с заповедью о непротivлении

злу насиліем божественным откровением и потому, если они уже раз нашли нужным писать о моей книге, то, казалось бы, им необходимо было прежде всего ответить на этот главный пункт обвинения и прямо высказать, признают или не признают они обязательным для христианина учение Нагорной проповеди и заповедь о непротивлении злу насиліем, и отвечать не так, как это обыкновенно делается, т.е. сказать, что хотя, с одной стороны, нельзя собственно отрицать, но, с другой стороны, опять-таки нельзя утверждать, тем более, что и т.д., а ответить так же, как поставлен вопрос в моей книге: действительно ли Христос требовал от своих учеников исполнения того, чему он учил в Нагорной проповеди, и потому может или не может христианин, оставаясь христианином, идти в суд, участвуя в нем, осуждая людей или ища в нем защиты силой, может или не может христианин, оставаясь христианином, участвовать в управлении, употребляя насиліе против своих ближних и самый главный, всем предстоящий теперь с общей воинской

повинностью, вопрос — может или не может христианин, оставаясь христианином, противно прямому указанию Христа обещаться в будущих поступках, прямо противных учению, и, участвуя в военной службе, готовиться к убийству людей или совершать их?

Вопросы поставлены ясно и прямо, и, казалось, надобно ясно и прямо ответить на них. Но во всех критиках на мою книгу ничего подобного не было сделано, точно так же как не было сделано и по отношению всех тех обличений церковных учителей в отступлении их от закона Христа, которыми со времен Константина полна история.

Очень много было говорено по случаю моей книги о том, как я неправильно толкую те и другие места Евангелия, о том, как я заблуждаюсь, не признавая троицы, искупления и бессмертия души; говорено было очень многое, но только не то одно, что для всякого христианина составляет главный, существенный вопрос жизни: как соединить ясно выраженное в словах учителя и в сердце каждого из нас учение о прощении,

смирении, отречении и любви ко всем: к ближним и к врагам, с требованием военного насилия над людьми своего или чужого народа.

Всё, что можно назвать подобиями ответов на этот вопрос, можно свести к следующим пяти разрядам. Я старался собрать в этом отношении все, что мог, не только по критикам на мою книгу, но и по всему тому, что и в прежние времена писалось на эту тему.

Первый самый грубый способ ответа состоит в смелом утверждении того, что насилие не противоречит учению Христа, что оно разрешено и даже предписано христианам Ветхим и Новым Заветом.

Этого рода утверждения исходят большею частью от людей, находящихся на высоких ступенях правительственной или духовной иерархии и вследствие этого совершенно уверенных, что на их утверждения возражать никто не посмеет, а если кто и будет возражать, то они не услышат этих возражений. Люди эти большею частью до такой степени, вследствие одурманения властью, по-

теряли представление о том, что есть то христианство, во имя которого они занимают свое положение, что все то, что есть в христианстве христианского, представляется им сектантством; все же то, что в писании как Ветхого, так и Нового Завета может быть перетолковано в смысле антихристианском и языческом, они считают основанием христианства. В пользу своего утверждения о том, что христианство не противоречит насилию, эти люди выставляют обыкновенно с величайшей смелостью самые соблазнительные места из Ветхого и Нового Завета, самым нехристианским образом толкуя их: казнь Анания и Сапфиры, казнь Симона Волхва и т.п. Приводятся все те слова Христа, которые можно перетолковать как оправдание жестокости: изгнание из храма, «Отраднее будет земле содомской, чем городу этому» и т.п.

По понятиям этих людей, христианское правительство нисколько не обязано руководиться духом смирения, прощения обид и любви к врагам.

Опровергать такое утвер-

ждение бесполезно потому, что люди, утверждающие это, сами себя опровергают или, скорее, отвергают себя от Христа, выдумывая своего Христа и свое христианство вместо того, во имя которого и существует и церковь и то положение, которое они в ней занимают. Если бы все люди знали, что церковь проповедует Христа казнящего и не прощающего и воюющего, то никто бы не верил в эту церковь и некому было бы доказывать то, что она доказывает.

Второй способ, несколько менее грубый, состоит в том, чтобы утверждать, что хотя действительно Христос учил подставлять щеку и отдавать кафтан и что это очень высокое нравственное требование, но... что есть на свете злодеи, и если не усмирять силой этих злодеев, то погибнет весь мир и погибнут добрые. Довод этот я нашел в первый раз у Иоанна Златоуста и выставляю несправедливость его в книге «В чем моя вера?».

Довод этот неоснователен потому, что если мы позволим себе признать каких-либо людей злодеями особенными

(рака́), то, во-первых, мы этим уничтожаем весь смысл христианского учения, по которому все мы равны и братья как сыны одного отца небесного; во-вторых потому, что если бы и было разрешено Богом употреблять насилие против злодеев, то так как никак нельзя найти того верного и несомненного определения, по которому можно наверное узнать злодея от незлодея, то каждый человек или общество людей стало бы признавать взаимно друг друга злодеями, что и есть теперь; в-третьих, потому, что если бы и было возможно несомненно узнавать злодеев от незлодеев, то и тогда нельзя бы было в христианском обществе казнить или калечить, или запереть в тюрьмы этих злодеев, потому что в христианском обществе некому бы было исполнять это, так как каждому христианину, как христианину, предписано не делать насилия над злодеем.

Третий способ ответов, еще более тонкий, чем предыдущий, состоит в утверждении того, что хотя заповедь о непротивлении злу насилием и обязательна для христианина, когда зло направ-

лено лично против него, она перестает быть обязательной, когда зло направлено против ближних, и что тогда христианин не только не обязан исполнять заповеди, но обязан для защиты ближних противно заповеди употреблять насилие против насилующих.

Утверждение это совершенно произвольно, и во всем учении Христа нельзя найти подтверждения такому толкованию. Такое толкование есть не только ограничение заповеди, но прямое отрицание и уничтожение ее. Если каждый имеет право употреблять насилие при угрожающей другому опасности, то вопрос об употреблении насилия сводится к вопросу определения того, что считать опасностью для другого. Если же мое частное суждение решает вопрос опасности для другого, то нет того случая насилия, которого нельзя бы было объяснить угрожающей другому опасностью. Казнили и сжигали колдунов, казнили аристократов и жирондистов, казнили и их врагов, потому что те, которые были во власти, считали их опасными для людей.

Если бы это важное ограничение, в корне подрывающее значение заповеди, входило в мысль Христа, то о нем должно было быть где-нибудь упомянуто. Во всей же проповеди и жизни учителя не только не сделано этого ограничения, но, напротив, как раз дано предостережение против такого ложного и соблазнительного, уничтожающего заповедь ограничения. Ошибка и невозможность такого ограничения с особенной яркостью показана в Евангелии при рассказе о рассуждении Каиафы, сделавшего именно это ограничение. Он признавал, что нехорошо казнить невинного Иисуса, но видел в этом опасность не для себя, но для всего народа и потому сказал: «лучше погибнуть одному человеку, чем всему народу». И еще ярче высказано отрицание такого ограничения в словах, сказанных Петру при его попытке воспротивиться насилием злу, направленному против Иисуса (Мф. XXVI, 52). Петр защищал не себя, но своего любимого и божественного учителя. И Христос прямо запретил ему это, сказав, что под-

нявший меч от меча погибнет.

Кроме того, оправдание насилия, употребленного над ближним для защиты другого ближнего от худшего насилия, всегда неверно, потому что никогда при употреблении насилия против не совершившегося еще зла нельзя знать, какое зло будет больше — зло ли моего насилия, или того, от которого я хочу защищать. Мы казним преступника, избавляя от него общество, и никак не можем знать, не изменился ли бы завтра бывший преступник и не есть ли наша казнь бесполезная жестокость. Мы запираем опасного, по нашему мнению, члена общества, но с завтрашнего дня этот человек мог перестать быть опасным и заключение его напрасно. Я вижу, что известный мне разбойник преследует девушку, у меня в руке ружье — я убиваю разбойника, спасаю девушку, но смерть или поражение разбойника совершилось наверное; то же, что бы произошло, если бы этого не было, мне неизвестно. А какое огромное количество зла должно произойти, как оно и происходит, — от признания людьми за

собой права предупреждать могущее случиться зло. 0,99 зла мира от инквизиции до динамитных бомб и казней и страданий десятков тысяч так называемых политических преступников основано на этом рассуждении.

Четвертый, еще более утонченный ответ на вопрос, как должно относиться христианину к заповеди Христа о непротавлении злу насилием, состоит в том, чтобы утверждать, что заповедь непротавления злу насилием не отрицается ими, а признается, как и всякая другая, но что они только не приписывают этой заповеди особенного, исключительного значения, как это делают сектанты. Приписывание этой заповеди неизменного условия христианской жизни, как это делают Гэrrисон, Баллу, Даймонд, квакеры, менониты, шекеры и как это делали моравские братья, вальденцы, альбигойцы, богомилы, павликиане, — есть одностороннее сектанство. Заповедь эта имеет ни больше, ни меньше значения, чем и все другие, и человек, преступивший по слабости какую бы то ни было заповедь, а

также и заповедь о непротивлении, не перестает быть христианом, если он правильно верит.

Изворот этот очень искусен, и многие люди, желающие быть обманутыми, легко обманываются им. Изворот состоит в том, чтобы прямое сознательное отрицание заповеди свести к случайному нарушению ее. Но стоит только сравнить отношение церковных учителей к этой и к другим действительно признаваемым ими заповедям, чтобы убедиться в том, что отношение церковных учителей к заповедям, которые они признают, и к этой — совершенно различно.

Заповедь против блуда они действительно признают и потому никогда ни в каком случае не признают того, чтобы блуд не был злом. Никогда церковные проповедники не указывают случаев, когда заповедь против блуда должна бы была нарушаться, и всегда поучают тому, что должно избегать соблазнов, вводящих в искушение против блуда. Но не то с заповедью непротивления. Все церковные проповедники знают случаи, когда заповедь эта мо-

жет быть нарушена. И так и учат людей. И не только не учат избегать этих соблазнов, из которых главный есть присяга, но сами производят его. Церковные проповедники никогда ни в каком случае не проповедуют нарушения всякой другой заповеди. По отношению же заповеди о непротивлении они прямо учат тому, что не надо слишком прямо понимать это запрещение, что не только не всегда нужно исполнять заповедь, но что есть условия, положения, в которых нужно делать прямо противное, т.е. судить, воевать, казнить. Так что по случаю заповеди о непротивлении злу насилем проповедуется в большей части случаев о том, как не исполнять ее. Исполнение этой заповеди, говорят они, очень трудно и свойственно только совершенству. Но как же ей быть не трудной, когда нарушение ее не только не запрещается, но прямо поощряется, когда прямо благословляются суды, тюрьмы, пушки, ружья, войска, сражения.

Стало быть неправда то, что заповедь эта признается церковными проповедниками

наравне с другими заповедями. Церковные проповедники прямо не признают ее и, только не смея сознаться в этом, стараются скрыть свое непризнание ее.

Пятый способ, самый тонкий, самый употребительный и самый могущественный, состоит в уклонении от ответа, в делании вида, что вопрос этот кем-то давным-давно разрешен вполне ясно и удовлетворительно и что говорить об этом не стоит.

Этот способ употребляем всеми более или менее культурными духовными писателями, т.е. такими, которые чувствуют для себя обязательными законы логики. Зная, что противоречие, существующее между учением Христа, которое мы на словах исповедуем, и всем строем нашей жизни нельзя распутать словами и, касаясь его, можно только сделать его еще очевиднее, они с большей или меньшей ловкостью, делая вид, что вопрос о соединении христианства с насилием уже разрешен или вовсе не существует, обходят его.

Большинство духовных критиков на мою книгу пользуются

этим способом. Я бы мог привести десятки таких критик, в которых без исключения повторяется одно и то же: говорится обо всем, но только не о том, что составляет главный предмет книги. Как характерный пример таких критик приведу статью знаменитого, утонченного английского писателя и проповедника **Фаррара**, великого, как и многие ученые богословы, мастера обходов и умолчаний. Статья эта напечатана в американском журнале «Forum» за октябрь 1888 года.

Изложив добросовестно вкратце содержание моей книги, Фаррар говорит:

«Толстой пришел к убеждению, что мир был грубо обманут, когда людей уверили, что учение Христа «не противься злу или злом» совместимо с войной, судами, смертною казнью, разводами, клятвой, народными пристрастиями и вообще с большинством учреждений гражданской и общественной жизни. Он верит теперь, что царство Бога наступит тогда, когда люди будут исполнять 5 заповедей Христа, именно: **1)** жить в мире со всеми

людьми; 2) вести чистую жизнь; 3) не клясться; 4) никогда не противиться злу и 5) отказываться от народных различий».

«Толстой, говорит он, отрицает боговдохновенность Ветхого Завета, посланий, отрицает все догматы церкви, как-то: троицы, искупления, сошествия св. духа, священства и признает только слова и заповеди Христа». «Но верно ли такое толкование учения Христа? — говорит он. — Обязаны ли все люди поступать так, как учит Толстой, т.е. исполнять 5 заповедей Христа?»

Так и ждешь, что на этот существенный вопрос, который один только и мог побудить человека писать статью о книге, человек скажет, что это толкование учения Христа верно и что надо следовать ему, или скажет, что такое толкование неверно; докажет, почему, и даст другое правильное толкование тех слов, которые я неправильно толкую. Но ничего подобного не делается. Фаррар выражает только «убеждение», что — «Толстой, хотя и руководимый самой благородной искренностью, впал в заблужде-

ние частных и односторонних толкований смысла Евангелия и разума (mind) и воли Христа».

В чем это заблуждение, не разъясняется, а говорится только: «Входить в доказательства этого невозможно в этой статье, потому что я уже и так превзошел количество листов, предоставленных мне».

И он со спокойным духом заключает:

«Между тем, если читатель чувствует себя смущенным мыслью о том, что он обязан, как христианин, так же как и Толстой, покинуть свои привычные условия жизни и жить как простой работник, то пусть он успокоится и держится принципа: «Securus judicat orbis terrarum» (Весь мир судить легкомысленно). «За малыми исключениями, — продолжает он, — все христианство от апостольских времен до наших дней пришло к убеждению, что цель Христа состояла в том, чтобы дать людям великий принцип, но не в том, чтобы разрушить основы учреждения всего человеческого общества, которое утверждается на божеском установлении (sanction) и

на необходимости. Если бы моей задачей было доказать, как невозможно учение коммунизма, основываемое Толстым на божественных парадоксах (sic), которые могут быть истолковываемы только на основании исторических принципов в согласии со всеми методами учения Христа, — это потребовало бы более места, чем я имею в своем распоряжении».

Экое горе, места ему нет! И странное дело, никому вот уже 15 веков нет места доказать то, что Христос, которого мы исповедуем, говорил совсем не то, что он говорил. А доказать они могли бы, если бы захотели. Впрочем, и не стоит доказывать то, что всем известно. Довольно сказать: «Весь мир судить легкомысленно».

И таковы без исключения все критики культурных верующих людей и потому понимающих опасность своего положения. Единственный выход из него для них — надежда на то, что, пользуясь авторитетом церкви, древности, святости, можно запугать читателя, отвлечь его от мысли самому прочесть Евангелие и самому своим умом обду-

мать вопрос. И это удается.

Кому в самом деле придет в голову то, что все то, что с такой уверенностью и торжественностью повторяется из века в век всеми этими архидамионами, епископами, архиепископами, святейшими синодами и папами, что все это есть гнусная ложь и клевета, взводимая ими на Христа для обеспечения денег, которые им нужны для сладкой жизни на шеях других людей, ложь и клевета до такой степени очевидная, особенно теперь, что единственная возможность продолжать эту ложь состоит в том, чтобы запугивать людей своей уверенностью, своей бессовестностью.

Это всё то же, что происходило последние года в воинских присутствиях: сидят за столом за зеркалом, на первых местах, под портретом во весь рост императора, старые, важные, в регалиях чиновники и свободно, развязно беседуют, записывают, приказывают и вызывают. Тут же в наперсном кресте и шелковой рясе с выпростанными седыми волосами на эпитрахили благообразный старец священник перед аналоем, на котором

лежит золотой крест с кованым в золоте Евангелием.

Вызывают Ивана Петрова. Выходит юноша, дурно, грязно одетый, испуганный, с дрожащими мускулами лица и блестящими бегающими глазами и прерывающимся голосом, шепотом почти говорит: «я... по закону..., я, как христианин... я не могу...»

— Что он бормочет? — спрашивает нетерпеливо, щурясь и прислушиваясь, председатель, поднимая голову от книги.

— Говорите громче! — кричит на него полковник с блестящими понами.

— Я... я... как христианин...

И, наконец, оказывается, что юноша отказывается от военной службы, потому что он христианин.

— Не говори вздору. Ставь в мерку. Доктор, потрудитесь смерить. Годится?

— Годится.

— Батюшка, приведите к присяге.

Никто не только не смущен, но даже не обращает внимания на то, что лопочет этот испуганный, жалкий юноша. «Они

все что-нибудь лопочат, а нам некогда, надо еще столько принять».

Рекрут что-то хочет сказать еще. — «Это против закона Христа».

— Ступайте, ступайте, без вас знают, что по закону, что не по закону, а вы отправляйтесь. Батюшка, внушите ему. Следующий: Василий Никитин.

И дрожащего юношу уводят. И кому, и сторожам, и Василию Никитину, которого вводят, и всем, которые со стороны видели эту сцену, придет в голову, что те неясные короткие слова юноши, тотчас же замятые начальством, содержат в себе истину, а те громкие, торжественно произносимые речи самоуверенных, спокойных чиновников и священника суть ложь, обман.

Такое же впечатление производят статьи не одного Farrara, но все те торжественные проповеди, статьи и книги, которые появляются со всех сторон, как только где-нибудь проглянет истина, обличающая царствующую ложь. Тотчас же начинаются длинные, умные, изящные, торжественные разговоры

или писания о вопросах, близко касающихся предмета с искусным умолчанием о самом предмете.

В этом состоит пятый и самый действительный способ устранения того противоречия, в которое поставило себя церковное христианство, исповедуя на словах Христа и отрицая в жизни его учение и научая это людей.

Те, которые оправдываются по первому способу, прямо, грубо утверждая, что Христос разрешил насилие: войны, убийства, — сами себя отвергают от учения Христа; те, которые защищаются по второму, третьему и четвертому способу, сами путаются, и их легко уличить в их неправде, но эти последние, не рассуждающие, не достаивающие рассуждать, а прячущиеся за свое величие и делающие вид, что все это ими или еще кем-то уже давно решено и не подлежит уже никакому сомнению, — эти кажутся неуязвимыми и будут неуязвимы до тех пор, пока люди будут находиться под действием гипнотического внушения, наводимого на них правительствами и

церквями, и не встряхнутся от него.

Так относились к моей книге духовные, т.е. исповедующие веру в Христа. И иначе им нельзя было отнестись: их связывает то противоречие, в котором они находятся — веры в божественность учителя и неверия в его самые ясные слова, — из которого им надо как-нибудь выпутываться, и потому нельзя было ожидать от них свободных суждений о самой сущности вопроса, о том изменении жизни людей, которое вытекает из приложения учения Христа к существующему порядку. Такого рода суждений я ожидал **от светских, вольнодумных критиков**, которые ничем не связаны с учением Христа и могут свободно смотреть на него. Я ожидал, что вольнодумные писатели посмотрят на Христа не только как на установителя религии поклонения и личного спасения (как его понимают церковники), а, выражаясь их языком, и как на реформатора, разрушающего старые и дающего новые основы жизни, реформа которого не совершилась еще, а продолжается и до сих

пор.

Такой взгляд на Христа и его учение вытекает из моей книги. Но, к удивлению моему, из числа в большом количестве появившихся на мою книгу критик, не было *ни одной*, ни русской, ни иностранной, которая трактовала бы предмет с той самой стороны, с которой он изложен в книге, т.е. которая посмотрела бы на учение Христа как на философское, нравственное и социальное (говоря опять языком научных людей) учение. Ни в одной критике этого не было.

Русские светские критики, поняв мою книгу так, что все ее содержание сводится к непротавлению злу, и поняв самое учение о непротавлении злу (вероятно, для удобства возражения) так, что оно будто бы запрещает всякую борьбу со злом, русские светские критики с раздражением напали на это учение и весьма успешно в продолжение нескольких лет доказывали, что учение Христа неправильно, так как оно запрещает противиться злу. Их опровержения этого *мнимого* учения Христа были тем более

успешны, что они вперед знали, что их рассуждения не могут быть ни опровергаемы, ни исправляемы, так как цензура, не пропустив книги, не пропускала и статей в защиту ее.

Замечательно при этом то, что у нас, где нельзя сказать слова о священном писании без запрета цензуры, несколько лет во всех журналах извращалась, критиковалась, осуждалась, осмеивалась прямо и точно выраженная заповедь Христа (**Мф. V, 39**).

Русские светские критики, очевидно не зная всего того, что было сделано по разработке вопроса о непротавлении злу, и даже иногда как будто предполагая, что это я лично выдумал правило непротавления злу насилем, напали на самую мысль, опровергая, извращая ее и с большим жаром выставляя аргументы, давным-давно уже со всех сторон разобранные и опровергнутые, доказывали, что человек непременно должен (насилем) защищать всех обиженных и угнетенных и что поэтому учение о непротавлении злу насилем есть учение безнравственное.

Всем русским критикам все значение проповеди Христа представлялось только в том, что она как будто им назло мешает известной деятельности, направленной против того, что ими в данную минуту считается злом, так что выходило, что на принцип непротivления злу насилieм нападали два противоположные лагеря: консерваторы потому, что этот принцип препятствовал их деятельности противления злу, производимому революционерами, их преследованиям и казням; революционеры же потому, что этот принцип препятствовал противлению злу, производимому консерваторами и их ниспровержению. Консерваторы возмущались тем, что учение о непротivлении злу насилieм препятствует энергическому подавлению революционных элементов, могущих погубить благосостояние народа; революционеры возмущались тем, что учение о сопротивлении злу насилieм препятствует ниспровержению консерваторов, губящих благосостояние народа. Замечательно при этом то, что революционеры нападали на принцип непротivления злу насилieм,

несмотря на то, что он самый страшный и опасный для всякого деспотизма, так как с тех пор, как стоит мир, на противоположном принципе, необходимости противления злу насилieм, основывались и основываются все насилия, от инквизиции до Шлиссельбургской крепости.

Кроме того, русские критики указывали и на то, что приложение к жизни заповеди о непротivлении злу насилieм своротило бы человечество с того пути цивилизации, по которому оно идет. Путь же цивилизации, по которому идет европейское человечество, есть, по их мнению, тот самый, по которому и должно всегда идти все человечество.

Таков был главный характер русских критиков.

Иностранные критики исходили из тех же основ, но рассуждения их о моей книге несколько отличались от рассуждений русских критиков не только меньшей раздражительностью и большей культурностью, но и по существу дела.

Рассуждая о моей книге и вообще о евангельском учении,

как оно выражено в Нагорной проповеди, иностранные критики утверждали, что такое учение не есть собственно христианское (христианское учение, по их мнению, есть католицизм и протестантство) — учение же Нагорной проповеди есть только ряд очень милых непрактических мечтаний *du charmant docteur*, как говорит Ренан, годных для наивных и полудиках обитателей Галилеи, живущих за 1800 лет назад, и для русских полудиках мужиков — Сютаева, Бондарева и русского мистика Толстого, но никак не приложимых к высокой степени европейской культуры.

Иностранные светские критики тонким манером, не оскорбляя меня, старались дать почувствовать, что суждения мои о том, что человечество может руководиться таким наивным учением, как Нагорная проповедь, происходит отчасти от моего невежества, незнания истории, незнания всех тех тщетных попыток осуществления в жизни принципов Нагорной проповеди, которые были делаемы в истории и ни к чему не привели, отчасти от непони-

мания всего значения той высокой культуры, на которой со своими крупновскими пушками, бездымным порохом, колонизацией Африки, управлением Ирландии, парламентом, журналистикой, стачками, конституцией и Эйфелевой башней стоит теперь европейское человечество.

Так писал **Vogué**, так писал **Leroy Beaulieu**, так писал **Матью Арнольд**, так писал американский писатель **Савадж и Ингерзаль**, популярный американский свободомыслящий проповедник, и многие другие.

«Учение Христа не годится, потому что не соответствует нашему индустриальному веку», — наивно говорит Ингерзаль, выражая этим с совершенной точностью и наивностью то самое, что думают утонченно образованные люди нашего времени об учении Христа. Учение не годится для нашего индустриального века, точно как будто то, что существует индустриальный век, есть дело священное, которое не должно и не может быть изменено. Вроде того, как если бы пьяницы против советов о том, как им привести себя в трезвое состоя-

ние, отвечали бы, что эти советы неуместны при их алкоголическом состоянии.

Рассуждения всех светских писателей, как русских, так и иностранных, как ни различен их тон и манера доводов, все в сущности сводятся к одному и тому же странному недоразумению, именно к тому, что учение Христа, одно из последствий которого есть непротivление злу насилieм, непригодно нам, потому что оно требует изменения нашей жизни.

Учение Христа негодно, потому что, если бы оно было исполнено, не могла бы продолжаться наша жизнь; другими словами: если бы мы начали жить хорошо, как нас учил Христос, мы не могли бы продолжать жить дурно, как мы живем и привыкли жить. Вопрос же о непротivлении злу насилieм не только не обсуждается, но самое упоминание о том, что в учение Христа входит требование непротivления злу насилieм, уже считается достаточным доказательством непрilожимости всего учения.

А между тем, казалось бы, необходимо указать хоть на ка-

кое-нибудь решение этого вопроса, так как он стоит в основе почти всех дел, которые занимают нас.

Вопрос ведь состоит в том: каким образом разрешать столкновения людей, когда одни люди считают злом то, что другие считают добром, и наоборот? И потому считать, что зло есть то, что я считаю злом, несмотря на то, что противник мой считает это добром, не есть ответ. Ответов может быть только два: или тот, чтобы найти верный и неоспоримый критерий того, что есть зло, или тот, чтобы не протivиться злу насилieм.

Первый выход был пробован с начала исторических времен и, как мы все знаем, не привел до сих пор к успешным результатам.

Второй ответ — не протivиться насилieм тому, что мы считаем злом, до тех пор, пока мы не нашли общего критерия, — этот ответ предложен Христом.

Можно находить, что ответ, данный Христом, неправилен; можно выставить на место его другой, лучший, найдя такой

критериум, который для всех несомненно и одновременно определял бы зло; можно просто не сознавать сущности вопроса, как не сознают этого дикие народы, но нельзя, как это делают ученые критики христианского учения, делать вид, что вопроса никакого вовсе и не существует или что признание за известными лицами или собраниями людей (тем менее, когда эти люди мы сами) права определять зло и противиться ему насилеиом разрешает вопрос; тогда как мы все знаем, что такое признание нисколько не разрешает вопроса, так как всегда есть люди, не признаю-

щие за известными людьми или собраниями этого права.

А это-то признание того, что то, что нам кажется злом, то и есть зло, или совершенное непонимание вопроса, и служит основой суждений светских критиков о христианском учении, так что суждения о моей книге, как церковных, так и светских критиков, показали мне то, что большинство людей прямо не понимают не только самого учения Христа, но даже и тех вопросов, на которые оно служит ответом.

1890-93

Вступление, гл. I и II из трактата Л. Н. Толстого «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» даны в некотором сокращении.

Книга явилась ответом на целый поток критических отзывов, вызванных более ранним сочинением Л. Н. Толстого «В чём моя вера?» (1884), и стала наиболее основательной разработкой учения о непротивлении злу насилеиом. Среди сочувственных откликов и присланных изданий были: «Декларация» У. Л. Гаррисона, «Катехизис непротивления» и ряд других сочинений А. Баллу и «Сеть веры правой» П. Хельчицкого — о них мы расскажем более подробно в следующих выпусках нашего Альманаха.

В 1893 году вышел французский перевод в Париже и итальян-

ский в Риме, в следующем году — русское и немецкое издание книги в Берлине и Штутгарте, два английских перевода в Лондоне.

Книга с восторгом была принята критиками Н. Н. Страховым, В. В. Стасовым («такой книги еще не бывало... это самая великая книга нашего XIX века»), художником И. Е. Репиным («страшно сильная вещь») и др. Книга произвела большое впечатление и на молодого М. К. Ганди, проживавшего в те годы в Англии («когда я переживал тяжелейший приступ скептицизма и сомнения, я прочитал книгу Толстого "Царство Божие внутри вас", и она произвела на меня глубочайшее впечатление. В то время я был поборником насилия. Книга Толстого излечила меня от скептицизма и сделала убежденным сторонником ахимсы (ненасилия)... Никто на Западе, ни до него, ни после, не написал о ненасилии так много и упорно, с такой проникновенностью и прозорливостью».)

Российская Цензура для иностранных изданий объявила, что это самая вредная книга из всех, которые ей когда-нибудь пришлось запрещать. Из секретного циркуляра от 18 мая 1894 г. за № 2829: «До министерства внутренних дел дошли сведения, что сочинение графа Л. Толстого "Царство Божие внутри вас есть", напечатанное за границей и безусловно запрещенное к обращению, в настоящее время в значительном количестве экземпляров тайно проникло в пределы империи и распространяется между прочим путем перепечатывания на пишущих машинах, в особенности в южных губерниях». Для «предотвращения тайного воспроизведения этого сочинения и распространения его в публике» предписывался бдительный и негласный надзор за всеми типографиями, литографиями и лицами, имеющими пишущие машинки.

В России впервые «Царство Божие...» издано в 1906 г. В 1908 г. его напечатал «Посредник», заменив иностранный текст русским переводом. Далее трактат включался во все дореволюционные Полные собрания сочинений с некоторыми сокращениями.

Л. Н. Толстой

письмо Александру III

Ваше императорское величество.

Я, ничтожный, непризванный и слабый, плохой человек, пишу письмо русскому императору и советую ему, что ему делать в самых сложных, трудных обстоятельствах, которые когда-либо бывали. Я чувствую, как это странно, неприлично, дерзко, и все-таки пишу. Я думаю себе: если ты напишешь, письмо твое будет не нужно, его не прочтут, или прочтут и найдут, что оно вредно, и накажут тебя за это. Вот все, что может быть. И в этом для тебя не будет ничего такого, в чем бы ты раскаивался. Но если ты не напишешь и потом узнаешь, что никто не сказал царю то, что ты хотел сказать, и что царь потом, когда уже ничего нельзя будет переменить, подумает и скажет: если бы тогда кто-нибудь сказал мне это! Если это случится так, ты вечно будешь раскаиваться, что не написал того, что думал. И потому я пишу вашему величеству то, что я думаю.

Я пишу из деревенской глуши, ничего верно не знаю. То, что знаю, знаю по газетам и слухам, и потому, может быть, пишу ненужные пустяки о том, чего вовсе нет, тогда, ради Бога, простите мою самонадеянность и верьте, что я пишу не потому, что я высоко о себе думаю, а потому только, что, уже столь много виноватый перед всеми, боюсь быть еще виноватым, не сделав того, что мог и должен был сделать...

Отца вашего, царя русского, сделавшего много добра и всегда желавшего добра людям, старого, доброго человека, бесчеловечно изувечили и убили не личные враги его, но враги существующего порядка вещей; убили во имя какого-то высшего блага всего чело-

вечества. Вы стали на его место, и перед вами те враги, которые отравляли жизнь вашего отца и погубили его. Они враги ваши потому, что вы занимаете место вашего отца, и для того мнимого общего блага, которого они ищут, они должны желать убить и вас.

К этим людям в душе вашей должно быть чувство мести, как к убийцам отца, и чувство ужаса перед той обязанностью, которую вы должны были взять на себя. Более ужасного положения нельзя себе представить, более ужасного потому, что нельзя себе представить более сильного искушения зла. Враги отечества, народа, презренные мальчишки, безбожные твари, нарушающие спокойствие и жизнь вверенных миллионов, и убийцы отца. Что другое можно сделать с ними, как не очистить от этой заразы русскую землю, как не раздавить их, как мерзких гадов. Этого требует не мое личное чувство, даже не возмездие за смерть отца, этого требует от меня мой долг, этого ожидает [от] меня вся Россия.

В этом-то искушении и состоит весь ужас вашего положения. Кто бы мы ни были, цари или пастухи, мы люди, просвещенные учением Христа.

Я не говорю о ваших обязанностях царя. Прежде обязанностей царя есть обязанности человека, и они должны быть основой обязанности царя и должны сойтись с ними.

Бог не спросит вас об исполнении обязанности царя, не спросит об исполнении царской обязанности, а спросит об исполнении человеческих обязанностей. Положение ваше ужасно, но только затем и нужно учение Христа, чтобы руководить нас в тех страшных минутах искушения, которые выпадают на долю людей. На вашу долю выпало ужаснейшее из искушений. Но как ни ужасно оно, учение Христа разрушает его, и все сети искушения, обставленные вокруг вас, как прах разлетятся перед человеком, исполняющим волю Бога. Мф. 5, 43. Вы слышали, что сказано: люби ближнего и возненавидь врага твоего; а я говорю вам: любите врагов ваших... благотворите ненавидящим вас — да будете сынами отца вашего небесного. 38. Вам сказано: око за око, зуб за зуб, а я говорю: не противься злу. Мф. 18, 20. Не говорю тебе до 7, но до 70×7. Не

ненавидь врага, а благотвори ему, не противься злу, не уставай прощать. Это сказано человеку, и всякий человек может исполнить это. И никакие царские, государственные соображения не могут нарушить заповедей этих. 5, 19. И кто нарушит одну из сих малейших заповедей, малейшим наречется в царствии небесном, а кто сотворит и научит, тот великим наречется в царствии небесном. 7, 24. И так, всякого, кто слушает сии мои слова и исполняет их, уподоблю мужу разумному, который построил свой дом на камне: пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились в дом тот, и он не упал, ибо основан был на камне.

Знаю я, как далек тот мир, в котором мы живем, от тех божеских истин, которые выражены в учении Христа и которые живут в нашем сердце, но истина — истина, и она живет в нашем сердце и отзывается восторгом и желанием приблизиться к ней. Знаю я, что я ничтожный, дрянной человек, в искушениях, в 1000 раз слабейших, чем те, которые обрушились на вас, отдавался не истине и добру, а искушению и что дерзко и безумно мне, исполненному зла человеку, требовать от вас той силы духа, которая не имеет примеров, требовать, чтобы вы, русский царь, под давлением всех окружающих, и любящий сын после убийства, простили бы убийц и отдали бы им добро за зло; но не желать этого я не могу, [не могу] не видеть того, что всякий шаг ваш к прощению есть шаг к добру; всякий шаг к наказанию есть шаг к злу, не видеть этого я не могу. И как для себя в спокойную минуту, когда нет искушения, надеюсь, желаю всеми силами души избрать путь любви и добра, так и за вас желаю и не могу не надеяться, что вы будете стремиться к тому, чтобы быть совершенными, как Отец ваш на небе, и вы делаете величайшее дело в мире, поборете искушение, и вы, царь, дадите миру величайший пример исполнения учения Христа — отдадите добро за зло.

Отдайте добро за зло, не противьтесь злу, всем простите.

Это и только это надо делать, это воля Бога. Достанет ли у кого или неостанет сил сделать это, это другой вопрос. Но только этого одного надо желать, к этому одному стремиться, это одно считать

хорошим и знать, что все соображения против этого — искушения и соблазны, и что *все соображения против этого*, все ни на чем не основаны, шатки и темны.

Но, кроме того, что всякий человек должен и не может ничем другим руководиться в своей жизни, как этими выражениями воли Божией, исполнение этих заповедей Божьих есть вместе с тем и самое для жизни вашей и вашего народа разумное действие. Истина и благо всегда истина и благо и на земле, и на небе. Простить ужаснейших преступников против человеческих и божеских законов и воздать им добро за зло — многим это покажется в лучшем смысле идеализмом, безумием, а многим злонамеренностью. Они скажут: «Не прощать, а вычистить надо гниль, задуть огонь». Но стоит вызвать тех, которые скажут это, на доказательство их мнения, и безумие и злонамеренность окажутся на их стороне.

Около 20 лет тому назад завелось какое-то гнездо людей, большей частью молодых, ненавидящих существующий порядок вещей и правительство. Люди эти представляют себе какой-то другой порядок вещей, или даже никакого себе не представляют и всеми безбожными, бесчеловечными средствами, пожарами, грабежами, убийствами, разрушают существующий строй общества. 20 лет борются с этим гнездом... и до сих пор гнездо это не только не уничтожено, но оно растет, и люди эти дошли до ужаснейших, по жестокости и дерзости, поступков, нарушающих ход государственной жизни. Те, которые хотели бороться с этой язвой внешними, наружными средствами, употребляли два рода средств: одно — прямое отсечение больного, гнилого, строгость наказания; другое — предоставление болезни своего хода, регулирование ее. Это были либеральные меры, которые должны были удовлетворить беспокойные силы и утишить напор враждебных сил. Для людей, смотрящих на дело с материальной стороны, нет других путей — или решительные меры пресечения, или либерального послабления. Какие бы и где ни собрались люди толковать о том, что нужно делать в теперешних обстоятельствах, кто бы они ни были, знакомые в гостиную, члены совета, собрания представителей, если они

будут говорить о том, что делать для пресечения зла, они не выйдут из этих двух воззрений на предмет: или пресекать — строгость, казни, ссылки, полиция, стеснения цензуры и т. п., или либеральная потачка — свобода, уверенная мягкость мер взысканий, даже представительство, конституция, собор. Люди могут сказать много еще нового относительно подробностей того и другого образа действий; во многом многие из одного и того же лагеря будут несогласны, будут спорить, но ни те, ни другие не выйдут — одни из того, что они будут отыскивать средства насильственного пресечения зла, другие — из того, что они будут отыскивать средства не стеснения, давания выходу затеявшемуся брожению. Одни будут лечить болезнь решительными средствами против самой болезни, другие будут — лечить не болезнь, но будут стараться поставить организм в самые выгодные, гигиенические условия, надеясь, что болезнь пройдет сама собою. Очень может быть, что те и другие скажут много новых подробностей, но ничего не скажут нового, потому что и та, и другая система уже были употреблены, и ни та, ни другая не только не излечила больного, но не имела никакого влияния. Болезнь шла донныне, постепенно ухудшаясь. И потому я полагаю, что нельзя так сразу называть исполнение воли Бога по отношению к делам политическим мечтанием и безумием. Если даже смотреть на исполнение закона Бога, святыню святынь, как на средство против житейского, мирского зла, и то нельзя смотреть на него презрительно после того, как очевидно вся житейская мудрость не помогла и не может помочь. Больного лечили и сильными средствами, и переставая давать сильные средства, а давая ход его отправлениям, и ни та, ни другая система не помогли, больной все больнее. Представляется еще средство — средство, о котором ничего не знают врачи, средство странное. Отчего же не испытать его? Одно первое преимущество средство это имеет неотъемлемо перед другими средствами, это то, что те употреблялись бесполезно, а это никогда еще не употреблялось.

Пробовали во имя государственной необходимости блага масс стеснять, ссылать, казнить, пробовали во имя той же необходимо-

сти блага масс давать свободу — все было то же. Отчего не попробовать во имя Бога исполнять только закон его, не думая ни о государстве, ни о благе масс. Во имя Бога и исполнения закона Его не может быть зла.

Другое преимущество нового средства — и тоже несомненное — то, что те два средства сами в себе были нехороши: первое состояло в насилии, казнях (как бы справедливы они ни казались, каждый человек знает, что они зло), второе состояло в не вполне правдивом попусчении свободы. Правительство одной рукой давало эту свободу, другой — придерживало ее. Приложение обоих средств, как ни казались они полезны для государства, было нехорошее дело для тех, которые прилагали их. Новое же средство таково, что оно не только свойственно душе человека, но доставляет высшую радость и счастье для души человека. Прощение и воздаяние добром за зло есть добро само в себе. И потому приложение двух старых средств должно быть противно душе христианской, должно оставлять по себе раскаяние, прощение же дает высшую радость тому, кто творит его.

Третье преимущество христианского прощения перед подавлением или искусным направлением вредных элементов относится к настоящей минуте и имеет особую важность. Положение ваше и России теперь — как положение больного во время кризиса. Один ложный шаг, прием средства ненужного или вредного, может навсегда погубить больного. Точно так же теперь одно действие в том или другом смысле: возмездие за зло жестоких казней или вызова представителей — может связать все будущее. Теперь, в эти 2 недели суда над преступниками и приговора, будет сделан шаг, который выберет одну из 3-х дорог, предстоящего распутья: путь подавления зла злом, путь либерального послабления — оба испытанные и ни к чему не приводящие пути. И еще новый путь — путь христианского исполнения царем воли Божьей, как человеком.

Государь! По каким-то роковым, страшным недоразумениям в душе революционеров запала страшная ненависть против отца вашего, — ненависть, приведшая их к страшному убийству. Нена-

висть эта может быть похоронена с ним. Революционеры могли — хотя несправедливо — осуждать его за гибель десятков своих. Но вы чисты перед всей Россией и перед ними. На руках ваших нет крови. Вы — невинная жертва своего положения. Вы чисты и невинны перед собой и перед Богом. Но вы стоите на распутье. Несколько дней, и если восторжествуют те, которые говорят и думают, что христианские истины только для разговоров, а в государственной жизни должна проливаться кровь и царствовать смерть, вы навеки выйдете из того блаженного состояния чистоты и жизни с Богом и вступите на путь тьмы государственных необходимостей, оправдывающих все и даже нарушение закона Бога для человека.

Не простите, казните преступников, вы сделаете то, что из числа сотен вы вырвете 3-х, 4-х, и зло родит зло, и на место 3-х, 4-х вырастут 30, 40, и сами навеки потеряете ту минуту, которая одна дороже всего века, — минуту, в которую вы могли исполнить волю Бога и не исполнили ее, и сойдете навеки с того распутья, на котором вы могли выбрать добро вместо зла, и навеки завяжете в делах зла, называемых государственной пользой. Мф. 5, 25.

Простите, воздайте добром за зло, и из сотен злодеев десятки перейдут не к вам, не к ним (это неважно), а перейдут от дьявола к Богу и у тысяч, у миллионов дрогнет сердце от радости и умиления при виде примера добра с престола в такую страшную для сына убитого отца минуту.

Государь, если бы вы сделали это, позвали этих людей, дали им денег и услали их куда-нибудь в Америку и написали бы манифест с словами вверху: а я вам говорю, любите врагов своих, — не знаю, как другие, но я, плохой верноподданный, был бы собакой, рабом вашим. Я бы плакал от умиления, как я теперь плачу всякий раз, когда бы я слышал ваше имя. Да что я говорю: не знаю, что другие. Знаю, каким потоком разлились бы по России добро и любовь от этих слов. Истины Христовы живы в сердцах людей, и одни они живы, и любим мы людей только во имя этих истин.

И вы, царь, провозгласили бы не словом, а делом эту истину. Но

может быть, это все мечтания, ничего этого нельзя сделать. Может быть, что хотя и правда, что 1) более вероятности в успехе от таких действий, никогда еще не испытанных, чем от тех, которые пробовали и которые оказались негодными, и что 2) такое действие наверно хорошо для человека, который совершит его, и 3) что теперь вы стоите на распутье и это единственный момент, когда вы можете поступить по-Божьи, и что, упустив этот момент, вы уже не вернете его, — может быть, что все это правда, но скажут: это невозможно. Если сделать это, то погубишь государство.

Но положим, что люди привыкли думать, что божественные истины — истины только духовного мира, а не приложимы к житейскому; положим, что врачи скажут: мы не принимаем вашего средства, потому что, хотя оно и не испытанно и само в себе не вредно, и правда, что теперь кризис, мы знаем, что оно сюда не идет и ничего, кроме вреда, сделать не может. Они скажут: христианское прощение и воздаяние добром за зло хорошо для каждого человека, но не для государства. Приложение этих истин к управлению государством погубит государство.

Государь, ведь это ложь, злейшая, коварнейшая ложь: исполнение закона Бога погубит людей. Если это закон Бога для людей, то он всегда и везде закон Бога, и нет другого закона воли его. И нет кощунственнее речи, как сказать: закон Бога не годится. Тогда он не закон Бога. Но положим, мы забудем то, что закон Бога выше всех других законов и всегда приложим, мы забудем это. Хорошо: закон Бога неприменим и если исполнить его, то выйдет зло еще худшее. Если простить преступников, выпустить всех из заключения и ссылок, то произойдет худшее зло. Да почему же это так? Кто сказал это? Чем вы докажете это? Своей трусостью. Другого у вас нет доказательства. И, кроме того, вы не имеете права отрицать ничего средства, так [как] всем известно, что ваши не годятся.

Они скажут: выпустить всех, и будет резня, потому что немного выпустят, то бывают малые беспорядки, много выпустят, бывают большие беспорядки. Они рассуждают так, говоря о революционерах, как о каких-то бандитах, шайке, которая собралась и когда ее

переловить, то она кончится. Но дело совсем не так: не число важно, не то, чтобы уничтожить или выслать их побольше, а то, чтобы уничтожить их закваску, дать другую закваску. Что такое революционеры? Это люди, которые ненавидят существующий порядок вещей, находят его дурным и имеют в виду основы для будущего порядка вещей, который будет лучше. Убивая, уничтожая их, нельзя бороться с ними. Не важно их число, а важны их мысли. Для того, чтобы бороться с ними, надо бороться духовно. Их идеал есть общий достаток, равенство, свобода. Чтобы бороться с ними, надо поставить против них идеал такой, который бы был выше их идеала, включал бы в себя их идеал. Французы, англичане, немцы теперь борются с ними и также безуспешно.

Есть только один идеал, который можно противопоставить им. И тот, из которого они выходят, не понимая его и кощунствуя над ним, — тот, который включает их идеал, идеал любви, прощения и воздания добра за зло. Только одно слово прощения и любви христианской, сказанное и исполненное с высоты престола, и путь христианского царствования, на который предстоит вступить вам, может уничтожить то зло, которое точит Россию.

Как воск от лица огня, растает всякая революционная борьба перед царем — человеком, исполняющим закон Христа.

1881 г. Марта 8—15. Ясная Поляна.

Собрание сочинений в 22 тт. Том 18. М., «Худ. лит.», 1984.

Письмо было написано в те дни, когда шел судебный процесс над участниками террористического акта против Александра II: А. И. Желябовым, С. Л. Перовской, Н. И. Рысаковым, Г. М. Гельфман и другими и ожидался смертный приговор над ними.

Настоящее письмо является черновиком письма, отправленного Александру III, текст которого неизвестен. Оно было переслано известному литературному критику Н. Н. Страхову для передачи его по назначению. Печатается с незначительными сокращениями.

Ромен Роллан

Толстой — свободный дух

В своем дневнике Толстой представляет себе, что его „я" в предыдущей жизни было соединением многих любимых существ, и что всякая новая жизнь расширяет круг друзей и окружность души*.

Можно вообще сказать, что в большом человеке заключается более, чем одна душа, и что все эти души ютятся вокруг одной из них, так же как кружок друзей обыкновенно испытывает на себе влияние сильнейшего из них.

Толстовский гений соединяет в себе не одного человека: в нем живут рядом — великий художник, великий христианин, а также и существо разнузданных страстей, инстинктов. Но, по мере того, как протекает жизнь и как царство ее расширяется —

яснее виден тот, кто властвует: это свободный разум. И этому свободному разуму в этой статье я хочу выразить свое поклонение. Потому что сейчас всем нам больше всего нужен он.

В наше время нет недостатка во всех других силах, в какой бы степени они в Толстом ни находились. Наше время чревато страстями и героизмом; оно не бедно искусством; даже религиозное пламя ему не чуждо. Бог — всякие боги — принесли свои факелы на великий пожар народов. Нет воюющей или нейтральной страны «включая две Швейцарии, немецкую и романскую», которая не нашла бы в истолковании мест Евангелия оружия для проклятия и убийства.

Но, что теперь боле редко, чем героизм, более редко, чем красота, более редко, чем святость, — это свободная совесть.

* 7 декабря 1895 г. — *Прим. авт.*

Свободная от всякого принуждения, свободная от всякого предрассудка, свободная от всякого идола, от всякого классового, кастового, национального и религиозного догмата. Душа, которая имела бы мужество и искренность смотреть своими глазами, любить своим сердцем, судить своим разумом, — не быть тенью, — быть человеком.

Этот пример дал Толстой в высшей степени. Он был свободным. Всегда он смотрел на людей и на вещи своими орлиными глазами, прямо в лицо, не моргая. Даже его привязанности не влияли на его свободное суждение. И лучшим доказательством этому служит независимость в отношении того, которого он более всех уважал, — к Христу.

Этот великий христианин был христианин не из-за повиновения к Христу; этот человек, который посвятил часть своей жизни на изучение, объяснение и распространение Евангелия, никогда не сказал: «это истина, потому что это сказало Евангелие». Но: «Евангелие истинно, потому что оно сказало это». И тут только наш свободный ра-

зум судья истины.

В малоизвестной, не изданной еще, насколько я знаю, статье *«Рассказ крестьянина Михаила Новикова о проведенной в Ясной Поляне ночи 21 октября 1910 года»* (за неделю до бегства Толстого из родного дома), — Толстой разговаривает у себя с несколькими крестьянами. Между ними два деревенских парня, которые получили приказ явиться к рекрутскому набору. Говорят о воинской повинности. Один из молодых людей, социал-демократ, говорит, что он будет служить не трону и алтарю, а государству и нации. (Уже, как видите, Толстому посчастливилось перед смертью узнать „социал-патриотов“ или „искусство выворачивать свою куртку наизнанку“...) Присутствующие протестуют. Толстой спрашивает, где начинается и где кончается государство, и говорит, что для него вся земля — отечество. Другой молодой человек приводит тексты из Библии, которые запрещают убийство. Но Толстой и этим не удовлетворен: на все можно найти тексты!

«Не потому, — говорит он, — что Моисей или Христос запретили делать ближнему и себе зло, должны мы от него воздерживаться. Но потому, что природе человека противно делать зло себе и своему ближнему. Я говорю *человека*, я не говорю животного, — заметьте это. Надо искать Бога в самом себе, чтобы Он руководил твоими поступками и чтобы он указал тебе на то, что хорошо и что дурно, что возможно и что невозможно. Но до тех пор, пока мы будем допускать, чтобы нами руководил какой-нибудь внешний авторитет, — будь то для одного Моисей или Христос, а для другого Магомет или социалист Маркс, — мы не перестанем быть врагами друг друга».

Мне хотелось, чтобы вы послушали эти могучие слова.

Величайшее зло, которым страдает мир, — я это часто говорил, — это не сила злых, но слабость лучших людей. И эта слабость в большой мере имеет источником лень воли, страх личного суждения, нравственную робость. Даже самые смелые люди, едва освободившись

от одних цепей, рады броситься к другим. Как только их освободят от одного общественного предрассудка, так они по собственной воли немедленно впрягаются в колесницу нового предрассудка. Лишь бы самим не думать, лишь бы подчиниться чужому направлению... Это отречение — корень всего зла. Долг каждого — не полагаться на других, даже на самых лучших, на самых надежных, на самых любимых, в выборе того, что хорошо и что дурно; но искать самому, — искать, если нужно, — всю жизнь, с ожесточенным терпением. Полуправда, которую приобрел сам человек, лучше, чем целая правда, которую он заучил от другого, наизусть, как попугай. Потому что правда, которую принимаешь с закрытыми глазами, правда из-за подчинения, правда из-за любезности, правда из-за угодливости, — такая правда не лучше лжи.

Человек, выпрямись! Открой глаза! Смотри! Не бойся! То малое количество истины, которое ты приобретаешь сам, будет твоим самым верным светочем. Не важно соберешь ли ты много

знаний, но важно, чтобы — много ли, мало ли — знания эти были твоими, и вскормлены твоею кровью, и рождены от твоего свободного усилия. Свобода духа — это высшее сокровище.

Свободные люди! Никогда число ваше не было велико в течение веков! Может быть, оно еще уменьшится вследствие волны, поднявшейся от теперешних стадных умов. Нужды нет! Для этой же толпы, которая отдается опьянению коллективных страстей, мы должны в неприкосновенности сохранить пламя истины. Будем искать

истину всюду, и будем собирать ее, в каком бы виде она ни попала нам под руку — в цвету или в зерне. И будем сеять ее по ветру! Откуда бы она ни пришла, — куда бы она ни пошла — она сумеет пустить корни. В мире нет недостатка в доброй почве человеческих душ. Но надо, чтобы они были свободными. Надо, чтобы мы умели не подчиняться даже тем, перед которыми мы преклоняемся.

Лучшую честь, которую мы можем воздать людям, как Толстой, — это быть свободными, как он.

1 мая 1917 г.

«Обновление Жизни», № 2, Ноябрь 1917.

С французского перевела Т. Л. Сухотина-Толстая (1864-1950), старшая дочь Л. Н. Толстого. Впервые: «Les Tablettes», Женева, 1 мая 1917 г.; статья вошла в сборник автора «Предтечи».

А. К. Черткова

Призыв

День свободы наступает,
Издали уж виден свет,
И всех спящих пробуждает
Утра радостный рассвет. *(2 раза)*

Всех гонимых, угнетенных,
Пострадавших за Христа
Призывают под знамена
Святой Истины уста! *(2 раза)*

Призыв слыша, все мужайтесь,
Меч духовный обнажив,
Вы за Истину сражайтесь,
Зло неправды посрамив. *(2 раза)*

Нам оружия не нужно,
Нам не надо и властей,
Мы вперед стремимся дружно
К жизни братской всех людей. *(2 раза)*

К вольной жизни идя, к свету,
Без насилья, безо лжи,

Твердо верим мы в победу
Дела правого Любви. (2 раза)

Вождь — Любовь и Дух Свободы:
Мы творим Его Завет,
И познают все народы
Вековечной Правды свет! (2 раза)

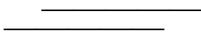

Ноты к песне «Призыв» даны по изданию:
«Сборник песен и гимнов свободных христиан». Под ред.
А. К. Чертковой. I-й вып. Christchurch, Hants, Англия, издание
«Свободного Слова», № 90, 1904:

http://www.antimilitary.narod.ru/sborniki.htm#1905_gymn.

Председатель толстовской коммуны «Жизнь и труд» в своих воспоминаниях пишет, что на собраниях часто пели песни, но редкие из них были собственно «толстовские». К таким относились «Слушай слово, рассветает...» и «День свободы наступает...» — А. К. Чертковой.

Призывъ.

№ 10.

Довольно скоро, бодро.

День сво - бо - ды на - сту - па - етъ. На - ди -

Довольно громко. Тише.

ли ужь ви - день свѣтъ. И всѣхъ спя - щихъ про - бу -

Рѣше. Громно.

жда - етъ у - тра ра - дост - ный раз - свѣтъ.

Тише.

Анна Константиновна Черткова

Биографический очерк

В Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого переписка с его ближайшим другом и единомышленником В. Г. Чертковым составила пять томов (тт. 85-89). В первом из них имеется небольшая биография жены В. Г., А. К. Чертковой. Редактор этого тома — Л. Я. Гуревич (1866-1940), в прошлом — издательница журнала «Северный вестник».

Анна Константиновна Дитерихс, по мужу Черткова (род. 17 апреля 1859 г. в Киеве, ум. 11 июня 1927 г. в Москве) и со стороны отца, и со стороны матери происходила из военной среды. Отец ее, Константин Александрович Дитерихс, сын боевого генерала времен наполеоновской войны, по окончании пажеского корпуса уехал в действующую армию на Кавказ и пятнадцать лет провел там в походах; мать ее, Ольга Иосифовна, была дочерью генерала Мусницкого, по происхождению полулитвина, полу-поляка. Детские годы А. К. Дитерихс прошли на Волге в посаде Ду-

бовке Саратовской губ., где отец ее командовал одной из кавказских батарей, стоявших в Дубовке после кавказских походов. В семье уже тогда было несколько человек детей (Анна Константиновна — вторая по старшинству), всего же их было у Дитерихсов, считая трех умерших в отрочестве, двенадцать — семь сыновей и пять дочерей. Уклад семейной жизни был старозаветный. Отец, очень прямой и не лишенный сердечности человек, пугал иногда детей своими резко-деспотическими вспышками; мать была, напротив, кроткая, печальная и склонная изнеживать детей; она была очень ре-

лигиозна, в церковном духе, тогда как отец, долго живший среди разноплеменного населения Кавказа, отдавал предпочтение перед православием магометанству и русским сектам молокан и духоборцев. Наиболее сильные впечатления детства были связаны для А. К. Дитерихс с волжскими народными песнями — бурлаков и лодочников, которые в дальнейшем оказали большое влияние на ее собственное пение и на ее музыкальное творчество. В 1866 г. отец, отказавшись от фронтовой службы, уехал на Кавказ для организации там коннозаводского дела, так как был знатоком его, семья же переехала в Киев, комендантом которого состоял тогда дед А. К. Дитерихс, ген. Мусницкий. Затем семья, вновь соединившись, жила то на Кавказе в Майкопе, то в Одессе, а в начале 1870-х гг. опять переехала в Киев, где А. К. Дитерихс училась в Фундуклеевской гимназии и серьезно занималась пением у известной преподавательницы Авранек. С 1878 г. Дитерихсы поселились в Петербурге, и А. К. Дитерихс посту-

пила на Высшие женские курсы (Бестужевские) — на словесное отделение, с которого через два года перешла на естественное и закончила его в 1886 г. В этот период своей жизни — в годы студенчества — она считала себя атеисткой, зачитывалась «Историей материализма» Ф. А. Ланге, Льюисом, Чернышевским, Флеровским и другими писателями революционно-народнической окраски, сочувствовала «Земле и Воле» и, по ее собственным словам, «была на границе увлечения революцией», но террористический акт 1-го марта оттолкнул ее. Потом она увлекалась одно время позитивизмом Огюста Конта и, наконец, особенно заинтересовалась философией Фихте, которая стала для нее «переходной ступенью к религиозной философии Толстого». Однако занятия наукой и философией без непосредственного приложения к жизни не удовлетворяли ее, и летом, когда Дитерихсы уезжали в деревню — в Харьковскую, потом в Новгородскую губ., где жили, как нестесняющиеся в средствах народолюбивые помещики, ежегодно

устраивая грандиозный праздник для окрестных деревень с обильным угощением и раздачей подарков, — А. К. Дитерихс занималась лечением крестьян и вела занятия с крестьянскими детьми. В этот же период ее жизни, когда она была еще на курсах, но уже шла к практической работе, — в 1883 г. — изобразил ее на своей известной картине «Курсистка» художник Н. А. Ярошенко: скромно одетая худенькая черноглазая девушка в черной шапочке, торопящаяся куда-то с пачкой книг под мышкой. Пением она занималась в Петербурге у артистки Мариинского театра Рааб и с успехом выступала на курсовых вечерах. Не окончив еще курсов, весной 1885 г., она узнала о возникновении «Посредника» и тотчас же потянулась к участию в его работе. В письме к Толстому от 9 июня 1885 г. Бирюков так рассказывает о вступлении ее в число постоянных работников редакции: «Малое стадо растет. Вот еще одна овца, услышавшая голос доброго пастыря и бегущая на зов его. Это одна молодая девушка, кроткая, симпатичная.

Она познакомилась со мной через одного моего товарища — моряка — только для того, чтобы сблизиться с нашим делом, просила позволения помогать нам и действительно помогла... Она читала книжки, изданные для народа, разбирала их, отбирала негодные и давала нам те из них, в которых нет ничего противного учению Христа. Это учение она любит и понимает просто; читала все ваши последние сочинения, почти во всем согласна с вами, ищет дела и приложения этого учения к жизни. Настоящее состояние ее — курсистка, оканчивающая курс на Высш. Женск. курсах. Должно быть, видела в жизни горе, изверилась в людях, — и вот мелькнул для нее светлый луч, она ухватилась за него и теперь рада, благодарит нас... Теперь она с семьей уехала на дачу. Пишет оттуда, что и в семье ей жить стало легче». Несомненно, что и тогда ее чрезвычайно волновали вопросы социального неравенства, и она была всецело с теми, которые стремились сбросить с себя путы своих классовых привилегий и послужить трудящимся.

Н. А. Ярошенко. «Курсистка». 1883.

Картинная галерея Альманаха, № 3

Несмотря на свое чрезвычайно слабое здоровье, она не доволь-

ствовалась своей обширной работой в «Посреднике» и с осени

Анна Константиновна Черткова

1885 г. стала ездить вместе с Калмыковой и Бирюковым на Шлиссельбургский тракт для преподавания в воскресных и вечерних школах для рабочих. Предрассудки ее семейного круга были чужды ей, и в марте 1886 г. она, как мы уже знаем, поехала с Бирюковым в Москву для знакомства с Толстым, что не мало шокировало Софью Андреевну, которая пришла уже в совершенное негодование, когда в начале мая 1886 г. А. К. Дитерихс с О. Н. Озмидовой в сопровождении Бирюкова приехали на день в Ясную поляну, направляясь в Воронежскую губ. к Н. Д. Кившенко, и на пути туда заехали в Лизиновку к Черткову.

1 июля Н. Д. Кившенко пишет Черткову в Англию из Петербурга: «Анна Константиновна проектирует оставить Петербург и хочет уехать со мной, чтобы... в земской больнице научиться подавать медицинскую помощь... Я ей советовала выйти замуж за П. И. Бирюкова, который был чрезвычайно увлечен ею, но она говорит, что для этого недостаточно той любви, которой она его любит».

В конце августа брак ее с Чертковым был решен (см. прим. 3 к. п. № 116 от 1 сентября 1886 г.). Свадьба ее состоялась — очевидно, чтобы не огорчать как Е. И. Черткову, так и родителей А. К. Дитерихс — с соблюдением установленных формальностей в домовая церкви 2-й петерб. гимназии, 19 октября 1886 г., после чего они уехали в Лизиновку, где А. К. Черткова перенесла тяжелую болезнь, а на обратном пути, в декабре, оставались довольно долго в Москве в доме Толстого. С этого времени окончательно установилась глубокая симпатия к ней Толстого, перешедшая в крепкую дружескую привязанность. Он уже внутренне как бы не разделял мужа и жену Чертковых, в письмах своих часто обращался к ним обоим, видел в них обоих одинаково своих подлинных единомышленников, делающих общее с ним дело, и притом чрезвычайно близко принимал к сердцу всё, что касалось их личной жизни, их переживаний в связи с рождением детей и смерти в июле 1889 г. старшей девочки, чрезвычайно тяжело

отразившейся на здоровье А. К. Чертковой. Дальнейшая биография ее неотделима от биографии ее мужа... Вся ее деятельность протекала в глубоком внутреннем единении с ним на почве тех идей, которые связывали их обоих с Толстым. В ближайшие годы после своего замужества, живя с 1887 г. в деревне, в Лизиновке, а затем на хуторе Ржевск, куда была перенесена редакция «Посредника», А. К. Черткова продолжала работать над подготовкою изданий для народа, а с 1891 г. и над серией «для интеллигентных читателей», в качестве редактора, и сама написала ряд книжек как для взрослых читателей, так и для детей, печатая их либо анонимно (рассказ «Подвиг»), либо под скромными инициалами («Перепелочка» и др. рассказы для детского возраста). С 1893 г., когда Чертков, передав редакторскую работу по «Посреднику» Бирюкову и И. И. Горбунову-Посадову, стал изучать течения свободной религиозной мысли в народе, проявляющейся в сектантстве, и в связи с гонениями на сектантов царского правительства вступил

в письменные сношения с представителями разных сект, а также с лицами отпадающими от православия и с единомышленниками Толстого, подвергавшимися преследованию за неповиновение властям, А. К. Черткова принимала самое деятельное участие в этих сношениях, и переписка ее с десятками и сотнями преследуемых продолжалась до конца жизни. Когда в 1897 г. Чертков, за защиту гонимых духоборов, был выслан за границу, А. К. Черткова вместе с ним работала в Англии над созданием журнала «Свободное слово» и над изданием, по-русски и по-английски, сочинений Толстого, запрещенных в России, исполняя обязанности помощника редактора и неся на себе труд корректора и конторщика. Там же, в Англии, выдаясь с представителями разных русских сект, она начала записывать их религиозные песнопения, и позднее, дополнив эти музыкальные записи, издала сборник «Что поют русские сектанты», в трех выпусках, куда вошли духоборческие псалмы и «стишки», малеванские «псалмы» и

распевы хлыстов, скопцов, молочан и др. (изд. Юргенсона, М., 1912). По возвращении в Россию, в 1908 г., А. К. Черткова вместе с мужем помогала Толстому в подготовке к печати разных его произведений и в его переписке с лицами, интересовавшимися его взглядами. После смерти Толстого работала над изданием его посмертных художественных произведений, вышедших под редакцией Черткова. Одновременно она продолжала и свою музыкальную деятельность и в период 1908—1912 гг. выпустила в издании П. Юргенсона, кроме указанного уже сборника, запись народной песни «про Москву 1812 г.», сборник песен и гимнов на мотивы, заимствованные частью из народного песенного творчества, частью у известных композиторов, под заглавием «Сеятель», пять выпусков своих «Мелодий» для пения и, наконец, «Песенки и каноны для детских голосов». В эти годы, последовавшие за смертью Толстого, когда множество лиц из разных слоев общества и разных стран, интересовавшихся его идеями, стали

обращаться к Чертковым, переписка, которую приходилось вести А. К. Чертковой, и без того очень обширная (до 1000 писем в год), превратилась в огромный постоянный труд для нее, который она несла однако, несмотря на непрерывные болезни и возрастающую физическую слабость, с легкостью человека, всецело отдавшегося своему делу. Во время империалистической войны она всячески помогала сотням последователей Толстого, терпевшим преследования царского правительства за отказ от участия в войне. В то же время она разработывала вместе с мужем план полного издания всего, написанного Толстым, а в последние годы собирала материалы для этого издания и готовила к печати многотомную переписку Толстого с Чертковым. За этой

работой, реализации которой она так нетерпеливо ждала, и застигла ее смерть. Из литературных ее трудов наибольшую ценность представляют ее воспоминания «Из моего детства». Библ-ка свободн. воспит. под ред. И. И. Горбунова-Посадова, М., 1911; «50 лет тому назад» в

«Сборнике в честь Вс. Изм. Срезневского», Спб., 1919; ее воспоминания о Толстом: «Мои первые воспоминания о Л. Н. Толстом» в Юбил. сборн. «Л. Н. Толстой», М.-Л., 1928 и «Из воспоминаний о Л. Н. Толстом» в сб. «Толстой и о Толстом», № 2, М., 1926.

Первое письмо А. К. Дитерихс к Толстому, на которое он отвечал ей своим большим письмом с размышлениями о жизни и смерти, было написано из Петербурга 12-16 сентября 1886 г. (почт. штампель 18 сентября). Приводим из него всё наиболее существенное.

«Дорогой Лев Николаевич, — пишет А. К. Дитерихс, — простите, что беспокою вас, — больного — письмом моим; прошу вас, если чтение его затруднит вас, — бросьте его, не утомляйте себя. Я пишу только потому, что не могу не писать, я уже давно мысленно подолгу беседую с вами и порываюсь писать, но так много у меня на душе, что не знаю, разберусь ли я в том, что мне всего нужней или более всего хочется сказать вам и спросить. — Всё это вре-

мя вашей болезни, каюсь вам, я не могу преодолеть душевной тревоги, охватывающей меня при известии об опасном положении вашего здоровья. Я знаю, что это маловерие и что не следует бояться за вас, когда вы сами так спокойно и здраво относитесь к явлению смерти. Вспоминаю ваше и Файнермана письма к О. Озмидовой о смерти и вечности, помню, что они произвели на меня должное впечатление, они совпали с моим настроением. Именно тогда я много думала о смерти и старалась выработать в себе полное примирение с возможностью умереть каждый день, каждый час. И я рада, что мне удалось сделать кое-что в этом направлении. До тех пор я никогда не жила так полно, счастливо, спокойно, как тогда (вес-

ной этого года). Мысль о смерти не покидала меня, и я именно поэтому стремилась всем существом жить настоящим и любить все существующее. К сожалению, я не могу сказать, чтобы такой подъем духа оставался всегда на той же высоте. Опять бывали отклонения в противоположную сторону, опять являлось недовольство настоящим, искание подвига и — вместе с этим боязнь смерти. И не самый факт смерти меня пугал, а страшно было того, что умрешь «прожив даром» на свете... Нет во мне той постоянной внутренней гармонии, при которой сами собой разрешаются все вопросы главные и второстепенные... Рассудочно, принципиально можно решать, что угодно, но до тех пор пока всем существом не проникнешься смыслом первой заповеди: возлюби Бога всем сердцем и разумением твоим, до тех пор в жизни, на деле часто будут колебания и ошибки. — Вот тогда, когда я проникнута сознанием, что только в отречении от своей личной воли — всё благо, тогда я счастлива, мне ничего не надо, ни подвигов, ни пере-

мены обстановки, нет и страха смерти. Как хороши эти минуты внутренней гармонии и как тяжелы те, в которых отклоняешься от воли Бога, теряешь разумение. — Вот и это время я неспокойна, мне тяжело, невольно тяжело, что я всё мучаюсь, думая о вашей болезни. В такие минуты я чувствую, что почва уплывает у меня из под ног и что вопросы, цепляясь один за другой, наполняют мою слабую голову и затуманивают ее. «Зачем смерть, когда такие люди так нужны? Что мне докажет целесообразность этого? Куда девать это чувство, вносящее разлад в мои мысли, как победить его, согласовать с разумом, сделать его законным, и действительно ли оно незаконно?...» Вопросы эти теснятся в моей голове и, сознаюсь, дорогой Л[ев] Н[иколаевич], что чувство не мирится с теми ответами, которое изобретает мой рассудок. Я не могу знать, конечно, что нужней, т. е. лучше будет способствовать распространению учения Истины, ваша ли возможно долгая жизнь или скорая смерть? Но я знаю ведь, что вы, произведший глу-

бокую волну в жизни духа всего человечества, вы — бессмертны (если не вы лично, то — то́, что в вас таково). Казалось бы, что, сознавая всё это, горевать и оплакивать таких людей — тем более грешно и малодушно, — это значило бы считать всю работу вашу бесплодной. А тем не менее, бывают минуты, когда скорбь и боль сильнее всего и тогда я чувствую одно только, что помимо всего того, что вечно в вас, вы лично нужны и дороги нам, потому что вы — Лев Николаевич и никто другой не

может быть им...» Дальнейшая часть письма А. К. Дитерихс осталась без ответа, хотя, начав писать «по пунктам», Толстой, очевидно, имел намерение коснуться всех тех вопросов, которые были затронуты в ее письме. Во всяком случае это письмо ее в целом определило то отношение его к ней и к предстоящему браку ее с Чертковым, которое проглядывает в последующих его письмах, а потому мы считаем нужным привести в отрывках и то, что она высказывает о более интимных сторонах своей жизни данного момента: «Много я нравственно пережила за эти полгода и хорошо пережила. Чувствую, что в душе у меня большей частью господствует какая-то отрадная тишина, отражающаяся в более любовных отношениях к окружающим меня людям и облегчающая мне переносить легко и незаметно то, что прежде было трудно. Часто, часто я вспоминаю слова ваши: изменится человек сам и всё вокруг него изменится; ах, какая это истинная правда, да и всё, всё правда! Вот хоть женский вопрос. Чем больше я ду-

Анна Константиновна Черткова

маю и живу, тем больше прихожу к тому, с чем мне так трудно было согласиться раньше. Несмотря на то, что теперь я уже много, много счастливей, чем была, когда рвалась куда-то, мечтала о условиях более удобных для осуществления своих идеалов, несмотря на это, я не могу не чувствовать неполноту своей жизни. — Я давно уже пришла к тому, что «решать женский вопрос» можно только на практике, т. е. будучи действительно женщиной, только тогда и будешь вполне — человеком, т. е. существом, исполняющим сознательно-нормально свое назначение. Только женщина мать может решить, что должно, можно и доступно женщинам... Тоже ведь и для мужчин, я думаю. До тех пор, пока человек не имеет семьи, он как-то не выясняется со всех сторон, и очень может быть, что многие хорошие, а может и слабые стороны обнаружатся, когда человек начнет жить полной жизнью; во всяком случае он только тогда наверное узнает все свои силы и способности... Выйду ли я замуж или нет, даст ли мне Бог счастье и

силы иметь и воспитать детей в духе Истины — покажет будущее. (Я боюсь очень думать об этом, чтобы не потерять настоящего.) Но если это будет так, то в моем перевороте мыслей многим, несказанно многим я буду обязана вам, дорогой, лю-

бимый Лев Николаевич, а также тому, кто даст мне эту семью, если Бог того захочет. Я говорю о Вл[адимире] Гр[игорьевиче]. Не знаю, сбудется ли это; я рада, что чувствую в себе силы перенести всякое решение спокойно. Не сбудется это — я постараюсь забыть [то], о чем теперь говорю, и жизнь покажет, что мне делать... — Я не знаю, Лев Никол[аевич], одобряете ли вы наше намерение? Не находите ли вы, что я слишком слабый человек во всех отношениях для него? Я и сама думаю иногда, что не такую бы ему жену надо; понятно, что, любя его больше себя, для меня его счастье, его будущее дороже моего и я бы ему желала лучшего. И вот мне страшно делается, что мои слабые духовные средства не удовлетворят его, когда он больше узнает меня. Но не подумайте, что я идеализирую его (хотя в этом бы беда небольшая), я знаю, что в нем есть слабости, но знаю также, что основа его души, его верования, его стремления так цельны и чисты, что верю в полную возможность его продолжения работы духа в том же направлении и что, движи-

мый Христом все вперед и вперед, он уразумеет еще многое. Вот потому-то я и решаюсь на этот шаг, что вижу, что во всяком случае он не нуждается ни в чьей особенной помощи, и не боюсь, что слабости жены отразятся на нем... Относительно того, в каких условиях мне придется жить, — я чувствую, что не могу и не должна разбирать теперь этого вопроса. Я верю, что он не поведет меня ни на что дурное, потому что в нем Бог сильнее всего. С своей стороны я буду стараться уменьшать свои личные потребности и увеличивать круг обязанностей. Говорить же о том, важно ли для меня, что люди считают его «богатым», мне кажется даже лишним. Будь он что угодно в глазах людей — я не могу его любить меньше за это. Вопрос же о «собственности» для меня вообще давно решенный вопрос. Для меня — мой будущий муж есть ученик Христа и ваш единомышленник, а для таких «собственность» не имеет значения. А вот — важный вопрос, это вопрос о церковном венчании. Прежде, когда у меня не было никакой определенной ве-

ры, — обряд этот был бы только неприятной формальностью, теперь же он противен всем моим верованиям и не потому только, что это глупый и пустой обряд, а потому что это ложь и трусость перед мнением света. Итак я не хочу его, Вл[адимир] Гр[игорьевич] вероятно — тоже. Об этом мы еще не говорили. Может быть, он решится на эту жертву для своей матери? не знаю, рада была бы ошибиться. Мне с моими родными будет очень, очень трудно поладить в этом деле — они мало того, что потребуют этого, как формальности, они еще несколько религиозны в православном смысле. Поможет ли Бог мне устоять против искушения?.. Еще одна важная при-

чина: мое здоровье. Откровенно говорю — я не боюсь за себя. Не всё ли равно, как и отчего умереть?.. Но могу ли я соединить свою судьбу с другим? Пусть решит он, как может... Итак, как видите, Лев Никол[аевич], несмотря на мои слабости, я, быть может, слишком смело смотрю в будущее и решаюсь на такой шаг, так мало подготовленная, когда впереди такая великая ответственность перед Богом и людьми. Не страшно ли? Я знаю, что советовать в этих вещах трудно, и не могу просить у вас совета... Но мнение ваше, как и во всем, мне очень дорого, а благословение ваше — тем более. — Преданная Анна Дитерихс.

Л. Н. Толстой. ПСС, том 85, М., «ГИХЛ», 1935 (в сокр.).

Фотографии:

1. В. Г. и А. К. Чертковы. Крёкшино. Фотография Т. Тапселя
2. 5-18 сентября 1909 г. А. К. Черткова и Л. Н. Толстой около террасы крекшинского дома.
3. 5-18 сентября 1909 г. В. Г. Чертков, С. М. Соломахин, Л. Н. Толстой и А. К. Черткова. В доме Пашковых часто устраивались концерты: слушали электрическое пианино «Миньон», присланное в Крекшино музыкальной фирмой «Юлий Генрих Циммерман», игру пианиста А. Б. Гольденвейзера, скрипачей: А. Я. Могилевского, П. П. Ильченко, В. Ф. Бакалейникова; виолончелистов: А. И. Могилевского и Д. З. Зиссермана.

В. Г. Чертков

Злая забава

мысли об охоте

Несколько лет тому назад мне довелось слышать следующий разговор между молодым, начинающим охотником и бывшим охотником, оставившим охоту, вследствие сознания безнравственности этой забавы:

Молодой охотник (с уверенностью): Да что же дурного в охоте?

Бывший охотник: Дурно, без нужды, для забавы убивать животных.

Ни возражать против этого, ни не соглашаться с этим невозможно. Так это просто, ясно и несомненно. Но, несмотря на это, молодой охотник не бросил тогда же охоты, а охотится и до сих пор. Но уверенность в безобидности занятия охотой нарушена; совесть пробуждена по отношению к делу, считавшемуся досель, несомненно, правым.

И долго молодой человек уже не проохотится. Вот это-то действие несомненно произведет эта прекрасная статья на всех тех, которые прочтут ее. Дай Бог, что бы их было как можно больше, особенно из молодежи.

Лев Толстой
15 октября 1890

Говорят иногда, что легче купить зайца, чем проводить время в погоне за ним. И, действительно, купить зайца легче; но покупка зайца не заменит для человека охоты, потому что купленный заяц не отвлечет человека от мысли о самом себе, о смерти, о несчастьях; а охота, игра, волнения, пьянство, пустые заботы и развлечения именно и делают это.

Паскаль.

Постоянно напоминай мне, совесть моя, что я никому не могу приносить вред безнаказанно, — что, нанося рану живому существу, я этим делаю ущерб и своей душе.

Мерсье.

Спросите любого охотника: в чем главная прелесть охоты, — редкий скажет, что ему доставляет наслаждение преследовать и убивать животных. Большинство охотников скажет, что прелесть охоты не в убийстве, а в том, что связано с ней.

Напрасно думают, скажет охотник, что сам акт убиения дичи или зверя доставляет главное удовольствие охоты. Если бы так было, то гораздо проще было бы резать телят и кур на скотном дворе. Не в преследовании и убиении животных привлекательность охоты, а во всех тех разнообразных ощущениях и впечатлениях, которые испытывает охотник с выхода из дома и до возвращения. Охота доставляет человеку, постоянно занятому той или другой однообразной деятельностью, возможность вырваться из своей обычной колеи и, забывая всякие условные стеснения, жить урывками с природой. И общение его с природой

на охоте не ограничивается пассивным созерцанием ее: на охоте человек, подчиняясь закону, свойственному всему живому — борьбе за существование, сливается с природой и живет заодно с ней.

«Охотник упражняет в себе не только силу и выносливость тела, ловкость и гибкость движений, меткость глаза, твердость руки, но и некоторые душевные качества: энергию, предприимчивость, настойчивость. Таким образом, кроме сближения с природой, охотник развивает в себе еще такие физические и душевные силы, которые, при условиях городской и вообще кабинетной жизни, бездействуют и потому ослабевают. С этой стороны охота имеет воспитательное значение для молодых людей: она приучает их полагаться на свои силы, обходится без посторонней помощи; а это особенно полезно для тех, кто с самого детства привык во всем, что требует приложения физической силы,

пользоваться чужим трудом. Кроме того, страсть к охоте бывает часто благодетельна тем, что спасает молодого человека от других увлечений, губительных в нравственном и физическом отношениях, как, например, вино, карты, женщины. Недаром охота считается мужественным и благородным развлечением и пользуется почетом у всех народов с самых древних времен».

Так говорят охотники, желающие оправдать и осмыслить свою любимую потеху. И с первого взгляда доводы эти кажутся основательными. Но справедливы ли они в действительности?

В продолжение многих лет я был страстным охотником. К занятию этому я относился с величайшей серьезностью, не только охотясь всякими различными способами, но и теоретически изучая охоту по книгам. Ни к чему на свете не относился я с таким увлечением, как к охоте: никакого наслаждения я не знал выше того волнения, которое испытываешь на охоте. И, тем не менее, в душу мою вкралось сомнение в законности

этого наслаждения. Не желая бросать охоту, я всячески старался заглушить в себе это сомнение. И сначала мне это удавалось. Но сомнение с годами росло, подтачивая удовольствие охоты. И вот крошечный, едва слышный укор совести постепенно разросся и, наконец, стал не на шутку меня беспокоить. Я волей-неволей был принужден взглянуть правде в глаза, и лишь только я это сделал, тотчас же, несомненно, всем своим существом понял зло охоты. Теперь я не могу не признавать охоту делом не только нечеловечным, но прямо зверским и потому свойственным разве только дикарям и вообще людям, живущим еще бессознательной жизнью, но никак не соответствующим тому уровню духовного просвещения, на котором мы считаем себя стоящими.

Я перестал охотиться, но еще долгое время, при всяком воспоминании об охоте, мне страстно хотелось возвратиться к ней. Теперь, слава Богу, страсть эта совсем улеглась во мне, и я могу, спокойно оглянувшись назад, подвести итог

всему передуманному и пере-
чувствованному по этому пово-
ду.

Говорят, важна не сама оха-
та, а условия, сопутствующие
ей.

Но если бы это было так, то
одно общение охотника с при-
родой могло бы удовлетворять
его. Однако, ведь этого нет. Ни
прогулки, ни катанья, ни какие
бы то ни было занятия в саду, в
поле, среди природы не могут
заменить охотнику особенного
наслаждения, доступного, как, с
сознанием своего превосходства
говорят охотники, только тому,
в ком есть охотничье чувство.

В чем же состоит это осо-
бенное охотничье чувство и вы-
зываемое им наслаждение?

Как не отнекивайся охотник,
главное наслаждение его на
охоте состоит именно в пресле-
довании и убивании животных.
В этом самом, и только в этом,
весь смысл охоты и наслажде-
ние ею, и хваленое охотничье
чувство. Именно это, а не что
иное, придает охоте ее привле-
кательность.

Говорят еще, что привлека-
тельность охоты происходит
оттого, что, предаваясь ей и от-

даваясь свойственному всему
живому закону борьбы за суще-
ствование, человек соединяется
с природой.

Действительно справедливо,
что если человек охотится для
поддержания своего существо-
вания, что бывает только в ред-
ких случаях, то он подчиняется
закону борьбы за существова-
ние. Но, во-первых, этого нико-
гда не бывает не только для бо-
гатых, но и безбедных охотни-
ков; а во-вторых, борьба за су-
ществование для человека име-
ет особенный смысл, едва ли
могущий выразится в форме
охоты.

Правда, что в природе все
постоянно борется за существо-
вание. Но и у животных борьба
за существование не ограничи-
вается пожиранием слабого
сильным, не меньшие усилия и
искусства многие животные
прилагают к борьбе с природ-
ными стихиями, устраивая себе
жилища, защищающие их от
непогоды, и тому подобными
заботами. Для человека же
главная форма борьбы за суще-
ствование состоит в устройстве
жилищ, изготовление одежды,
и, главное, в добывании себе

пропитания, — в обработке питательных растений. По мере все большего и большего удаления от первоначального дикого состояния, формы борьбы за существование постепенно видоизменяются. Самая первобытная форма этой борьбы — звероловство — действительно совпадает с приемами борьбы у животных; но по мере совершенствования условий жизни, это грубая борьба с животными делается излишней, и в настоящее время человечеству уже становится вовсе не нужным убиение животных даже для своего пропитания, как то подтверждается всеми людьми, количество которых постоянно увеличивается, сознательно питающимися одной растительной и молочной пищей.

И потому охота теперь не есть естественная форма борьбы за существование, а добровольное возвращение к первобытному звероподобному состоянию, с той только разницей, что для первобытного человека охота служила естественным делом, соответствующим и всему остальному его образу жизни. Для современного же куль-

турного человека такое занятие поощряет, упражняет и развивает в нем такие животные инстинкты, которые давно уже переросло человеческое сознание.

Стоит только живо вспомнить или представить себе поведение всякого охотника во время охоты для того, чтобы убедиться в том, что он, давая полную волю худшим свойствам своей природы, прибегает к таким поступкам, о которых при всяких других обстоятельствах ему было бы совестно даже и подумать.

Существует разряд поступков, некоторые приемы действия, вполне основательно признаваемые недостойными порядочного человека. Обман, коварство, подделка под чужую личность, засада, выжидание своей жертвы из-за угла, нападение на нее сзади, преследование одного многими, слабейшего сильным, добывание лежачего, эксплуатация в свою пользу безвыходного положения живого существа, его голода, влюбленности, родительской любви, насильственное отнятие детей у родителей и родителей у детей, приманка своей жертвы к вер-

ной гибели под видом благодеяния — все это поступки мерзкие и подлые сами по себе, независимо от того, по отношению к кому они совершаются. А между тем, по какой-то поразительной несостоятельности, все эти отвратительные и преступные деяния и еще многие другие, по достоинству подобны им, беззастенчиво на виду у всех совершаются на охоте с безответными тварями теми самыми людьми, которые не подали бы руки своему знакомому, если бы знали, что он сделал что-либо подобное с человеком. Как будто людям так невыносимо тягостно вести себя среди себе подобных, что они отправляются в леса и поля, разыскивая таких животных, над которыми они могли бы беспрепятственно выместить свое стеснение и отдать полную волю самым низким и зверским своим наклонностям.

Распороть кинжалом брюхо, раздробить об пень мозг, рвать на части и т. п., все это — самые обыкновенные и даже нужные поступки на охоте. Но ведь всякому человеку естественно жалеть животных и больно ви-

деть их страдания. Почему же тем же самым людям, как скоро они на охоте, не только не жалко, но и не совестно обманывать, преследовать, гнать, травить и всячески мучить и истязать животных? Всякий человек совершает на охоте такие поступки, за которые избранил или избил бы уличного мальчишку, если бы застал его на совершении их над животными, не признаваемыми дичью.

Пусть всякий охотник вдумается в свое поведение по отношению тех существ, по которым он охотится; пусть он на минуту перенесется в их положение, и он принужден будет признать, что это так.

Удивительное дело, мы гордимся прогрессом цивилизации, самодовольно обзреваем, то, что считаем ее успехами во всех возможных отраслях жизни, и вместе с тем, не замечаем того, что наша жизнь часто основана на самых диких, несправедливых и жестоких началах, о которых грядущее человечество будет в свое время вспоминать с таким же отвращением, с каким мы теперь оглядываемся назад, например, на рабство и пытки.

Охота по своему значению, конечно, не самое важное и вопиющее из всех сохранившихся безобразий прошлого; но беззастенчивое и беспрепятственное ее процветание в наше время любопытно и поучительно. Поучительно то, что истинный смысл охоты нельзя затуманить и прикрасить фальшивой личной служения какому-либо великому принципу, необходимому, будто бы, для блага людей, как затуманивается и прикрывается истинный смысл большинства проявлений сохранившихся до сих пор остатков варварства.

Но человеческий ум услужлив и всегда готов найти благородное оправдание всякому скверному поступку. Так было и со мной, когда я усомнился в законности охоты, но не хотел еще отказаться от нее. Мне теперь и совестно, и смешно вспоминать о том, сколько хитроspлетенных оправданий я в то время выдумывал для того только, чтобы как-нибудь удержаться за собой нравственное право продолжать любимую потеху.

Помню, что одним из моих оправданий было соображение о том, что всякое животное, как хищное, так и не хищное, уничтожает других живых существ. Не только волк поедает овец и зайцев, но и заяц непременно проглатывает вместе со своим кормом большое количество насекомых, случайно туда попадающих и которым столько же хочется жить, как и всяким другим животным. А потому, убивая на охоте одно живое существо, я этим самым спасаю жизнь всех тех существ, которых оно уничтожило бы, если бы продолжало жить. Утешаясь этой отговоркой, казавшейся мне достаточным доводом, я продолжал охотиться.

Но вот однажды, стоя на опушке леса во время облавы, я выстрелом свалил водка и подбежал к нему, чтобы добить его толстой палкой, припасенной для этой цели. Я бил по переносице, самой нежной части волчьего тела, а волк с диким испуганием смотрел мне прямо в глаза и при каждом ударе испускал глухой вздох. Вскоре лапы его судорожно задержались, вытянулись, по ним про-

бежала легкая дрожь, и они зачоченели. Я побежал на свой номер и, весь запыхавшись от волнения, притаился за своим деревом в ожидании новой жертвы. Вечером, в постели, я вспоминал впечатления дня, и воображение мое все возвращалось к той минуте, когда в кустах, недалеко от меня, послышался шорох, показался на опушке волк и стал озираться по сторонам. Я вспоминал, как волк, не заметив меня и слыша за собой крики загонщиков, пустился было прочь от леса в степь, как в эту минуту я повалил его выстрелом и как стал добывать его.

Я вспоминал все это с замиранием сердца и с наслаждением переживал вновь свое волнение. Вспоминая это, я заметил, что я с каким-то настоящим сладострастием упиваюсь страданиями издыхающего животного. Мне стало совестно за себя. И тут я сразу, не умом, а сердцем почувствовал, что это убийство волка было само по себе делом дурным, что хуже еще самого дела было мое наслаждение им, и что хуже всего была та недобросовест-

ность, с которой я оправдывал все это.

Тогда только рассудок указал мне и логическую несостоятельность моего прежнего рассуждения в пользу охоты. Я понял, что если я, убивая волка, утешаю себя тем, что спасаю его жертвы от смерти, то, став в положение самого волка, я мог бы точно так же сказать, что, оставаясь в живых и поедая, например, зайца, я спасаю тех насекомых, которых вместе со своим кормом проглотил бы заяц, если бы он остался жив, и т. д. без конца.

Не стоило бы, пожалуй, упоминать о таких жалких софизмах. Но при разборе их невольно напрашивается аналогия с теми громкими фразами и глубокомысленными рассуждениями, которыми мы привыкли оправдывать более крупные безобразия современной жизни, узаконенные общественным мнением.

Я помню еще, что одно время опасность, которой подвергается охотник при некоторых видах охоты, служила в моих глазах обстоятельством, придающим охоте какое-то особое

достоинство. Я не замечал тогда того, что охотник всегда устраивается так, что для него несравненно меньше опасности, чем для зверя; а главное то, что, рискуя для забавы своей жизнью, данной ему для служения людям, охотник не только не уменьшает, но и увеличивает свою вину. Существует столько способов служения ближнему с опасностью жизни, что грех подвергать себя ей для своей похоти.

Но если охотники и гордятся опасностью, которой они иногда подвергают себя, зато они вовсе не замечают другой, безо всякого сравнения более существенной опасности, которой они постоянно подвергаются при всех, решительно всех видах охоты.

Сострадание предоставляет одно из самых драгоценных свойств человеческой души. Жалея страдающее существо, человек забывает себя и переносится в его положение. Этим он освобождается от ограниченности своей отдельной личности и получает возможность почувствовать единство своей жизни с жизнью других су-

ществ, представляющейся ему без страдания непонятной и чуждой, совершенно отдельной, не имеющей с его жизнью ничего общего. Упражняя и развивая эту способность, человек приближается к слиянию с той внеличной жизнью, которая поднимает на высшую ступень его сознание и дает ему наибольшее доступное ему благо. Таким образом, сострадание, содействуя для других существ облегчению их страданий, вместе с тем приносит еще больше пользы тому, в ком оно зарождается.

Будда Саккиа-Муни, учитель сострадания, запрещал своим ученикам убиение какой бы то ни было живой твари. Сохранилось трогательное сказание о том, как один из его странствующих последователей набрел на собаку, страдающую от язвы, наполненной червяками. Странник, как говорит предание, присел на землю, своими руками вытащил червей, сгреб их в кучу на дороге и пошел дальше. Но вдруг он вспомнил о том, что отнял пищу у червей, и что они умрут без нее. И ему их стало жалко. Он вернулся назад и, вырезав кусок мяса из своей

голени, положил его в кучу червей, чтобы им было чем питаться. И тогда только он со спокойной душой пошел своей дорогой.

Сказание это поучительно не в том, конечно, смысле, что и нам всем следует отдавать себя живьем на съедение червям, а в том, что нет пределов увеличения чувства жалости, и что она никогда не должна быть заглушаема, а, напротив, всегда поощряема.

Жалость — одно и то же чувство, будь оно вызвано страданиями человека или мухи. Как в том, так и в другом случае человек, отдаваясь жалости, выступает из своей личности и увеличивает объем и содержание своей жизни. И поэтому человек должен особенно дорожить всяким проявлением в себе жалости, к какому бы существу она ни была вызвана, при первом малейшем проблеске жалости, хотя бы вызванном самым, по-видимому, ничтожным поводом, следует дать ход этому чувству, не заглушая его. Человек, понимающий значение жалости, не станет опасаться того, что проявление ее могут

показаться людям смешными. Что ему за дело до того, что, вынеся на двор и выпустив из мышеловки пойманную мышь, вместо того, чтобы ее убить, он вызвал насмешки или неодобрение окружающих его людей, когда он знает, что этим он не только спас от смерти существо, не менее его дорожащее жизнью, но, дав свободный ход чувству сострадания, приблизился на шаг к той высшей жизни всеобъемлющей любви, которая, не вмещаясь ни в каких условных границах, освобождает его от смерти и сливается с источником жизни.

Всякий охотник поступает как раз наоборот: он не раз и не два, а постоянно заглушает в себе это драгоценное чувство жалости в самом его зародыше. Едва ли найдется между охотниками такой, который ни разу не испытал бы хотя бы намек на чувство жалости к какой-либо из своих жертв. Но всякий охотник всегда спешит заглушить это чувство, считая его стыдным. И вот, топчется первый, едва еще успевший пробиться росток сострадания, жалости, из которого вырастает

высшее и радостнейшее чувство любви. В этом-то постепенном, душевном самоубийстве и заключается главный вред охоты.

Да, с какой стороны ни смотреть на нее, охота — дело бессмысленное, жестокое и губительное для нравственного чувства человека. А потому и неудивительно, что, помимо злых отношений к самим животным, охотники еще и в общении между собой большей частью проявляют самые непривлекательные стороны своего характера. Самодовольство, самолюбие, тщеславие, ухарство, хвастовство, вранье, зависть, злорадство — все эти и подобные качества постоянно проявляются у охотников, смотря по их воспитанию, в более и менее грубой и откровенной форме. С этим, я уверен, согласится всякий охотник, сколько-нибудь беспристрастно приглядевшийся и к своему собственному настроению на охоте, и к отношениям его товарищей между собой.

Известная картина Перова «Охотники» прекрасно изображает одну сторону этих отношений. Во время завтрака в по-

ле, человек почтенных лет, очевидно рассказывая какое-нибудь свое охотничье похождение, заврался. Молодой его товарищ, по-видимому, так еще наивен, что не решается усомниться в правдивости почтенного рассказчика. Зато третий слушатель чешет себе затылок с таким явным выражением недоверия, которое исключает возможность малейшего уважения к седому вруну.

Все это так постоянно и бывает.

Вспоминаю другую небольшую картину. Затравили лисицу у самой норы, до которой несчастной оставалось только два скачка. Остервенелые собаки, ухватившись одна за ее горло, другая за зад, рвут ее в разные стороны. Она, разинувши пасть, задыхается от страдания и ужаса. Подскакавшие охотники зверски наслаждаются. Один уже соскочил с лошади и подбегает к лисице, крепко сжимая арапник, которым будет ее добивать. Другой, старик, на всем скаку осаживая лошадь, с животной кровожадной радостью впился глазами в страдающее животное. С разных сторон, к

этому же месту мчатся другие охотники.

Автор картины без всякой, по-видимому, задней мысли, просто изобразил один из самых обыкновенных эпизодов охоты в наездку. Но зрителю, не охотнику, глядя на эту омерзительную сцену, решительно невольно представляется вопрос: кто из действующих лиц наиболее скотоподобен, раззадоренные ли и освирепевшие псы, или озверевшие их хозяева.

Есть еще одна картина английского художника, поразительная в этом отношении — «Тихая осенняя ночь». На скалистом берегу живописного, освещенного луной озера громадный олень, раненый, но не выслеженный охотниками, в изнеможении опустился на землю и испускает последний вздох. Над ним, вытянувши кверху шею, стоит лань и, плача слезами, отчаянно ревет с выражением такого безнадежного горя и страдания, что нельзя без возмущения подумать о тех извергах, которые, совершивши свое кровавое и праздное злодеяние, в эту самую минуту, куря и распивая вино или пиво, ва-

ляются в креслах около пылающего камина и обсуждают свои геройские охотничьи подвиги.

Если б возможно было изобразить на картине все то страдание и горе, которые в течение своей жизни один только охотник внес в среду преследуемых, истязаемых и убиваемых им животных, то я полагаю, что, как бы черств и бессердечен он ни был, он все-таки призадумался и устыдился бы.

Нет надобности, я думаю, доказывать скверное воспитательное значение охоты и вредное влияние, которое производит та благовидная обстановка, тот ложный ореол благородства и даже героизма, в который в наше время облечены самые бесчеловечные роды деятельности и в том числе охота. Когда ребенок или юноша видит, какое серьезное значение взрослые придают такой пустой потехе, как охота, видит, с каким вниманием и торжественностью обставляются все мелочи, относящиеся до этой забавы, и, главное, видит, с каким нескрываемым наслаждением уважаемые им люди занимаются при-

чинением страданий беззащитным существам, то трудно ожидать, чтобы у такого ребенка или юноши правильно складывались понятия о добре и зле, о том, что важно, что ничтожно, что действительно достойно уважения и подражания, и что, наоборот, заслуживает осуждения и презрения. Поистине жутко становится за подрастающее поколение, когда подумаешь о той атмосфере узаконенного зла и одобряемых пороков, которой ему приходится дышать в то самое время, когда для его правильного душевного роста нужнее всего чистый воздух добра и правды.

Говорят в пользу охоты то, что молодым людям, принужденным вести однообразную, не симпатичную жизнь, одна охота доставляет возможность физического упражнения на открытом воздухе в непосредственном общении с природой. Но и этот довод несправедлив.

Для этого само собою напрашивается самое полезное, достойное и мирное из всех человеческих занятий — земледельческое, в различных отраслях которого можно найти бес-

конечно разнообразное применение тем самым способностям души и тела, упражнение которых ставится в заслугу охоте. Посев, пахота, косьба, уборка хлеба и сена, молотьба, рубка леса, различные плотничьи работы, копка земли, огородничество, садоводство, уход за животными и вывод их, — не перечешишь всех различных занятий, находящихся в связи с земледельческим делом и требующих не меньше упражнения физических сил, искусства и сноровки, нежели стрельба или езда верхом. При всех этих занятиях общение с природой бывает постоянное и близкое, а также и с животными, которых в этом случае человек приучает помогать ему в разумном и нужном деле, в противоположность приучения их служить праздной потехе охотников.

Высказавши, как я умел, то, что было у меня в душе по поводу охоты, признаюсь откровенно, что от большинства охотников я ожидаю в ответ лишь насмешки и глумление. Не к людям с устоявшимися взглядами, вполне их удовлетворяющими, обращаюсь я в

настоящем случае, а к тому сравнительному меньшинству преимущественно молодых людей, в которых сознание еще не закоснело, а сохранило свою пылливость и способность развиваться дальше, и которые достаточно смелы, чтобы критически относиться к своим взглядам и в случае нужды из-

менить их, хотя бы это и повлекло за собой отказ от какой-нибудь любимой потехи.

Жизнь не шутка, и нет дела жизни, к которому можно было бы относиться шутя или легкомысленно.

1 октября 1890

В. Г. Чертков. «Злая забава. Мысли об охоте». С пред. Л. Н. Толстого. СПб., Тип. А. С. Суворина, 1890.

Владимир Григорьевич Чертков (1864-1936) — ближайший друг и единомышленник Льва Толстого; его подробная биография приведена во 2-м номере нашего Альманаха. Это выступление против охоты на животных появилось даже раньше, чем «Первая ступень» Л. Н. Толстого, пропагандирующая вегетарианство.

Источник текста — Центр защиты прав животных «Вита»:
<http://www.vita.org.ru/library/prose/chertkov-amusement.htm>

А. П. Барыкова

* * *

Все великие истины миру даются не даром;
Покупают их люди всегда дорогою ценой;
Не найдешь их случайно, гуляя по шумным базарам, —
Там, где пошлость торгует дешевою
„правдой людской“.

Не навевает их на душу легким, приветным дыханьем
Мимолетного ветра попутного; с бою, —
под бурей-грозой, —
Добывается истина, — тяжким трудом и страданьем, —
Как жемчужина светлая в мрачной пучине морской.

И в истерзанном сердце, стерпевшем все раны и боли,
В час тяжелый сомненья, отчаянья, — в час роковой
Всходит Истина вдруг,
словно колос на вспаханном поле.
И воскреснет душа, истомленная долгой борьбой.

Сумасшедшая

Посвящено памяти Е. О. М...ской

Носится слух: генеральша помешана
С горя... Какого?.. Она ль не утешена
Жизнью?.. Ей счастье во всем улыбалось,
С детства судьба угодить ей старалась:
Выросла в холе; воспитана барственно;
Замужем тоже живет она царственно.
Муж — генерал, орденами сияющий,
Честно безгрешный доход получающий.
В доме казенном квартира прекрасная,
Комнат пятнадцать... все теплые, ясные.
Умные дети, прилежны к учению,
Греческий знают, латынь... восхищение!..
А генеральшины слезы горячие
Льются о том, что в морозы трескучие
Бедным казенного нет отопления
(Ясное дело — ума помрачение);
Что ребятишек без средств пропитания
Больше, чем деток, которым все знания
В голову вложат за денежки звонкие...
Льются о том, что в прекрасные, тонкие
Сукна, полотна не всяк одевается;
Что бедняки бесприютные маются
В долгую зиму, крутую, холодную,
В грязных подвалах больные, голодные...

Плачет она, коль на скатерть голландскую
 Льется рекой дорогое шампанское...
 Плачет о тех, кто лишь хлебом питается,
 В праздник дешевкою пьян напивается...
 Все она плачет... Спасти человечество
 Хочет... Трудиться на пользу отечества...
 Хочет одеть она голь непокрытую,
 Высушить слезы, народом пролитые,
 Вылечить раны народа прошедшие...
 Все говорят, что она... сумасшедшая...
 — „Странен и дик этот пункт помешательства,
 Вечное в горе чужое вмешательство,
 Глупые слезы, — в любви изливания
 К нищим, и глупое вечно желание
 Всем помогать, — так супруг в огорчении
 Доктору плакался. — Нет ли спасения?"
 Выслушав, доктор промолвил внушительно:
 „Это мания... мания решительно!"
 Стукал потом он больную внимательно.
 „Н-да... Помешалась!.. Совсем... Окончательно!"
 И диагност заключил консультацию,
 Крупную сунув в карман ассигнацию.
 Сколько проказ (это дело прошедшее)
 После творила моя сумасшедшая...
 Едет бывало тайком, сердобольная,
 С светлой улыбкой, судьбою довольная,
 Едет на ваньке в погоду ужасную,
 Ночью, в подвал, где семейство несчастное
 Ждет ее... (Кстати еще не обедало,
 А генеральша об этом проведала).

То вдруг швее за работу дешевую
Щедрой рукой посыпает целковые,
То наберет ребятишек плюгавеньких,
Моет да чешет оборванцев маленьких...
Раз (генерал чуть не нажил Кондратия)...
Раз в кабаке она пьяную братию
Увещевала не пить... И моралию
Тронуты были, — ревели каналии!..
Просьбы писала... К министрам в передние
Шлялась, — салопница будто последняя...
Чтоб принести бедняку утешение,
Кланялась, плакала, все унижения,
Злые насмешки сносила, презрение;
Все удивлялись ее поведению...
Было чему... Но всего удивительней
Стали припадки болезни мучительной
Перед кончиной... Устала сердечная,
В деле умаялась, память ей вечная!
Громко рыдая, рвалась она бешено:
„Мало нас! Мало на свете помешанных!
Всех бы спасли!" и открыла объятия,
Словно хотела всю нищую братию
Разом обнять... При последнем дыхании
Слезы лились за чужие страдания...
А хоронить ее чинно пришедшие
Думали: это была сумасшедшая!

А. П. Барыкова

Грибы

Сказка

(Из чешских народных легенд)

Шла из лесу вдова убогая, волокла за спиной вязанку хворосту; шла — вздыхала, ворчала и охала, свое горемычное житье-бытье проклинала. Вдруг повстречался с ней на тропинке странник, лицом светлый. Поглядел он на бабу кротким взглядом участливым и спросил ее ласково:

— О чем ты, милая душа, стосковалась и про что твои думушки черные? Расскажи, — может, я пособлю тебе?

Пуще прежнего старуха завздыхала, заохала, заворчала:

— Ох, ох, ох, батюшка!.. Чего пристал? Чего людей на дороге останавливаешь, без толку спрашиваешь? Уж известно, про что наши думушки: все про бездолье да про безденежье, — про людскую нужду неисходную!..

Опечалился странник ласковый, покачал головой, и затуманились его глаза кроткие. Развязал он суму дорожную, вынул оттуда узелок — не большой и не маленький, — подал убогой вдове.

— На, вот, тебе, сестра милая, прими от меня подарочек; отнеси его к себе домой бережно, не развязывай, пока не смеркнется, а как смеркнется — развяжи, да смотри, как бы у тебя и этот Божий дар прахом не пошел.

Не успела баба и спасибо сказать страннику, — исчез он из глаз, только она его и видела.

Идет баба домой скорым шагом, несет узелок в переднике бережно, а сама все думает:

«Что бы это такое подарил мне странничек ласковый?.. Тяжелое что-то!.. А ну как

деньги? Целый узел денег!.. Вот бы хорошо! То-то бы я богата стала!..»

Только она это подумала, вдруг и покажись ей, что в узле как будто и впрямь деньги позванивают.

Идет — прислушивается, руки дрожат, глаза завистью разгораются... Деньги, деньги и есть...

Обрадовалась баба, не вытерпела, не донесла узелка до дому, присела — развязала.

Смотрит... ан в узелке-то вовсе не деньги, а грибы белые — да такие все крепкие, ядреные, хорошие. Обидно стало бабе, что не по ее вышло.

— Грибы? Эка невидаль!.. Вишь проходимец, озорник, насмешник!.. Нашел, чем дарить... Да у нас их, грибов-то, ноне и свиньи не едят!..

Обозлилась баба, плюнула, всячески обругала странника, а грибы, со злости, все на тропинку пошвыряла, — ушла.

Поздно вечером по той же тропинке старый дровосек с работы домой возвращался; увидел он грибы разбросанные, — стал подбирать. Подбирает, за пазуху кладет, сам

приговаривает:

— Вишь, грибки какие славные; кто-то нарвал да и бросил... Грех это... Пропадает понапрасну Божий дар!.. Ну что ж? Кто бросил — тому, стало быть, не надо, а мне находка и на руку: дома-то у меня хлеб либо есть, либо нет, кажись, оставалась давеча краюшка махонькая. Так я из грибов похлебочку и сварю на ужин. Слава Тебе, Господи!

И пришел старик домой, рад-радехонек. Только успел он грибы пообчистить да поставить горшок на огонь, кто-то постучался к нему в дверь.

Усмехнулся старый дровосек:

— Входи, кто там!.. Не заперта у меня дверь-ат и отродясь не запиралась... Входи, милый человек, милости просим!

И вошел к дровосеку в хату странник, лицом светлый, — тот самый, что бабе грибы подарил. И сказал:

— Мир дому сему! Христос с тобою!

Поздоровался дровосек, обрадовался страннику.

— Вот хорошо, вот и опять

оно кстати: у меня похлебочка варится, а Господь и гостя послал!

Засуетился старый у печи, помешивает похлебку — угостить странника торопится.

А странник сидит на лавке, глядит на старика, ласково улыбается.

Помешивает старый похлебку — помешивает, кипит вода белым ключом; пора бы, кажись, грибам увариться, а они все никак не уварятся, как будто даже тверже да тверже прежнего становятся.

— Что за диво?.. Чудные грибы какие!.. — говорит дровосек страннику: — глянь-ка сюда, милый человек! Вишь, в одну кучу сварились, пожелтели, блестят, как жар горят!.. Что бы это такое?

— Это золото, брат! Богач ты стал теперь! — отвечает странник, а сам зорко глядит дровосеку в глаза: что-то от него будет.

Поглядел дровосек в горшок, потыкал деревянной ложкой в золотую глыбу, и жаль ему, что испортились грибы.

— Ишь ты, какие дела!.. Золото... золото... Ну, нечего

делать, не удалась, значит, наша похлебка... Да нешто нам и сухого хлебушка поснедать?

Пошарил старик на полке, достал свою краюшку последнюю, разломил, подал половину страннику.

— Кушай на здоровье: чем богаты, тем и рады.

— А золотом, небось, не поделишься? — спрашивает странник и улыбается.

— Золотом-то?.. А я было про него и запомнил... Да на что оно мне? Возьми ты его себе, милый человек, — пожалуй, оно тебе в дороге и пригодится, а мне оно ни к чему!..

Еще больше просветлело лицо странника, и засияли глаза его кроткие, как ясные звезды небесные. И сказал он:

— Ну, спасибо тебе, друг и брат мой милый, утешил ты меня: странного принял, нищего накормил. А золота твоего и мне не надо; и мне, брат, жаль, что грибы у нас испортились. Да ты посмотри в горшок-то, — авось теперь и уварились они?

Подошел дровосек опят к печи, заглянул в горшок, а там вместо золота грибная похлебка

так и кипит. Обрадовался
старый, оглянулся на странника,
а его уж и в хате нет!

Выскочил дровосек из хаты,
поглядел на дорогу — и на
дороге нет ни души; только свет
великий вдали, словно заря.

Понял тогда дровосек, что у
него в гостях не простой
странник был.

И поклонился вслед ему до
земли и сказал:

— Господи, да приидет
царствие Твое!..

«Стихотворения и прозаические произведения А. П. Барыковой»,
СПб., 1897.

Анна Павловна Барыкова (1839-1893) — поэт и переводчик. В молодости была близка к революционерам-народовольцам, но в последние годы жизни сблизилась с семьей Чертковых и издательством «Посредник», для которого перевела исследование А. Баллу «Учение о христианском непротивлении» с английского, ряд стихотворений Виктора Гюго и пьесу «Прощение» Ф. Коппе с французского (этот перевод Л. Н. Толстой назвал превосходным), а также целый ряд стихотворных фрагментов с разных европейских языков для книги Г. Уильямса «Этика пищи» (с пред. Л. Н. Толстого), брошюры А. Кингсфорд «Научные основания вегетарианства» и многое другое. Писала она и собственные произведения: стихотворения, повесть в стихах «Три загадки», рассказ «Доброе дело», сказку в стихах о Царе-Ахреяне и др. Итоговое собрание ее произведений вышло под редакцией В. Г. и А. К. Чертковых уже посмертно: в 1897, 2-е изд. В 1910. Хотя в советские годы некоторые ее стихотворения включались в сборники, но отдельных книг не выпускалось, и потому современному читателю она почти неизвестна. У себя в Альманахе мы планируем переиздать ряд ее сочинений и переводов.

В. А.

Я НЕ ВРАГ СЕБЕ

Я не враг себе, и потому я не пью водки.

Я хочу, чтобы голова моя была всегда светла, чтобы ум мой всегда хорошо работал, чтобы разум мой был всегда ясен, — и потому я не пью водки.

Я хочу, чтобы во мне не слабела моя рабочая сила. Я хочу, чтобы руки мои всегда твердо действовали, чтобы глаза мои всегда зорко следили за моей работой, — и потому я не пью водки.

Я знаю, что если я буду пить водку, так желудок мой станет испорченный, пища будет скверно перевариваться в нем, пища не пойдет больше мне впрок, сердце станет хорошо работать, кровь станет плохо двигаться по телу, кровь испортится, разные болезни станут подтачивать мое здоровье, — и потому я не пью водки.

Мне дорога каждая в поте лица заработанная мною копейка. Она мне нужна, чтобы поддержать мои силы здоровою пищей, чтобы лучше накормить, одеть, обуть мою семью, жену, детей, малолетних сестер и братьев и стариков-

родителей, чтобы лучше обучить моих детишек и вывести их в люди, — и потому я не бросаю денег на водку.

Я знаю, что если я буду пить водку, я перестану быть хорошим мужем, отцом, братом, сыном. В винном дурмане я стану забывать о семье, о жене и детях, о родителях, о братьях и сестрах, — и потому я не пью водки.

Я не хочу соблазнять своих товарищей, свою жену, своих детей скверным примером. Я не хочу, чтобы дети мои, глядя на отца, тоже стали бы пить и, быть может, совсем сбились бы с пути. Я их родил, и я должен быть им примером. Сумел родить, так сумей и научить. И потому я не пью водки.

Когда меня соблазняют, я всегда вспоминаю обо всем горе, которое царит в мире через водку, обо всех преступлениях, обо всех гадостях, которые делаются через вино, о нищете через него, о людях, потерявших через водку все в своей жизни, — и потому я не пью водки.

Мне дорога моя душа, которая дана мне Богом, чтобы я берег ее, чтобы я хранил ее от всякой мерзости, от всякого скотства, — и потому я не пью водки и никаких вообще спиртных напитков, потому что во всех них есть отравы, губящая душу и тело человека.

Я знаю, что все начинали пить с одной рюмочки. Все, спившиеся потом с круга, люди начинали с рюмочки. Все люди, ставшие потом через водку злодеями своей семьи, ставшие через пьянство бездельниками, ворами и душегубами, все начинали с одной рюмочки, — и потому я не пью ни одной рюмки водки, ни одной капли ее, и всем говорю: «Если ты себе не враг, не пей водки».

И. Горбунов-Посадов.

На листовке помещена репродукция картины:

Я не враг себе, и потому я не пью водки.

С рис. Пономарева. Собств. мастерской карт. Баранова.

№ 15. «БОРЬБА С ПЬЯНСТВОМ».

Книжки и листки под редакцией И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА.

В издательстве «Посредник» был выпущен целый ряд брошюр и плакатов в серии «Борьба с пьянством». Данный плакат был напечатан крупным шрифтом, в такой же красной рамке, на бумаге форматом А2 (4 альбомных листа) и предназначен для размещения на стенах столовых, чайных и др. безалкогольных заведений. Заметное отличие от казенной антиалкогольной пропаганды советской эпохи — делается упор на выгоды от трезвости и невыгоды от пьянства для самого человека, для его души и тела, а не для государственной казны.

В. А.

И. И. Горбунов-Посадов

В семье

(Перед чужим чистым счастьем).

Дождь сегодня так злобен и вечер так мглист.
За окном уж нигде не увидишь огней.
Точно стон из холодного мрака полей
Чуть доносится поезда трепетный свист.

Все притихло вокруг, все оковано сном,
Даже псы притаились в своих конурах.
Только буйному ливню раздолье кругом,
Только ветер наводит томительный страх.

Жутко станет, как вспомнишь, что, может, идут
По размытым полям, по трущобам лесным
Сотни жалких бродяг под покровом ночным,
Без надежды на хлеб, без надежд на приют...

А у нас так тепло и светло... Самовар
На столе свою тихую песню поет;
Ярко лампа горит, и ласкающий жар
Из натопленной печки волною плывет.

Дремлет наша девчурка: давно уж она
Вместе с куклой в постельку к себе улеглась,

Но сквозь нежный туман золотистого сна
Губки что-то лепечут, блаженно смеясь.

И евангеля истинной дышущий стих
Мы читаем с тобой после мирных трудов,
И в очах лучезарно-глубоких твоих
Светит краткий восторг от спасительных слов...

Я на этот покой без укора смотрю, —
Он минутный привал на далеком пути:
Я одною с тобой тайной жаждой горю,
Жаждой к свету Христа сколько сил есть идти.

Если брат, истомленный безверьем людским,
Чуть дыша под крестом дикой злобы людской,
Ищет тех, кто склонился б с участием над ним,
Ищет отдыха слабой, голодной душой, —

К нам стучись: мы откроем тебе нашу дверь,
Мы несчастного друга обнимем, любя;
После тяжких скорбей, после горьких потерь,
Как сумеем, голубчик, утешим тебя.

Ведь на то нам и счастья так много дано,
Чтоб сияньем любовнейшей ласки своей
Исстрадавшимся братьям светило оно
В ужасающей тьме этих мертвенных дней.

Е. Е. Горбунова-Посадова

Обновление жизни

Обновление жизни! — все мы, измученные жизнью за все эти последние годы, ждем, ждем его с тоской и отчаяньем в душе, верим в это обновление и теряем надежду, ждем его и от правительства, и от народа, и от пролетариата, и от всяких соседних народов, и от науки, и от Бога, каждый по-своему, сообразно своей вере, своему складу характера, складу мышления, складу души. Ждем... и ни с места.

А обновление жизни не даст нам никто, кроме нас самих. Только сами можем начать обновление жизни с себя, своей семьи, сегодня, сейчас, в каждой мелочи, во всех своих отношениях к людям, к животным, к природе.

Я не хочу насилия, не хочу захвата чужого труда, не хочу неравенства, вражды, не хочу бродить во тьме и видеть, как

беспомощно бродят во тьме мои братья. И если я действительно не хочу этого, то в моей власти не подчиниться насилию, не насильничать, не враждовать, искать истину и воплощать всеми силами эту истину в своей жизни.

„Я“ — ничто, если сравнить меня с человечеством. „Сегодня“ — ничто в сравнении с вечностью, но ведь все человечество состоит из миллионов „я“, и надо, чтобы каждое из этих „я“ проснулось к новой, обновленной жизни, захотело ее или, по крайней мере, привыкло к ней, видя ее вокруг себя. Живут же эти „я“ сегодня, сейчас, и только сейчас могут делать или не делать то, что считают нужным. Прошлое они не вернут, будущее еще будет ли для каждого отдельного „я“?

Только тогда общая жизнь действительно обновится, когда проснется каждый человек или

большинство человечества.

Но обновить свою жизнь, то есть свое отношение к жизни, — это в нашей власти, и этим путем, только этим путем, мы, может быть, медленнее, но вернее пойдем к обновлению жизни и всего человечества.

Может быть, наши усилия, наша работа не замечена будет никем, но каплей насилия в мире станет меньше, если я сегодня не совершила его, каплей вражды меньше, если я враждой не ответила на вражду, каплей любви больше, если я пробудила ее в своей душе к моему брату-человеку, к животному, ко всей великой красоте Божьего мира.

Как-то так удивительно устроен мир, что прояви я любовь ради лишь этой любви, откажись я от насилия ради любви к Богу, к истине, к людям, — я пойду вперед, к обновленной жизни. Прояви я любовь, откажись я от насилия ради внешнего устройства жизни, ради того, что должно вытечь из моего поступка, сейчас примешается что-то, что отнимает у меня силу, что сведет меня с пути проведения сейчас, во всех случаях

жизни того, что я считаю добром, правдою, благом для себя и для всех.

До сих пор большинство людей, мечтавших служить человечеству, шло этой последней дорогой, делало то, что, по их мнению, могло иметь в конце концов благо человечества. И, несмотря на тысячи борцов за благо людей и за правду, человечество почти не сдвинулось со ступени нравственных варваров. Надо пробовать почти не испытанный до сих пор, почти всеми отвергаемый, презираемый путь проведения в *своей* жизни (и только в *своей* жизни) того, что считаешь благом и для себя и для человечества — основывание жизни на любви и отказа от насилия ради них самих, только потому лишь, что любовь это истина, это закон Бога, не думая, что даст это мне, какие из моего поступка будут последствия.

И нечего делить поступки на важные и не важные, великие и малые. Все они ничтожны, если мерить их, сравнивая с тем морем горя и зла, в котором мы живем, и все они велики, если думать так, как думала мудрая

девица в притче Толстого: „Самый нужный человек — тот, с которым ты сейчас имеешь дело, самый важный час — настоящий момент, самое важное дело — то, которое сейчас делаешь”.

И когда смотришь так на жизнь, то легче становится жить, есть силы для борьбы с

горем и злом, есть надежда на победу света и добра, — знаешь, что каждый твой верный шаг, — есть новая ступень в той огромной лестнице к свету, правде, добру и счастью человечества, которая стоит перед нами. Только бы не остановиться на первой ступени и пореже шагать назад.

«Обновление жизни», № 1, 1917.

Елена Евгеньевна Горбунова-Посадова (урожд. Короткова, 1878-1955) — жена И. И. Горбунова-Посадова, активная сотрудница толстовского издательства «Посредник», педагог и соиздательница журналов «Маяк» и «Свободное воспитание», автор книг для детей и воспоминаний.

А. С. Малород
Два зеркала

Ты смотришь в зеркало, мой друг,
Внимательно следишь, а нет ли вдруг
В твоём лице, одежде, волосах
какого беспорядка?
Всё ли опрятно в них, красиво, чисто, гладко?

А внутрь себя глядишь ли ты порой —
Всё ли в порядке там, друг мой?
Ты добр ли, честен, стоек и правдив,
Всегда ль спокоен, весел, бодр, трудолюбив?

Имей всегда два зеркала, друг мой,
И не стремись блистать лишь
внешней красотой,
О том, что главное, — об этом не забудь,
Работай над собой и настоящим
человеком будь.

Сайт «Зеленая палочка»: zpalochka.narod.ru

Анна Степановна Малород (1896-1971) —
учительница в толстовской коммуне «Жизнь и труд».

Два письма

Серези Попова

Письмо первое

Голубчик Владимир, пишу я вам из Майкопа, Кубанской области, на другой день после освобождения моего тела из тюрьмы.

Расскажу, как я попал туда.

Последнее время я работал у Скороходова. Там я познакомился с очень интересным человеком — Львом Тониловым. Он был у вас, был в Ташкентской общине. Оттуда пришел в Пятигорск и к Скороходову. Мы решили идти на Сочи, к Сутковому, затем в Геленджик, Полтаву, Лисичанск, побывать у вас, Льва Николаевича, Булыгина, в Москве и Петербурге. Попутчиком нам явился Володя Шейерман с семьей и Григорий Цыганков.

Мы все вместе вышли из Майкопа по направлению к Ту-

апсе. На первой почтовой станции Володя с семьей сел на лошадей и поехал. Григорий Цыганков, кажется, вернулся, а я и Лев пошли далее.

Ночевали в станице Апшеронке. На другой день, когда мы проходили мимо правления станицы Ходопси, то из правления выскакивает казачок и говорит: «Пожалуйста, на минуточку в правление». Входим, видим, сидит человек и говорит нам: «Ваши паспорта!»

— Нам не надо паспорта, мы в доме отца, весь дом Божий, все люди братья, — говорим мы.

Атаман смущается и говорит: «Я знаю, что все братья, но как же, надо знать, как вас зовут, какой вы губернии?»

— Дорогой брат, — говорим мы. — Какие губернии? Какие

паспорты? Все это мираж, самообман, призрак. Ничего этого не надо и ничего этого нет. Есть только дом Божий, весь мир, все люди братья, дети Божии.

Атаман смущается и говорит, видя книги:

— Дайте книги, какие у вас есть.

Мы дали. У нас было несколько книг Льва Николаевича. Жизнь греческих мудрецов, книга Балуганина «о непротавлении злу насавиением» и индийская философия Йога.

Атаман смотрит на филосо-

фию и не понимает. Потом говорит:

— Надо позвать батюшку, может быть, он знает эти книги.

Позвали. Влетает батюшка и сразу буркнул нам: «Ваши паспорта».

— Для Бога не надо паспорта, — говорим мы.

Священник* смущается и говорит: «Я знаю, что не надо, но нам надо, я спрашиваю у вас паспорт».

— Значит, вы не верите в Бога, а верите в мертвую бумагу, — говорим мы.

Священник краснеет до корней волос, упер глаза в философию Йога и бессмысленно поворачивает страницы.

Затем атаман и священник в смущении уходят. Немного погодя приходит атаман и говорит нерешительно писарю: «Надо отправить на распоряжение атамана отдела».

Писарь берет книги, прикладывает печать, и два добрых парня, взяв ружья на плечи, ведут нас по направлению в Майкоп.

* В письмах Серережи священник называется «попом». — А. Л.

Два письма Сережи Попова

Ведут, не зная зачем, повинуюсь мертвой бумажке, которую написал писарь Ходожинского атамана, и так до самого Майкопа эти добрые люди, забыв разум, совесть и повинуюсь бумажке, гонят нас, своих братьев, и так везде.

Приходим в станицу Апшеронку. Воскресение; собирается народ. Мы сидим на ступенях правления. Нас спрашивают: какой губернии?

Мы говорим: «Братья, губерний нет, это самообман. Весь мир дом Божий, все люди братья, дети Божии».

— Вы говорите, что все братья, — говорят они, — а вот как же*

— Богу и маммоне служить нельзя.

В толпе шепчутся («слышите, говорят, служить не надо»), потом обращаются к нам: «Как же, ведь вот мы присягаем, значит, надо служить».

— А Евангелие читали? — говорим мы. — В пятой главе Матвея, в нагорной проповеди, Христос прямо и ясно говорит:

* Выпускаем три строчки по цензурным соображениям. — А. П.

Никогда никому ни в чем не клянись. Не клянись вовсе. Какая же может быть присяга, ведь вы через минуту можете умереть, жизнь не принадлежит вам, и вы не можете не только отдать ее, кому бы то ни было, но даже ни одного волоса сделать белым или черным. Нет, братья, вас ужасно обманывают, вас заставляют делать на Евангелии как раз противное евангелию. Опомнитесь, братья!

В это время подходит к нам человек и говорит: «Пойдемте». Приводит нас к какой-то двери. Отворяет, выпускает, затворяет. Мы находимся в полной темноте и чувствуем духоту и вонь, сидим некоторое время на скользком полу. Брат Лев возмущается и начинает стучать в дверь и звать: «Люди, братья, кто здесь есть?» Я говорю: «Лева, что ты, ведь мы сами пришли сюда, это наука, в другой раз не пойдем, и если им надо будет, они сами внесут наши тела, куда им угодно. Дух свободен везде и не зависит от формы».

(Потом Лев говорил мне, что это был соблазн, паденье, но это очень хорошо, это наука для

нас.).

На зов приходят и говорят: «Что надо?» Лев говорит: «Позовите того человека, которого вы называете атаманом». Уходит.

Приходит атаман и говорит: «Что надо?»

— Дорогой брат, говорит Лев, — верите ли вы в Бога?

Атаман смущается и говорит: — «Верю».

— Зачем же братьев своих сажаете в темницу?

Атаман очень смутился, стал ругать сторожей, зачем они посадили нас в темную, и нас переводят в светлую.

Немного погодя приходят два парня с ружьями и ведут нас, ведут против желания, не зная зачем, но все-таки ведут, повинувшись мертвой бумажке. Приводят в станицу Прутскую. Здесь встречают нас, как террористов, обыскивают, отбирают от меня даже лапти, чтобы я не повесился на веревочках, которыми подвязываю их. Толкают нас в душную комнату и отдают наши тела во власть мириадов клопов.

Поздно вечером отворяют и входит атаман с любопытными.

— Откуда вы? — говорит он.

— Тот, кто нас привел, знает, откуда мы, обратитесь к нему, — говорим мы.

— Ну, все-таки, какой вы губернии? — говорит он.

— Брат, весь мир дом Божий, все люди братья, все дети одного отца.

— Я это знаю, но все-таки нужен же закон гражданский?

— Брат, все, что есть хорошего в законе гражданском, все то есть в законе Бога; нет только зла, которое разделяет людей братьев; ведь Христос сказал: «Я пришел не нарушить закон, но исполнить закон вечный, закон Бога». Как все прекрасно кругом в природе! зачем же мы, разумные люди, нарушаем эту гармонию? Нет, брат, одно из двух: или закон Бога или закон человеческий, гражданский.

Атаман уходит, и нас затворяют.

Утром приходят добрые парни с ружьями на плечах и ведут нас на станицу Курджуйскую. Дорогой мы говорим им: «Зачем вы идете за нами? Ведь вы не хотите, вам жарко, пусть тот, кто хочет нас отправить, идет сам. Скажите ему: «Ты хочешь

Два письма Сережи Попова

их отправить, так и отправляйся сам». Ведь у каждого человека есть совесть, разум свой. Зачем же вы не слушаетесь их, а слушаетесь прихоти всякого человека, который скажет вам: «Идите туда-то, делайте то-то». Вспомните, что вы сыны Божии. Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить».

Приводят в Курджуйскую. Много народа идут посмотреть на нас.

Здесь узнал про нас учитель и захотел поговорить с нами. Он оказался знаком с Скороходовым, принес нам всякой еды и сидел у нас долго вместе с женой и детьми, Это было в субботу.

На другой день нас не повели, а оставили, по случаю воскресенья, на день. Обращались хорошо, даже водили купаться.

Попросили мы Евангелие, дали нам. Лев стал читать нагорную проповедь. Объяснил первую заповедь Христа: «Не сердись», вторую: «Не блуди», и я третью: «Не клянись вовсе» и говорил: Христос ясно сказал: не присягай, а вы говорите: присяга. Нельзя служить прися-

ге и Богу.

В это время вошел атаман (он все слышал из-за стены) и говорит: «Господа, пожалуйста, разойдитесь, вы мешаєте им отдыхать». И нас заперли на замок.

Утром в понедельник нас повели, наконец, в Майкоп, к атаману отдела.

Приходим, подходим к столу, видим — там сидят разные чиновники, спрашивают у нас, как звать, какой губернии.

— Я сын Божий, — говорю я.

— Как так? — говорят они.

— Братья, — говорю я, — поймите, что губерний нет, паспортов нет, границ нет; все это мираж, самообман, мыльный пузырь. Весь мир дом Божий. Поймите, что жизнь только в Отце, вне Отца нет жизни, вне Отца смерть.

Забегали чиновники, не знают, что делать, теряются. Что-то глубоко, глубоко в их совести говорить им, что это так, что все люди братья, весь мир дом Божий, все дети одного Отца. Что если все братья, то не надо ни этого правления с его чиновниками, ни всего того ужасного зла, которое разделяет

людей братьев и делает их чиновниками, машинами.

Обращаются и ко Льву: «Как вас звать, какой губернии?»

— Братя, — говорит Лев, — разве это важно, разве это нужно? Ну, называют меня Львом Тониловым и говорят, что я из Каменец-Подольска. Но ведь я не знаю, где я родился, не знаю, родился ли я?

Следователя нет дома. Письмоводитель идет дать телеграмму, а меня уводят в участок, до прибытия его.

Приводят. Бросаются ко мне городовые, обыскивают и спрашивают: «Какой губернии?»

— «Мир дом Божий, губерний нет, все люди братья.

— Неделю подержим голодом, тогда скажешь, какой губернии, — говорят они.

Потом ведут в участковую тюрьму. Здесь я нахожу двух людей. Мне дают хлеба и арбуза, воздух в камере отличный, камера большая, клопов нет, я очень доволен.

Вечером зовут к приставу. Вхожу. Вижу — сидит за столом околоточный, и начинает кричать:

— Какой губернии?

— Я сын Божий, губерний нет, весь мир дом Божий, все люди братья, — ответил я.

Он начал страшно ругаться и выдергивал и вдергивал револьвер, думая нагнать на меня животный страх.

— Опомнись, что ты сердишься, ведь мы братья, — говорю я.

Тогда он подошел к телефону и говорит куда-то: «Здесь привели ко мне какого-то душевно-больного».

Ему что-то отвечают. Он говорит: «Слушаюсь», и велит городовому вести меня к следователю.

Он еще не приехал, и меня ведут обратно в участок.

Только через три дня, 6 августа, ведут меня к следователю (он приехал).

Приходим. Вижу молодого человека и по обращению догадываюсь, что письмоводитель уже рассказал ему обо мне. Он говорит: «Хотите вы мне ответить на некоторые вопросы?»

— Конечно, как же, ведь мы братья, — говорю я.

— Ну, хорошо, вот я вас попрошу подписать следующую

Два письма Сережи Попова

бумагу.

— Как же подписать? — говорю я. — Вы меня не поняли. Ведь в каждом человеке есть два существа. Одно слепое, чувственное, едящее, пьющее, смертное, а другое — зрячее, разумное, любящее, вечное. Это-то вечное существо и есть Бог, оно-то и дает жизнь всему, им-то я и хочу жить, а для него не надо ни подписей, ни паспортов, ни губерний, ни губернаторов, а нужны люди-братья, живущие в мире, в доме Божием, как дети одного Отца.

— Ну, хорошо, это так, — говорит он; — но от того, что вы это говорите, я не переменю своей жизни, но одно прошу вас: ведь Христос любил всех и говорил: «братья, любите друг друга», так вот я вас прошу, если у вас есть любовь к ближнему, подпишите эту бумагу, проявите любовь.

Я подписал: «Сын Божий, по телесной оболочке называемый людьми С. Попов».

В бумаге было написано: «Обвиняемый, следуя высшим Божественным законам, идущим вразрез с законами человеческими, не может иметь пас-

порта и определенного местожительства».

— Ну, спасибо, — сказал следователь и тяжело вздохнул.

Потом, желая и с своей стороны проявить любовь, говорит: «Погодите, я сейчас», накидывает пальто и уходит. Приходит и говорит: «Подите к прокурору, может быть, он вас отпустит.

Приходим. Вижу на дворе масса голубей. Прокурор кормит их. Ну, думаю, добрый. Глянул он на меня и говорит городовому: «Для таких у меня места нет: «Как тебя звать, какой губернии? Ты Сергей Попов?»»

— Я сын Божий, — говорю я. — Все люди братья.

— Я знаю, что все братья, — говорит он.

— Это только и нужно, — говорю я, — откиньте все остальное, живите по-братски, и ничего больше не надо.

— Последний раз говорю тебе, — кричит он, — ты Сергей Попов?

— Я сын Божий, — говорю я.

— Тогда в тюрьму! — кричит прокурор. Пишет письмо следователю и меня ведут туда.

Следователь читает письмо и говорит: «Прокурор иначе посмотрел на это дело. Придется вас в тюрьму». Затем вздыхает и говорит: «Может быть, у вас есть здесь кто-нибудь? Могли бы взять вас на поруки?»

— Есть Скороходов, — говорю я.

— Я его вызову, — говорит следователь, записывает адрес, и меня ведут в тюрьму. Приводят.

Обступают меня надзиратели, спрашивают: «Какой губернии?»

На меня находит животный страх, думаю, бить будут.

Я говорю: «Называют меня Сергеем Поповым, говорят, что я из Петербурга».

Тогда велют раздеваться, дают белую шапку, бушлат, подушку, матрасик, легкое одеяло и ведут.

Приводят на двор. Лев и арестанты встречают меня, ведут в камеру, угощают, кто чем может. Один несет арбузика, другой хлебца; отношение братское, хорошее.

Лев мне рассказывает, что его встретили очень недружелюбно. Лев имеет длинные во-

лосы, большую бороду, ходит босой, без шапки, ест только хлеб, овощи, фрукты; так вот, приняв его за попа, арестанты закричали: «Попа привели, попа привели, давайте ему драть волосы!» и в миг окружили его.

Но он им любовно рассказал все, как было, и они сердечно пожалели его, накормили и относятся с большим уважением.

Лев вначале отказался от всего казенного, пошел, лег под нары и там лежал. Вечером бывает поверка, арестанты строятся, с ними здороваются начальник, они отвечают все в раз и их считают. Лев же лежал под нарами и на вопрос: «Что ты не строишься?» отвечал: «Мне и здесь хорошо, я отдыхаю».

Меня привели уже вечером. Ночь я провел на матрасике, вместе с Львом. Клопы и блохи не давали нам спать.

Лев говорил мне о голодовке, которую можно провести, но я сказал, что можно, но зачем? Вот в полдень дают мясной борщ, так я не буду есть, а хлеб буду. Тогда и Лев взял овощи и хлеб, борща же мы не ели. Многие спрашивали у меня, почему Лев ходит босой, без шапки, без

Два письма Сережи Попова

кафтана.

Я говорил: «Ведь богат не тот, у кого много, а тот, кому ничего не надо. Лев богаче всех нас. Мы рабы своих потребностей, я раб шапки, лаптей. Лев же свободен от этого».

Вечером на поверках, когда все строятся, мы сидим и на вопрос: «Вы что не строитесь? отвечаем: «Мы живем своим разумом».

8 или 9 августа снимали с меня карточку и отправят ее в Петербург к мамаше и в охранное отделение.

10 августа пришел следователь, Скороходов и старичок Степан Зубков. Степан берет меня на поруки. Следователь говорил, что если мамаша признает карточку, то обвинение в бродяжничестве сходит на нет и дело — к мировому судье.

11 августа пришел Степан и Скороходов, и мое тело выпустили из тюрьмы.

Скороходов ходил к атаману и прокурору хлопотать о Льве, но безуспешно. Вероятно, пошлют этапом. Этап уходит 22 августа.

Чувствую, милый брат, что это с моей стороны падение, именно то, что я пошел на поруки. Истинный человек свободен и в тюрьме, а тот, кто раб своих страстей, тот везде не свободен. Познайте истину, и истина сделает вас свободными.

Не знаю, получил ли Лев Николаевич письмо. Я писал ему прямо из тюрьмы, в конце приписал и Лев немного. Письмо прошло через руки прокурора.

Относительно юбилея Льва Николаевича мне кажется, что у кого нет его духа, тому надо праздновать, а у кого есть, тому не надо. У кого креста нет в душе, тот вешает его на шею.

Желаю всего лучшего, что у вас самих.

Письмо второе

«**Г**олубчики, братья! Не так давно я писал вам об освобождении моего тела из тюрь-

мы, и опять попал туда. Было дело так. Я приехал с хутора Скороходова вместе с сестрой Льва (о котором я писал вам).

Два письма Сережи Попова

Скороходов вместе с нами заехал к одной знакомой и там оставил лошадей. Я и сестра Льва пошли на базар купить лапти, но не нашли их там. Недалеко от базара встречают нас два околоточных с городовыми и говорят мне:

— Подойди сюда, кто ты такой, какой губернии?

Я говорю: «Все люди братья, весь мир дом Божий, губерний нет, это мираж, самообман».

Тогда молодой околоточный хватает меня за плечо и кричит: «Ты что мне порешь ерунду? Где твой паспорт?»

— Мне не надо паспорта, — говорю я.

Он начинает кричать, ругаться и велит идти с ним в участок. Сестра Льва вступается за меня и говорит:

— Зачем вы трогаете человека? Здесь его многие знают. Он приехал с хутора Скороходова; это толстовец, родом из Петербурга. Оставьте, вы не имеете права толкать его.

— Голубчик, — говорю я, — пойми, что мы братья, ведь я вижу в тебе не полицейского, а брата.

Меня повели в участок, а

сестра Льва пошла со мной. Приводят, выходит пристав и говорит:

— Ты откуда?

— Вот откуда, — и показываю направление, откуда меня привели.

— Ваш паспорт?

— Мне не надо паспорта. Паспорт — злое установление людей; для Бога не надо паспорта.

— Вероятно, революционер, — говорит пристав. — Покажите руки.

Смотрит на руки, рабочие ли они или нет. Потом говорит сестре Льва: — Откуда вы?

— Мы приехали с хутора Скороходова.

— А ваши паспорта?

— Мой паспорт остался на хуторе, я приехала посмотреть город и повидать здесь некоторых знакомых.

— Где вы остановились?

— Я не знаю фамилии, но так могу найти.

— Скороходов может удостоверить вашу личность?

— Может, мой паспорт у него на хуторе.

Тогда пристав велит околоточному идти вместе с сестрой

Льва туда, куда она приведет, и привести Скороходова для допроса. Меня же обступают городовые, обыскивают, отбирают лапти, ремешок от штанов, отпарывают ленту у шляпы. Потом ведут в участковую тюрьму и затворяют.

Немного погодя, приходит околоточный и городской. Околоточный подходит ко мне и говорит: «Какой губернии? Как зовут?»

— Все мы братья, все дети Божии, весь мир дом Божий, — говорю я.

Околоточный хватя меня по

уху и кричит: «Как звать, какой губернии?»

— Все дети Божии, все братья, весь мир дом Божий, — говорю я. Тогда он хватя меня по другому уху.

— Говори (и страшно ругается), говори, какой губернии, как зовут?

— Голубчик, за что ты бьешь меня, разве я тебя обидел?

— Когда спрашивают, отвечай! — кричит он. — Какой губернии?

— Весь мир дом Божий, — говорю я.

Тогда он сволок меня с нар и начал бить.

Бьет, бьет, потом начинает кричать: «Отвечай!» и страшно ругается и опять бьет.

Городовые говорят: «Довольно для первого раза».

— Нет, я выбью из него (?), он мне скажет, как зовут и какой губернии, — говорит околоточный.

Наконец, он устал и говорит: «Он сумасшедший, от него ничего не добьешься», оставляет меня и уходит.

Сестра Льва уходила с полицейскими, но Скороходова

Два письма Сережи Попова

не нашли и пришла обратно. Ее посадили рядом, в женское отделение. На другой день приходит Лев (он тоже был выпущен из тюрьмы). Он догадался, что сестра его арестована. Когда он пришел, у него спросили паспорт.

Он отвечал: «Паспортов для меня не существует, весь мир дом Божий, все люди братья, все дети Божии».

Его арестовали. Немного погодя, меня ведут к приставу. Обращение его ко мне совсем переменялось. Он говорить: «Пожалуйста, садитесь. Вы — интеллигентный человек. Сейчас будет готов самовар, пожалуйста, пейте чай».

Потом пристав спрашивает: «Скажите, пожалуйста, ну, где вы родились, в какой губернии, как вас зовут?»

Я говорю: «Ведь это совсем не нужно, зачем это? Поистине ничего этого не существует, поистине весь мир — дом Божий, все люди братья, все дети Божии. Каждый человек чувствует в себе два течения. Одно слепое, чувственное, животное, а другое зрячее, разумное, то, что каждый называет совестью.

Этот-то голос Божий, голос совести, говорит мне, что все люди братья, все дети Божьи, весь мир дом Божий».

— Но все-таки, — говорит пристав, — как же мне написать? Ведь мне надо. Я напишу, что вы не можете иметь никакого документа, но как же вас называют?

Я сказал: «Сергей Попов».

Тогда он написал: «Сергей Попов, следуя учению Христа, не может иметь никакого документа», и просил подписать. Я подписал.

Потом я говорю: «Вот молодой человек, околоточный, побил мое тело и хотел этим вынудить от меня, чтобы я сказал то, что поистине не существует. Но ведь он только выгнал из меня животный страх. Боли почти не было никакой, а страха стало меньше, и я стал свободнее. Ведь то, что воистину мое, того никто не может взять от меня. Никто не может взять от меня душу, волю, разум, а жить разумной волей — великое счастье. Освободиться от требований телесности, материальности, сделать из тела покорного слугу духа — это при-

ближение человека к духовной свободе. Полное же освобождение, смерть телесности есть духовная свобода. Поэтому я не хочу жить тем, что делает человека несвободным, я хочу избавиться от рабства, хочу воспитать в себе наибольшую кротость, смирение, любовь.

«Передо мной прежде стоял идеал вещественный, внешний. Для достижения его я находил много препятствий, а главное — видел эти препятствия вне себя, в особенности в других людях, и потому осуждал людей. Когда же стал познавать, я понял, что то, что вне меня, то от меня не зависит, что идеал должен быть не вещественный, внешний, а внутренний, духовный, и между ними огромная разница. Я понял, что идеал для меня в своей душе, в проявлении, воспитании в себе Божественных свойств, и что препятствия к достижению этого идеала во мне же. Я же, в каком положении бы ни был, должен идти к этому идеалу, устраняя, разрушая все препятствия, стоящие между мною — частью и цельностью — Богом».

Пристав говорит: «Хотите, я

составлю протокол, и около точного привлекут к ответственности».

— Зачем это? — говорю я. — Ведь Христос устанавливает закон прощения, любви. Привлекать к ответственности надо совесть его, а как это делать, Христос говорит: «Ударившему тебя по щеке, подставь другую». Надо тому, кто обидит, сделать как можно больше добра, чтобы устыдить его, наказать совесть, заставить страдать ее.

Потом позвали Льва. Пристав написал ему то же самое, и он подписал.

Потом нас повели к полицеймейстеру, также и сестру Льва и еще одного брата Костю (он работал у Скороходова и пришел вместе со Львом в участок). Полицеймейстера не было, и нас повели в участок, до следующего дня. На другой день нас приводят к полицеймейстеру. Сначала он дает проходное свидетельство сестре Льва, потом Косте. Меня же и Льва хотят отправить обратно в участок, так как мы говорим, что губерний и паспортов нет, это самообман, весь мир — дом

Два письма Сережи Попова

Божий. Сестра Льва стала просить полицеймейстера, чтобы он дал и Льву проходное свидетельство в Ясную Поляну. Он дал, и она взяла.

Меня же уводят в тот же участок, в котором я сидел в первое заключение. Здесь меня запирают в участковую тюрьму. Здесь 8 человек заключенных. Сначала относятся недоброжелательно, потом, когда я рассказал как все было, они стали относиться очень хорошо, дали мне одеяло, делились всем, что им приносили. Спрашивали, отчего я не ем мяса.

Я говорил: — Все живое хочет жить и боится страданий смерти, и я не в праве отнимать жизнь, ведь я не могу ее вернуть, что цель моя любить все живое; что так же, как я скажу, что все для меня, также можете сказать и вы, и птица, и рыбы, и червячок, что все для него. Все хочет жить.

На другой день в полдень приходит товарищ прокурора и спрашивает у каждого, за что кто сидит. Ему отвечают. Спрашивает и меня: «За что вы?»

Я говорю: — Помните, меня

уже приводили к вам во двор, еще я вам сказал, что все люди братья, весь мир — дом Божий, все дети Божии. Вы тогда велели отправить меня в тюрьму, Теперь также я шел по площади и встретился с околоточными. Они спросили: кто ты такой, какой губернии? Я сказал, что все люди братья, весь мир — дом Божий. Они взяли меня и посадили.

— Вы, кажется, на поруках? — сказал он.

— Да, — отвечал я.

— Сколько вы дней уже здесь?

— Три или четыре, — сказал я.

Тогда он ушел. Заключенные обступили меня и спрашивают, почему я не встал, когда вошел прокурор. Я говорил: — Ведь все же братья, все дети одного отца — Бога.

— Но за это могут наказать, куда-нибудь сослать, — говорят они.

— Ну, что же, везде люди братья, весь мир дом Божий, да и везде может случиться, что кто-нибудь побьет, ранит и даже умертвит. Но все это он может делать с телом, ведь оно не

мое, так каждый, кто захочет, может уничтожить его. А вот разумную волю никто не может взять; вот это-то и есть моя собственность, также мысль. Кто может взять ее от меня? А ведь все начинается в мыслях. Прежде чем я говорю и делаю, я мыслю. Значит, дела мои — это мои мысли. Я — это мое мышление. Это тоже моя собственность. Никто не может меня заставить мыслить и делать так, как хочет он. Например, берут молодого парня, приводят его в город и заставляют присягать и учиться убивать, делаться солдатом. Если только парень поймет, что присяга есть зло, что, предостерегая от этого зла, Христос прямо и ясно сказал: «никогда никому ни в чем не клянитесь вовсе»; если только он это поймет, то откажется от присяги и не будет служить солдатом. Никто не может взять его истинной собственности — разумной воли.

— Да это так, но что можно сделать одному? — говорят они.

— Голубчики, очень много можно сделать, и не только

много, но все можно сделать. Кто же, как не я, могу познать самого себя. Кто, как не я, знаю свои мысли. Ваших мыслей, что вы думаете, я не знаю. Свои же мысли я знаю, это мое, это я сам. Все же, что вне меня, то не я и не зависит от меня. Тело могут замучить, умертвить, но душу никогда. Она бессмертна. Поэтому каждый человек может сделать самого себя лучше. Только надо отставать от внешности. Надо стараться видеть в каждом человеке брата, сына общего Отца, проникать до души, несмотря на телесную оболочку. Целью, путеводной звездой, должно быть не вещественное, внешнее, а внутреннее, духовное. Для достижения духовного идеала сам человек своей внешностью служит препятствием, и потому никого не надо обвинять, а только себя.

На другой день утром зовут меня к приставу. Вхожу, там сидит пристав, три околоточных и сборщик податей. Один из околоточных (тот самый, который угрожал мне револьвером перед первым заключением) говорит: «А, Сережа,

Два письма Сережи Попова

опять к нам пришел, не хочешь ли покурить?» и подает мне папиросу.

— Нет, не надо, — говорю я, — в табаке яд никотин, от него страшный вред, как для себя, так и для других, особенный же соблазн для детей».

Тут в разговор вступает сборщик податей, который начинает порицать Л. Толстого за то, что он только проповедует, а сам «ничего не делает». Сережа защищает Толстого и, в свою очередь, обвиняет науку и искусство,

— Да, милые, — говорит он — посмотрите, что люди растят, о чем хлопчут; все, что люди называют наукой, техникой, искусством, все это процветает, только один чудный росток любви забыт. Забыто то, что должно было бы быть основой всего, азбукой жизни. Забыто семя Христа, и называют его именем ненужные, сорные семена.

— Но ведь нужна же наука, нужно же образование, — говорит сборщик податей.

— Первая наука для детей

— это жизнь их родителей. Значит, надо делать самих себя лучше. Дети и будут учиться доброй хорошей жизни. Наука — это меньше жить разумно.

— Но, вот, вы без образования не могли бы идти так, как теперь идете, — говорит он.

— Нет, в гимназии я получил образование всех дурных, порочных наклонностей. Если бы я не бросил ее и пошел дальше путем этого образования, то я бы погиб или стал бы нравственным калекой, уродом. Важно не количество, а качество знаний. Если образование не делает из ребенка (маленького животного) человека, не делает его добрым, то это не истинное образование. Все, что выдается за образование, все это, как сорная трава, заглушает то, что воистину нужно: разумную, добрую жизнь. Все, что называют наукой, искусством, все это, как основанное не на камне, не на разумной жизни, не имеет твердого основания и потому не устоит, не имеет религиозной основы. Какковы люди и общество, такова и наука, жизнь, таков и цвет общества — искусство. Все де-

ло в том, каковы люди сами. Прогресс научный, художественный огромен, но он подобен огромной башне, из-под которой вынута основа. Вот-вот и она упадет и разобьется вдребезги. А прогресса нравственного религиозного очень мало, а ведь только религия дает смысл жизни; дело же науки суметь приложить этот смысл к жизни, суметь устроить жизнь разумно. Глядя трезво на жизнь, нельзя и пользоваться всем тем, что дает наука и искусство, так как без руководства нравственного пользование всем этим приведет к пропасти. Так постепенно, твердо очищаясь нравственно, человек может сделать свою жизнь лучше и быть наукой для своих детей и вообще для всех людей.

— Ну, а как же, вот у вас будут дети, ведь нужно же и их выучить?

— Ну, что же, я сам им наука. Значит, я сам должен сделать себя как можно лучше, а никак не отдавать детей в руки палачей нравственности. Учить детей надо, имея примером хорошего, идеального че-

ловека, а не приспосабливаться ко вкусам пустого общества. Для меня такой чудный хороший человек был Христос, и потому, я думаю, что родителям, желающим образовать из своих детей человека, надо жить жизнью Христа и взять за основу воспитания заповеди Христа. Я сам думаю провести жизнь целомудренно, так как семейная жизнь служит препятствием, соблазном для жизни в Боге. Брак — это грех против целомудрия; а распутство — грех против брака. Конечно, если только я не в состоянии буду жить целомудренно, то один выход — это брак, т. е. взаимное согласие двух людей различных полов иметь детей только друг от друга. Если же человек, живя нецеломудренно, не вступает в брак, то такой человек — несчастный урод.

— Но мне кажется, — говорит сборщик податей, — каждый человек непременно должен жениться; иначе, если все мы будем жить целомудренно, то род человеческий прекратится.

— Голубчик, зачем вы заботитесь о роде человеческом,

Два письма Сережи Попова

позаботьтесь о себе; ведь вы только себя самого можете знать. Зачем заботиться о том, что вне вас, оставьте это на волю Божию. Попробуйте жить целомудренно, не заботьтесь о других, а заботьтесь о том, чтобы в вас, как в частице рода человеческого, было как можно больше любви, кротости, смирения и тогда вы узнаете, что брак это есть похотливое, затемняющее истину, порабощающее дело. Сейчас же вместе с браком всплывают различные семейные интересы, встающие и заслоняющие Божеское. Появляется животная семейная любовь, стоящая выше любви человеческой, братской, Божеской. Поскольку человек отдается Богу, постольку узы семейные отпадают от него, для него тогда все люди братья, все дети одного Отца, весь мир дом Божий.

— Тогда, если вы хотите жить целомудренно, то лучше всего поступить, как скопцы; иначе очень трудно прожить.

— Нет, брат, поступать, как скопцы, это значить уродовать свое тело, значит идти против воли Бога. Отец мой не плоть, а

дух, но я создан духом во плоти, говорил Христос, когда на него находило искушение избавиться от плоти. Да если человек и поступит, как скопцы, то он все-таки не избавится от дурных похотливых мыслей. Не нужно уродовать своего тела, но надо отгонять от себя все порочные похотливые мысли и жить добрыми хорошими мыслями.

Поговорили мы так, и меня отвели в камеру.

На другой день рано утром камеру открыли. Начали там все чистить и ждали весь день прокурора. Заключение сказали, чтобы называть прокурора «ваше превосходительство». Но он не приехал. С этого дня камера была постоянно открыта, там передельывали печки.

Я сошелся с одним городовым. Он мне принес книгу профессора Тихомирова о бессмертии души и Евангелие. Мы сели на бревнушке на дворе, и я стал читать нагорную проповедь. Городовые и заключенные обступили нас и слушали. Я прочел первую заповедь Христа — «не сердись», — вторую — «не блуди», — тре-

тью — «не клянись вовсе», — четвертую — «не противься злему» и пятую — «любите врагов ваших», и объяснил.

Они поняли и были очень взволнованы.

— Вот видите, какое было бы счастье построить жизнь на этих заповедях.

— Да, только трудно, теперь не то время, — говорят они.

— Голубчики, чем же трудно? Ведь это только так кажется, потому что люди сжились с соблазнами, но стоит только отрезвиться, вспомнить, кто мы и какое наше назначение и начать жить по заповедям Христа, неся по доброй воле его крест, тогда увидите что бремя его не тяжело, но радостно и легко.

— Кто знает, как, — говорят они. — Вот, Сережа, поступай к нам в городовые, теперь как раз нужно одного, ты бы мог много нам помочь.

— Нет, спасибо, зачем же мне поступать? Нужно иметь в душе крест. Кто чувствует пустоту духовную, тому нужно что-нибудь внешнее. У кого креста нет в душе, тот вешает его на шею. Спасибо, братья.

Надо братьями быть, а не городовыми.

Так постепенно потекла моя жизнь в тюрьме. Иногда мы пилили дрова на дворе. Отношение очень хорошее. Заключение очень хорошее. Заключение делятся всем, что им приносят. По вечерам городовые зовут меня в казарму, угощают чаем. Старший из городовых говорит:

— Вот, Сережа, страшное зло у нас: почти все городовые пьют водку, прямо не знаю, что делать.

— Одно, что вы можете делать, — это не участвовать с ними, не пить самому и всячески разъяснять им об ужасном вреде водки. Ведь все это является вследствие душевного беспорядка. Привести в порядок свою душу, жить по-Божьи — и тогда не понадобится ни служить городовым, ни пить водку.

Так изо дня в день проходила моя жизнь. Иногда приходил сборщик податей и все обвинял Льва Николаевича, мне же говорил:

— Трудно тебе, Сережа, будет жить так, как ты хочешь, ничего у тебя из этого не вый-

Два письма Сережи Попова

дет, да и радости никакой... Зачем ты изнуряешь себя? Мяса не ешь. Зачем ты тоже идешь против воли Божией? Раз ты создан телесно, то не надо и изнурять себя.

— Голубчик, не заботься о моем теле, я нисколько не изнуряю его. Я только не хочу быть рабом своих потребностей, хочу освободиться от лишних желаний. *Ничего не желать — это счастье**, и потому приближаться к этому есть большая радость.

— Брось всю эту дурь, — говорит пристав, — живи, как все живут, и ты будешь хорошим товарищем.

— Нет, я хочу идти за Христом, — говорил я.

Как-то незадолго до освобождения пристав сказал мне:

— Сережа, полицеймейстер сказал, что на-днях выпустит тебя.

В участке был еще очень хороший молодой человек, готовящийся в околоточные. Он мне все говорил:

— Поезжай, Сережа, к маме. Зачем доставляешь ей столько

страданий?

Накануне освобождения пришел Скороходов и принес мне письмо от мамы. Он сказал, что от прокурора есть предписание выпустить меня, но что многие недовольны, что я наделал очень много хлопот.

Утром в день освобождения зовут меня к приставу и спрашивают:

— Ну, скажите, какой вы губернии, где ваша мамаша, чей вы сын, кто был ваш отец?

— Зачем все это? — говорю я. — Это мираж, самообман. Истина говорит, что все люди братья, весь мир дом Божий, все дети Божии.

— Как же, так, — говорят околоточный и пристав, — нужно же нам написать, полицеймейстер требует. Иначе могут думать, что ты скрывающийся преступник, и могут сослать куда-нибудь.

— То, что мое, того никто не может взять от меня и никто не имеет власти надо мной... Для христианина нет ни правительств, ни судов, ни полиции, ни границ, ни паспортов. Христианство и государство с его механизмом не совместимы.

* Курсив наш. — А. Л.

— Ты говоришь, не надо судов, полиции, — говорит пристав, — но кто же будет наказывать преступников?

— Голубчики, наказание есть понятие, из которого начинает вырастать человечество. Что такое преступник? Что он преступил? Еще больший преступник тот, кто нарушит закон любви, прощения, кто наказывает своего брата. Ведь по закону Христа надо не наказывать, а прощать. *Противиться злу надо не злом, а добром, прощением.* Злом нельзя пресечь зла. Все порождает себе подобное. Зло порождает зло. Только добро может уничтожить зло. Например, людей, развращенных праздностью и дурным сообществом, сажают в самую полную праздность и в самое дурное сообщество, в тюрьму. Разве это исправляет?

— Да это так, — говорит пристав, — но представьте себе, вас человек начинает бить. Ну, что же, ему прощать?

— Конечно, *весь закон Христа в этом.* Ударившему тебя по одной щеке, подставь другую. Если кто вас ударит, то вы простите ему. Может быть, он

и еще раз ударит, но вы все-таки простите. Только таким образом и можно уничтожить зло. Иначе что же выйдет? Если он вас хватит по уху, сделает зло, вы ему ответите тем же, зло возгорится, как от искры пожар, дело дойдет до убийства и погубит вас обоих.

— Не знаю, зачем его держать? — говорят они.

— Голубчик, кто же держит, ведь вы же держите, вы да городовые.

— Это дело не наше, полицеймейстер приказал нам держать!

— Голубчики, ведь у полицеймейстера только две руки, два глаза, он сам по себе. Как же он может держать меня? Нет, вы держите. Откуда у полицеймейстера столько рук, глаз; все это ваши глаза, ваши руки. А главное, если вы своей совестью сознаете, что не за что меня держать, то зачем же вы делаете противное своей совести, зачем вы отдаете настоящую свою собственность, свой разум, совесть? Ведь это Божье, этого нельзя отдавать.

Все они очень взволнованы.

Два письма Сережи Попова

Пристав вздыхает и говорит: «Ну, иди, ходи по двору».

В это время мне приносит милый старичок Степан Степанович обедать. Я обедаю.

Только что кончил обедать, зовут опять к приставу. Вхожу, вижу пристав стоит у телефона и разговаривает с полицеймейстером.

Пристав мне говорит: «Вот тебя решают выслать в Иркутскую губернию».

— Ну, что же, — говорю я, — везде люди братья, весь мир дом Божий.

Пристав говорит по телефону: «он говорит, что ему все равно, везде люди братья». Некоторое время молчание. Потом полицеймейстер говорит что-то приставу, а он говорит мне: «Куда ты хочешь, чтобы тебя отправили?»

— Мне все равно, — говорю я.

— К мамаше хочешь?

— Хорошо, — говорю я.

Пристав говорит полицеймейстеру: «Он соглашается». Опять молчание. Потом полицеймейстер что-то говорит приставу, а он мне говорит: «Если ты выйдешь из Майкопа,

то полицеймейстер выпустит тебя».

— Хорошо, я пойду в станцию, — говорю я.

Пристав полицеймейстеру: «Он соглашается».

Полицеймейстер что-то отвечает, и пристав говорит мне: «Ну, иди, собирай вещи».

Я иду в камеру. Рассказываю обо всем, отдаю книги городovým и прощаюсь. Заключение и городовые сердечно желают всего хорошего. Я иду, меня подзывает пристав и говорит:

— Сережа, вот возьми на хлеб, — и дает серебряную монету.

— Нет, спасибо, — говорю я, — меня здесь кормили и сейчас я только что пообедал: не надо. До свидания, — и ухожу.

В Майкопе нахожу Скороходова и с ним еду на другой день на хутор и здесь работаю. У них пахота теперь, ломка кукурузы. Сегодня, 29 сентября, пришел в Майкоп и пишу вам письмо.

Да, голубчики, все это я предвидел еще, когда бросил гимназию. Знал, что всего надо ожидать и быть готовым на все и ко всему установить самые

лучшие братские отношения. Все это для меня наука и рост. Я понял, что никуда не надо ездить, от себя не уйдешь, *ничего не надо искать вне себя*. Надо очищать самого себя и свою совесть и тогда, если свет будет во мне, то он будет светить. Да, только в Боге надо искать всякой опоры, а он в каждом человеке. Значит, жить общим Богом, любовью — это

и есть совместная работа. Ищите прежде всего царствия Божия и правды его, говорил Христос. Царствие Божие внутри вас есть. Будем же жить правдой Божией, чтобы не только Бог был в нас, но и мы пребывали бы в Боге. Желаю всего лучшего, что в вас самих».

Сергей Попов.

Пругавин А. С. «Неприемлющие мира». М., «Задруга», 1918.

Сергей Михайлович Попов (1887-1932) родился в Петербурге в интеллигентной семье. Его дядя был товарищем председателя окружного суда, а брат — инженером. В юности ему в руки попала книга Л. Н. Толстого «В чем моя вера?» и полностью изменила его жизнь. Он вышел из 7-го класса гимназии, чтобы вести жизнь Божьего странника. Сергей поработал в толстовских коммунах и у простых крестьян и вполне привык к сельско-хозяйственным работам. Всюду искал он случая помочь людям, считая главным не внешние принципы поведения, а то, *чтобы во всяком положении быть добрым*. И не только к людям: Сергей не ел ни мяса, ни рыбы, ни молока, не употреблял обуви из кожи, не пахал на лошади. Он исходил почти всю Россию, не признавая документов и отказываясь от денег.

В 1914 году С. М. Попов составил антивоенное воззвание — о чем наш Альманах планирует более подробно рассказать позднее.

В. А.

Сергей Булыгин

Мысли об отношении к правительству

I

Между существованием власти с одной стороны и безнравственностью и материализмом народа с другой существует самая тесная внутренняя связь. Первое есть всегда невольное следствие второго. Сила власти и прочность ее существования в общем всегда прямо пропорциональны безверию, материализму и испорченности народа. И потому все попытки освободить народ вообще от всякой власти, не улучшая его внутреннего, нравственного состояния, тщетны и в лучшем случае приводят лишь к замене одного, старого правительства другим, новым.

Связь между существованием власти и материализмом и испорченностью народа так органически тесна, что внешнее искусственное освобождение

народа от власти без соответственного духовного пробуждения его может быть даже вредно, подобно тому, как вредно сдергивать струп с раны, когда она еще не поджила изнутри.

Рана на теле народа — это испорченность народа, это его безверие и материализм и вытекающая отсюда безнравственность.

Струп на ране — это правительство.

Нехорошо, если на теле есть струп, и хорошо, если человек здоров, но совершенно бесполезно, даже вредно просто сдергивать струп, не дожидаясь, когда он, благодаря заживлению раны, свалится сам. Сдергивая струп, не освободишься от него, а только разбередишь рану и, в конце концов, только создашь новый, еще худший, струп. И так как струп на ране есть ее естественное следствие, то по-

нятно, что при правильном образе действий должно не срывать струп, а лечить рану, т. е. устранить причину, дабы устранить и следствие этой причины.

И струп сам собой начнет уменьшаться и исчезать постольку, поскольку будет происходить заживление раны.

Точно также и правительство, как естественное следствие испорченности народа, будет терять свою силу постольку, поскольку народ будет вступать на путь веры и любви.

Там, где это обращение на путь Божий совершится вполне, правительство должно исчезнуть так же неизбежно и безболезненно, как неизбежно и безболезненно сваливается струп с зажившей раны.

II

Хотя здоровье и полная свобода от струпа и самое лучшее для человека, но в том состоянии болезни, пока струп еще держится, он естественен и выражает собою ту форму болезни (зла), которая существует в данный момент.

Точно также появление пра-

вительства в начальной его стадии есть тот струп, который покрывает собою язву общества — его безверие и безнравственность. И вместе с тем оно является той формой, в которую *при данных условиях неизбежно* складывается проявление существующего в среде самого народа зла.

В самом деле, освободившись от правительства внешним насильственным путем, народ, не выросший до того внутренне, духовно, неизбежно попадет на тот путь страданий и бесчинства низшей анархии, где главные страдания и насилия в его жизни будут твориться уже не со стороны правительства, а в среде самого народа. И тогда, не зная, или вернее, не вмещаая в себя, по своей материальности, внутреннего христианского пути борьбы со злом, народ всегда будет вновь и вновь создавать себе правительство, как организацию, выражающую его, хотя внешний и насильственный, но соответствующий ему в его не духовном состоянии мирской способ борьбы со злом.

Опыт России подтверждает это: когда при отсутствии вся-

кой власти, во время октябрьского переворота, начались в России ужасные бесчинства, грабежи и разбои, народ сам повсеместно завопил о необходимости создания твердой власти для прекращения этой анархии.

В этом и подобных случаях образование власти, правительства представляет из себя попытку народа парализовать существующее в его среде зло путем настолько внешним и насильственным, насколько материален и недуховен сам народ.

В силу этого, освобождать народ от правительства внешним, искусственным путем, не раскрывая ему нового христианского пути освобождения от зла, как это часто хотят анархисты, значит не облегчать, а затруднять народу путь жизни, только отвлекая его от истинно освобождающего христианского пути, заставляя в конце концов после свержения старого правительства со многими жертвами и страданиями вновь создавать себе „новое“, якобы лучшее, всегда кончающее тем же, чем и предшествующее.

И потому истинно мудрый борется не с правительством, а с причинами, порождающими в народе потребность в правительстве. Искореняя эти причины, он уничтожает зависимость народа от правительства, и тем парализует силу и существование самого правительства, ибо оно всегда держится не само собою, но той поддержкой, которую в той или иной форме оказывает ему сам народ.

III

Мир, хотя и не живет истинной, но как бы тоже пытается бороться со злом, и правительство, — при зарождении его, — это та узда, которую толпа, идущая мирским путем, старается наложить на разнузданный эгоизм низшей анархии.

Но это не истинное излечение. Это лишь наружный пластырь, только скрывающий внутреннюю болезнь.

К истинному, полному излечению ведет лишь Христов путь, путь духовно-нравственного возрождения. Пробуждаясь духовно, народ невольно и безболезненно осво-

бодится, как от зла, так и от власти.

Те же, кто, не пробуждая народ духовно, лишь наружно стремятся освободить его от правительства, нисколько не подвигают народ по пути коренного освобождения от зла, а только заставляют его приносить новые и новые жертвы, ибо зло это, оставаясь в среде самого народа, как его безверие, материализм и безнравственность, снова и снова будет побуждать народ, незнающий пути христианского освобождения от него, создавать себе новое, мнимо „лучшее" правительство, как внешний присущий духовно непробужденному миру способ борьбы со злом.

Когда струп сдернут — рана болит хуже. Нужно не сдергивать струп, а лечить рану. — Когда правительство не изжито, а преждевременно свергнуто насилием, жизнь для мира становится еще труднее, хаос еще больше и только для христианина, отрицающего защиту сво-

ей жизни насилием, отсутствие правительства не затрудняет жизни. Внутреннее излечение открывает путь к верному и безболезненному освобождению общества, как от самой язвы — развращенности и безверия, так и от ее струпа — правительства. Поэтому мудрый, отрицая правительство, не борется с ним. Он только лечит рану народа, зная, что струп с нее в свое время свалится сам.

Не бороться с правительством мирным или не мирным путем нужно учить народ, как это делают революционеры различного рода, а помогать народу жить для Бога, и ради Него и правды Его отказываться от всякого участия во зле, где бы оно ни проявлялось: в деяниях ли правительства или просто в действиях частных лиц. А правительство, как объект борьбы, не должно даже и существовать для христианина. Для него должны остаться только люди, с их божескими или не божескими, греховными делами.

«Истинная Свобода», № 2, Май 1920.

Сергей Михайлович Булыгин — толстовец во втором поколении.

Занимался сельским трудом. Во время Первой мировой войны распространял антивоенные воззвания. В марте 1921 был членом Совета I Всероссийского съезда сектантских сельскохозяйственных и производительных объединений, разрабатывал проекты резолюций съезда. Во второй половине 1920-х стал активным участником Московского Вегетарианского общества.

Полезно будет сравнить мысли С. М. Булыгина с мыслями американского общественного деятеля У. Л. Гаррисона (1805-1879), высоко ценимого Л. Н. Толстым:

«Человек глубоко религиозный, он подходил ко всем явлениям жизни с меркой представлений раннего христианства... Уже в 1830 году его нравственное чувство подсказывало ему руководствоваться не законами и уложениями, а критериями этики, исходя из принципа: «То, что несправедливо, не является законом»... Гаррисон не пожалел труда, чтобы до конца разъяснить суть этого учения... он... настаивает на том, что греховно всякое насилие, независимо от того, совершается ли оно в частном или в государственном порядке, а затем утверждает следующее:

«До тех пор пока люди не пожелают взять на себя крест Спасителя и не предпочтут нести крестные муки мира сего, государства, созданные человеком, будут по-прежнему влачить свое существование, отмеченное насилием. Но в царстве Иисуса Христа, возлюбленного сына Божьего, править будут единственно любовь и добродетель. В этом царстве нет мечей, ибо их перекуют на орала; нет копий, ибо их переделают на серпы; нет военной академии, ибо праведникам незачем учиться воевать, нет виселицы, ибо жизнь неприкосновенна; нет оков, ибо все свободны. И это царство неизбежно наступит на земле, ибо предсказано, что грядет час, когда царства мира сего станут царствами Господа нашего и сына его Христа».

Исходя из подобных предпосылок, Гаррисон приходит к выводу,

что государство — это не что иное, как крест, который по воле Господа должны нести люди в наказание за свои грехи. Как только люди по своей доброй воле очистятся от грехов, государство прекратит свое существование.

«Созданные людьми государства „возникли как результат невыполнения людьми божественных установлений. Они лучше, чем анархия, как, например, град лучше, чем землетрясение, а оспа лучше, чем азиатская холера“. Из умолчания Библии относительно предпочтительной формы государственного правления явствует вовсе не то, что любая форма правления может считаться богоданной, „а то, что царство, установленное Христом на земле, в конце концов поглотит либо искоренит все прочие царства"... „Что такое государственный строй, как не точная копия морального облика народа?“»

Прозаическая теория государства утратила в его глазах всякое значение... Гаррисон умышленно отказался от права голоса. Со страниц «Либерейтора» он проповедовал «нелояльность» и призывал аболиционистов отделиться от аморального государства, потворствующего греху рабовладения... Закон совести пришел в столкновение с государственным законом, и Гаррисон остался послушным голосу совести. Он не считал обязательными для себя решения, принятые большинством голосов. Гаррисон пришел к выводу, что государственная власть является порождением всех зол: ведь за ее мишурной, показной стороной он видел прожженных политиканов, профессией которых было одурачивать простаков, затемнять моральные проблемы с помощью выдумок и созданных ими культов, взывая, например, к патриотизму и ссылаясь на конституцию, и подрывать авторитет закона Божия».

В. Л. Паррингтон. Основные течения американской мысли, т. II, М., 1962. Стр. 416-418. Пер. с англ. В. Воронина и В. Тархова.

Пять лет без А. В. Лобачёва

Пять лет назад на сайте единомышленников Л. Н. Толстого «Зеленая Палочка» (zpalochka.narod.ru) появился некролог его основателя, составленный сестрой покойного, Н. В. Эмельдеи.

С глубоким прискорбием сообщаем о внезапной кончине
основателя этого сайта

ЛОБАЧЁВА АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА.

24 июля 1953 – 13 марта 2011

Лобачёв Александр Васильевич родился во Львове. Мать — учитель истории, отец — экономист. В детстве был любознательным, живым ребёнком. Много читал, увлекался теннисом, хорошо катался на лыжах и коньках. Школу закончил с похвальной грамотой по математике, самостоятельно, без связей и репетиторов, поступил на самый тяжёлый факультет во Львовском Национальном Университете им. И. Франка — механико-математический. Блестяще занимался, считался лучшим студентом.

Рано начал задумываться о жизни, о мире, искать своё место в нём. На первом курсе познакомился с движением хиппи, пробовал подражать им. Затем разочаровался и стал посещать политический кружок в Политехническом Институ-

Пять лет без А. В. Лобачева

те. Вскоре всех членов кружка арестовали, Александра Васильевича исключили из института и отправили в армию. Там он знакомится с учением Толстого, через него приходит к Богу и отказывается служить в армии. Его объявляют сумасшедшим и отправляют в больницу.

После больницы работает кочегаром, усиленно занимается самообразованием, готовит себя к подвижнической деятельности. Ведёт переписку и встречается с учениками Толстого по всему миру, изучает историю толстовского движения, знакомится с выдающимися толстовцами, которые передают ему на хранение свои архивные материалы. Пишет статьи общественно-политического, просветительского и религиозного характера. Организовал сайт «Единомышленники Толстого», поддерживал переписку с толстовцами четырёх поколений. Всю свою личную жизнь посвятил беспризорным детям. Скончался от острой сердечной недостаточности.

Его судьба, отношение к людям и образ жизни — воплощение учения Толстого в жизнь.

Кто он? Мальчик несмышлёный?

Разум! — Дай ответ.

Что за дитяtko такое?

— Льёт из сердца свет.

**НЕКОТОРЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ЭТОГО ЯРКОГО,
КРАСИВОГО И ДОБРОГО ЧЕЛОВЕКА.**

МЫСЛИ О СМЕРТИ.

Хорошо играть со смертью.
Божья воля в этом есть.
Отдаюсь я Ей с охотой,
Побеждая ложь и лесть.

Отступают страх и муки.
Прочь мирское, отходи.
Хорошо играть со смертью.
Когда вечность впереди.

ANTISILENTIUM.

Если ты хочешь вещать — не молчи,
Душу свою не томи.
Значит, так надо: садись и пиши.
Если есть с кем — говори.

И, если знаешь Его, то поймёшь,
Что это всё неспроста.
И почему заговоришь,
Словно вас два ручейка.

А Он ... — это чудный любви Океан.
Мы же — с Ним слиться спешим.
А потому — не молчи: ты не крап.
Мы любим — когда журчим.

ИЗ ТЬМЫ К СВЕТУ.

Как не рвись, не лечись и не корчись,
Как машину сильней не включай
Ты у Бога большую таблетку попросишь
Зная наперёд, что Он не любит слова: "Дай".

И ещё сильней взрвёт машина.
Чей-то голос сладко пропоёт.
Может, про проклятого вампира?
Про того, кто днями кровь сосёт?

Ночью же — стараешься забыться.
Иногда ты летаешь во сне.
Но и там мешают чьи-то иглы,
Когда хочешь пройтись по луне.

А зову я у костра любви погреться,
Ледяное сердце разогреть.
Ещё мгновение... Раз... и вспыхнет сердце!!!
Что, казалось, раньше может только тлеть.
Что такое? Вдруг всё изменилось!

Смотришь! — Ничего не узнаёшь.
То, что раньше пилось и любилось — бросишь.
Всё!!! И к всеобщей любви воззовёшь!

БУДДИЙСКИЕ МОТИВЫ.

Ты ветку даром не руби — страдание придёт.
И зверя, птицу не губи — страдание придёт.
Злым словом душу не черни — страдание...
Любовь к живому береги — страдание уйдёт!

ВОПРОСЫ.

Как люди сбиваются в стаю?
Как вороной белой бываю?
Как во сне иногда летаю?
Не понимаю, не понимаю.

Как без Бога погибают?
Как в любви к Тебе сгорают?
Как бессмертие обретают?
Понимаю, хотя и не знаю.

МИР.

Посмотри! Он приходит в могуществе:
Сила, которая не есть сила;
Свет, который в темноте;
Тень в ослепляющем свете.

Это — радость никогда невысказанная,
И скорбь непрочувствованная, глубокая.
Бессмертная жизнь не прожитая,
Вечная смерть неоплаканная.

Это ни радость, ни печаль,
Но то, что между ними.
Это ни ночь, ни утро,
Но то, что объединяет их.

Это — приятный отдых в музыке,
И пауза в священном искусстве.
Тишина между разговором,
И время между двумя порывами страсти.

Это спокойствие сердца.
Это красота, никогда не виданная.
И любовь, которая стоит одиноко.
Это песня, которая живёт не спетая.

Знание, никогда не познанное.
Это смерть между двумя жизнями.
И затишье между двумя бурями.
Пустота, из которой возникло творение.

И то, куда оно возвращается.
К нему катится капля слезы,
Чтобы распространить форму улыбки.
Это — Цель Жизни,
И Мир — Её единый дом.

ЧАША.

Это твоя чаша.

Чаша, предназначенная тебе изначально.

Это твой путь — болезненный путь, мрачный

Но ты, моё дитя, должен путешествовать тут.

Это твоя задача.

В ней нет ни радости, ни милосердия,

Но она не предназначена для другого.

В Моей Вселенной всем назначено место.

Прими его. Я не обязываю тебя понять.

Я обязываю тебя закрыть свои глаза,

Чтобы увидеть Мой лик.

Павел Ефремов
(Россия)

Сопротивление злу ненасилием

Как бороться с российской агрессией на оккупированных территориях?

В это время неприкрытой агрессии Российской Империи я часто думаю, как бы я вёл себя в ситуации, когда на нашу землю пришли бы оккупанты. Думаю, ничего существенно бы не изменилось: вопрос не в том, при каком правительстве жить, а в том, чтобы быть свободным и жить согласно тому закону, который осознаёшь внутри себя. Если бы люди в Крыму или теперь на Донбассе сказали бы себе чётко и ясно, что жить по законам Путина они не будут и были готовы снести за это соответствующие наказания — это было бы победой, которая не только бы свела на нет оккупа-

цию, но и пробила в гнилой стене Империи ту брешь, с которой бы началось её уничтожение.

В голову мне приходят два примера. Первый — это пример Сократа, который, не занимаясь политикой, жил по своему закону и, когда правительство Тридцати Тиранов, захватившее власть в Афинах, приказало ему и ещё четверым доставить приговорённого ими к казни невиновного человека, те четверо отправились выполнять приказ, а он отправился домой, зная прекрасно, что его могли за это покарать смертью. Только скорое свержение их режима спасло ему тогда жизнь.

Другой пример — это пример Ганди, который после того, как в Южной Африке были

приняты расистские законы и многие индийцы до глубины души оскорблённые тем, что их приравнивали к подозреваемым в преступлениях, были готовы братья за оружия, как сейчас готовы братья за оружие люди в Украине для борьбы с агрессией, высказал простую мысль, которая в конечном итоге привела к тому, что индийцы отстаивали своё достоинство. Вот что он говорил: «Мы не будем обращаться к мировому общественному мнению — индийцы сами способны постоять за себя. Пусть каждый, кто клянётся не подчиняться позорному закону, решит для себя, хватит ли у него твёрдости, несмотря ни на какие гонения и даже смерть, сдержать эту клятву. Борьба будет продолжаться долго, возможно, годы, но я смело и с полной уверенностью заявляю, что если даже небольшая часть людей сохранит верность своему слову, наша борьба может завершиться только одним — победой».

И они победили. Именно этот внешне слабый и низкорослый человек со своей ненасильственной борьбой, назван-

ной "сатьяграха" — твёрдость в следовании Истине — привёл к краху Британскую Империю, самое большое в мировой истории государство, жестокость которого в те годы не шла ни в какое сравнение с той жестокостью, которую сегодня может проявить Российская Империя.

Нужно понять следующее:

1. Насильственное сопротивление помимо того, что оно есть нарушением закона любви к братьям — пусть и глубоко заблудшим — является совершенно неприемлемым, поскольку бороться вооружённым путём с российским военным бульдозером бесперспективно.

2. Признавая насильственную борьбу люди тем самым либо считают, что их самих можно подчинить насилем, либо хотят подчинить других — ведь если все откажутся подчиняться, тогда не будет и власти над ними.

3. Занятие какой-то территории вовсе не является поводом для того, чтобы подчиняться тем законам, которые установили вооружённые люди, её занявшие.

4. Отказ от насильственной

борьбы не является капитуляцией. Самым действенным способом является непризнание себя подвластным тем законам, которые устанавливают оккупанты: отказ от службы в армии агрессора, отказ от уплаты налогов в его казну, отказ от регистрации в его органах, от принятия гражданства в какой угодно форме, отказ отдавать детей в школы и университеты, которые все подчинены целям агрессора.

Те, кто захватили власть в Крыму, те, кто сейчас пытаются захватить власть на Донбассе рассчитывают именно на то, что

совершив военный переворот они подчинят людей. Но подчинить они могут только тех, кто и были рабами, т. е. подчинялись всему тому, что им указывали вооружённые люди, называющие себя правительством и милицией. Они думают, что если они возьмут автоматы, то встанут на их место. Но они не знают, что свободного человека подчинить невозможно!

НЕТ ОККУПАЦИИ!

НЕТ ВОЙНЕ!

НЕТ ВЛАСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВ!

15 апреля 2014

Текст: <http://pacificum.livejournal.com/57253.html>

Илья Овчаренко

Что было самым важным для Льва Толстого?

Я считаю, что Л. Толстой центральной проблемой ставил поиск смысла жизни человека, истинного блага, знание точных и вечных мерил добра и зла. Поиск ответов на эти вопросы был жизненно необходим, так как бессмысленность жизни довела его до отчаяния и желания самоубийства; этим вопросам он посвятил остаток своей жизни.

От решения этих вопросов напрямую зависело и понимание того, что есть подлинное искусство и каков главный предмет науки. Если же ответов не существует, то всё обесценивается и становится безразличным.

Так же искренне и со всей силой на протяжении последних 30 лет своей жизни он доискивался до глубинных источников зла в человеке и обществе: причин войн, рабства, социальной

несправедливости...

Л. Толстой понимал, какой титанический труд ему предстоял, но он шел по этому пути не один. Он обращается ко всему духовному наследию человечества, от древних времён, выводя общие основы и вечные истины. Он делает капитальное обобщение духовного опыта, разума и сердца человека, и пытается подать всё максимально доступно для своих современников, избегая туманностей и неоправданной сложности. Эта простота и ясность, которая достигается невероятным напряжением мысли. Он отшлифовывает это понимание, насколько хватает его таланта мыслителя, художника и психолога.

Кто такой человек? Какова его роль в этом мире? Есть ли вообще какая-либо мораль и смысл в этой жизни? — снова и

И. Овчаренко — Что было самым важным для Льва Толстого?

снова отвечает Л. Толстой, всё полнее и глубже, с различных ракурсов. И даже на смертном одре он дополнял и прояснял свой взгляд на эти вопросы, и на вопросы понимания мира и души человека.

Л. Толстой даёт однозначный ответ: да, есть смысл жизни, есть духовный план мира и есть вечные безусловные законы нравственности, которые ведут к его высшему благу как отдельного человека, так и всё общество в целом.

Подлинным искусством становится только такое, которое объединяет людей и увеличивает в них любовь и понимание себя; а главным предметом науки — как человеку жить хорошо, в чём его истинное благо.

Решением же социальных проблем становится единственное возможное: совершенствование себя отдельными людьми. Понимание человеком подлинного смысла жизни — это начало и выхода из общественных зол. Постановка же на первое место внешней перемены форм общества и правления, как желание повлиять благостно на сознание (в надежде, что «бы-

тиё определит сознание»), только усугубляет положение людей.

Шопенгауэр говорил: что «талант достигает цель, которую никто не может достичь; гений — ту, которую никто не может увидеть». Л. Толстой — гений, который задает более ясное понимание блага и, соответственно, более высокую нравственную планку для человека, которую на данный момент видят и понимают лишь единицы. Но для некоторых это стало принципом жизни, как для М. Ганди (который называл Толстого своим учителем) и М. Л. Кинга.

«Только кажется, что человечество занято торговлей, договорами, войнами, науками, искусствами; одно дело только для него важно и одно только дело оно делает — оно уясняет себе те нравственные законы, которыми оно живет. И это уяснение нравственного закона есть не только главное, но единственное дело всего человечества». (Л. Н. Толстой)

Декабрь 2015

Илья Овчаренко
В чём же смысл?

Смысл, смысл, в чём же смысл?
То ли в жизни, то ль в любви,
То ли в солнце за окошком,
То ли в маленьком лукошке,
Где мурлычат семь котят.

Кто-то скажет: смысл неизвестен.
Кто-то скажет: нет его вообще.
Но я-то знаю точно,
Я чувствую нутром:
Смысл есть и он во всём!

2004

Загадка тополя

Я под тополем великаном
Присел отдохнуть от труда,
Прохлада тени прекрасна,
Тихий шелест листвы:
«Всё хорошо», — шуршит.
«Всё будет как надо», —
Отголосок тайны шелестит.

Александр Фетисов

Ненасилие в жизни каждого

Опыт и практика

1

Э тот сложный, не имеющий однозначного ответа, вопрос мы однажды уже задавали себе — как правило, в очень раннем возрасте. Но сегодня мы обратимся к нему снова и спросим себя: Как относиться к тому, что наша ежедневная безопасность и спокойствие обеспечиваются за счет угрозы насилия над людьми?

Ни для кого не секрет, что возможность заниматься благотворительностью, бизнесом, наукой, творчеством, помогать людям, создавать семьи, путешествовать, строить дома и растить детей, — все это доступно нам сегодня при условии, что каждую минуту на страже нашего спокойствия стоят вооруженные люди, готовые при

необходимости применить свое оружие против тех, кто решится нарушить установленный в обществе порядок.

Речь, как вы поняли, идет о силовых структурах различного назначения (полиции, армии, специальных службах), которые мы ежедневно обеспечиваем собственным трудом и своими средствами. Но главным образом — о парадоксальности ситуации, при которой спокойное, обыденное течение нашей повседневной жизни обеспечивается угрозой насилия, а во многих случаях — прямым принесением увечий и смерти людям.

2

Когда я впервые столкнулся с этой проблемой и господствующим, весьма и весьма лояльным, отношением к ней в

обществе, то невольно задался вопросом: «Почему мы продолжаем жить, как ни в чем не бывало, зная, что цена нашего спокойствия — это страх насилия, который мы вызываем в людях, и собственно само насилие — ужасное, жестокое, бесчеловечное? Почему это никак не волнует и не ранит нас самих?»

В процессе обсуждения этих вопросов (как с представителями православной церкви, так и с обычными людьми) неожиданно открылось, что любые попытки выяснить подлинное отношение человека к данной проблеме наталкиваются в лучшем случае на непонимание и равнодушие, в худшем же — на какое-то внутреннее сопротивление и ожесточение. В поддержку и одобрение механизма насилия и вооруженной защиты в большинстве случаев звучали следующие доводы:

- христианская мораль это не осуждает;
- оружие используется только как сдерживающий фактор;
- мы полагаем это «меньшим злом» и не хотим, чтобы

война или беспорядки постучались в нашу дверь.

Вместе с тем, очень редко признавался очевидным тот факт, что зачастую мы просто закрываем на это глаза. Закрываем глаза не только на сам механизм угроз и насилия, но и на нашу поддержку этого механизма, которая происходит изо дня в день сразу по трем направлениям:

1. мыслями — когда мы думаем о нем как о чем-то вполне естественном;

2. словами — когда мы говорим о нем как о само собой разумеющемся;

3. делами — когда мы обеспечиваем его как нечто должное.

Действительно, обращаясь к самому себе — человеку, которому не по душе насилие и жестокость, — я видел, что сам изо дня в день следую традиционному укладу жизни, не испытываю особых угрызений совести и даже не пытаюсь научиться не нуждаться и не участвовать в насилии над людьми. Свое успокоение я находил в тех «малых добрых делах», которые старался совершать еже-

А. Фетисов — Ненасилие в жизни каждого

дневно, при этом совершенно не задумываясь над тем, что одной рукой действительно помогаю, а другой — убиваю и калечу людей, причем не только их тела, но и души.

И только когда я почти вплотную соприкоснулся с последствиями этого кровавого механизма защиты, стало ясно, что невозможно продолжать жить привычной жизнью в обмен на страх, мучения и смерть людей. Нужно было выбирать:

- или продолжать каждый день одной рукой делать добрые дела, а другой — поддерживать угрозу насилия и само его применение;
- или, оставив в стороне все прочие дела и начинания, учиться не нуждаться и не участвовать в убийстве и калечении людей;

3

Между тем, ужас и безысходность положения человека, осознавшего свою страшную роль в этом механизме и свою зависимость от него, заключается в том, что для самых сложных и, казалось бы, неразрешимых

ситуаций нашего бытия мы всегда можем найти какие-то советы или наставления — в священных книгах прошлого, в житейской мудрости, у добросердечных и отзывчивых людей. Но, задавшись вопросом «как жить, чтобы не участвовать в угрозах, калечении и убийстве людей?», вы можете искать ответ всю жизнь и так и не найти его.

Действительно, от этого участия невозможно укрыться ни за стенами монастыря, ни прикрывшись к какой-либо группе социума, ни оставшись наедине с самим собой — просто потому, что в какой-то момент (заболели зубы, кончилась соль, изнасилась обувь) вы будете вынуждены хоть ненадолго «включиться» в механизм насилия и воспользоваться если не им самим, то его плодами. А отказаться полностью и в одночасье от благ цивилизации я не мог — по причине собственного страха, отсутствия необходимых навыков и слабого здоровья.

Решение было найдено не сразу. И решиться на его исполнение — тоже удалось не сразу.

Вот в чем заключается его смысл: каждый день делать все, что в моих силах, чтобы стать на шаг дальше от насилия. Отказываться от участия в нем настолько, насколько это возможно. Делать это последовательно, не зная, до какой степени «неучастия» я смогу прийти, не зная, когда, как и чем закончится этот путь.

Что это означает на практике? На самом деле, следование очень простым принципам:

1. Сохранение дистанции от всего, что сопряжено с насилием;
2. Умеренность, опрощение, самообеспечение;
3. Забота о ближних и просвещение.

В моем случае это выглядело так. Я оставил свою привычную работу и ту искаженную среду, в которой провел большую часть своей жизни, сменил комфорт мегаполиса на простой быт в затерянной малолюдной деревне, начал учиться земледелию и уходу за животными. Перешел на простую пищу, переселился в дом без удобств и отказался от большинства товаров и услуг, которыми пользо-

вался еще несколько лет назад. Перестал участвовать в светских разговорах, восхваляющих устои общества и доблесть их защиты (на деле — насилие и жестокость), перестал поддерживать добрую половину, если не больше, отношений, завязанных на деньги, услуги и все то, что искажает искренние, доверительные отношения между людьми. И, наконец, перестал полагать насилие непременно спутником своей жизни и тем более своим обязательством, рассматривая каждый новый день как возможность научиться быть от него еще на шаг дальше.

4

Дало ли это какой-то скорый, немедленный результат? Нет. Но это дало начало образу жизни, который точно не мог возникнуть в привычном ее течении по раз заведенному порядку: все реже пользоваться плодами насилия, тем самым, все меньше принимая в нем участие.

Это дало возможность научиться применять на прак-

А. Фетисов — Ненасилие в жизни каждого

тике простое правило: если можешь отказаться от чего-то, что сопряжено с насилием — откажись. Если можешь не пользоваться продуктами и услугами, которые требуют для своего существования угрозы, калечения и убийства людей — обойдись без них. Можешь поступиться своим желанием самореализации и достатка — поступи. Можешь как-то помочь ближнему — помоги, но только тем, что хоть немного снимет его зависимость от насилия, а не загонит в него еще глубже.

Да, я все еще остаюсь ленив, жалок и зависим от различных «благ» цивилизации (а от некоторых из них, скорее всего, останусь зависим до конца своих дней), и всегда можно будет найти, в чем меня упрекнуть. Да, приведенным способом сможет воспользоваться не каждый, и наверняка есть что-то более подходящее именно вам, вашим силам, вашим возможностям. Но как бы это ни выгля-

дело, изменяя и опрощая свой образ жизни любыми доступными нам способами, мы тем самым шаг за шагом:

- перестаем брать у людей то, что они готовы защищать с оружием в руках, прекращаем тратить драгоценное время их жизни на свои нужды;

- учимся обходиться без того, что провоцирует их на насилие по отношению к нам самим, даем все меньше поводов для зависти и агрессии;

- отвыкаем занимать у кесаря кесарево, освобождаясь от участия в поддержке насилия сами и освобождая от него других.

И чем дальше я иду по этому пути, тем больше становится очевидным, что каждый человек способен остановить насилие в своей собственной жизни — ровно настолько, насколько велико его желание сделать это.

сайт <http://exodus.today>.

А. П. Чехов

Душечка

Оленька, дочь отставного коллежского асессора Племянникова, сидела у себя во дворе на крылечке, задумавшись. Было жарко, назойливо приставали мухи, и было так приятно думать, что скоро уже вечер. С востока надвигались темные дождевые тучи, и оттуда изредка потягивало влагой.

Среди двора стоял Кукин, антрепренер и содержатель увеселительного сада «Тиволи», квартировавший тут же во дворе, во флигеле, и глядел на небо.

— Опять! — говорил он с отчаянием. — Опять будет дождь! Каждый день дожди, каждый день дожди — точно нарочно! Ведь это петля! Это разоренье! Каждый день страшные убытки!

Он всплеснул руками и продолжал, обращаясь к Оленьке:

— Вот вам, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хоть плачь! Работашь, стараешься, мучишься, ночей не спишь, все думаешь, как бы лучше, — и что же? С одной стороны, публика — невежественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерию, великолепных куплетистов, но разве ей это нужно? Разве она в этом понимает что-нибудь? Ей нужен балаган! Ей подавай пошлость! С другой стороны, взгляните на погоду. Почти каждый вечер дождь. Как зарядило с десятого мая, так потом весь май и июнь, просто ужас! Публика не ходит, но ведь я за аренду плачу? Артистам плачу?

На другой день под вечер опять надвигались тучи, и Кукин говорил с истерическим хохотом:

— Ну, что ж? И пускай! Пускай хоть весь сад зальет, хоть

меня самого! Чтоб мне не было счастья ни на этом, ни на том свете! Пускай артисты подадут на меня в суд! Что суд? Хоть на каторгу в Сибирь! Хоть на эшафот! Ха-ха-ха!

И на третий день то же...

Оленька слушала Кукина молча, серьезно, и, случалось, слезы выступали у нее на глазах. В конце концов несчастья Кукина тронули ее, она его полюбила. Он был мал ростом, тощ, с желтым лицом, с зачесанными височками, говорил жидким тенорком, и на лице у него всегда было написано отчаяние, но все же он возбудил в ней настоящее, глубокое чувство. Она постоянно любила кого-нибудь и не могла без этого. Раньше она любила своего папашу, который теперь сидел больной, в темной комнате, в кресле и тяжело дышал; любила свою тетю, которая иногда, раз в два года приезжала из Брянска; а еще раньше, когда училась в прогимназии, любила своего учителя французского языка. Это была тихая, добродушная, жалостливая барышня с кротким, мягким взглядом, очень здоровая. Глядя на ее

полные, розовые щеки, на мягкую белую шею с темной родинкой, на добрую, наивную улыбку, которая бывала на ее лице, когда она слушала что-нибудь приятное, мужчины тоже улыбались, а гости-дамы не могли удержаться, чтобы вдруг среди разговора не схватить ее за руку и не проговорить в порыве удовольствия:

— Душечка!

Дом, в котором она жила со дня рождения и который в завещании был записан на ее имя, находился на окраине города, в Цыганской Слободке, недалеко от сада «Тиволи»; по вечерам и по ночам ей слышно было, как в саду играла музыка, как лопались с треском ракеты, и ей казалось, что это Кукин воюет со своей судьбой и берет приступом своего главного врага — равнодушную публику; сердце у нее сладко замирало, спать совсем не хотелось, и когда под утро он возвращался домой, она тихо стучала в окошко из своей спальни и, показывая ему сквозь занавески только лицо и одно плечо, ласково улыбалась...

Он сделал предложение, и они повенчались.

Он был счастлив, но так как в день свадьбы и потом ночью шел дождь, то с его лица не сходило выражение отчаяния.

После свадьбы жили хорошо. Она сидела у него в кассе, смотрела за порядками в саду, записывала расходы, выдавала жалованье, и ее розовые щеки, милая, наивная, похожая на сияние улыбка мелькали то в окошечке кассы, то за кулисами, то в буфете. И она уже говорила своим знакомым, что самое замечательное, самое важное и нужное на свете — это театр и что получить истинное наслаждение и стать образованным и гуманным можно только в театре.

— Но разве публика понимает это? — говорила она. — Ей нужен балаган! Вчера у нас шел «Фауст наизнанку», и почти все ложи были пустые, а если бы мы с Ванечкой поставили какую-нибудь пошлость, то, поверьте, театр был бы битком набит. Завтра мы с Ванечкой ставим «Орфея в аду», приходите.

И что говорил о театре и об актерах Кукин, то повторяла и она. Публику она так же, как и он, презирала за равнодушие к искусству и за невежество, на репетициях вмешивалась, поправляла актеров, смотрела за поведением музыкантов, и когда в местной газете неодобрительно отзывались о театре, то она плакала и потом ходила в редакцию объясняться.

Актеры любили ее и называли «мы с Ванечкой» и «душечкой»; она жалела их и давала им понемножку взаймы, и если, случалось, ее обманывали, то она только потихоньку плакала, но мужу не жаловалась.

И зимой жили хорошо. Сняли городской театр на всю зиму и сдавали его на короткие сроки то малороссийской труппе, то фокуснику, то местным любителям. Оленька полнела и вся сияла от удовольствия, а Кукин худел и желтел и жаловался на страшные убытки, хотя всю зиму дела шли недурно. По ночам он кашлял, а она поила его малиной и липовым цветом, натирала одеколоном, кутала в свои мягкие шали.

— Какой ты у меня славенький! — говорила она совершенно искренно, приглаживая ему волосы. — Какой ты у меня хорошенький!

В Великом посту он уехал в Москву набирать труппу, а она без него не могла спать, все сидела у окна и смотрела на звезды. И в это время она сравнивала себя с курами, которые тоже всю ночь не спят и испытывают беспокойство, когда в курятнике нет петуха. Кукин задержался в Москве и писал, что вернется к Святой, и в письмах уже делал распоряжения насчет «Тиволи». Но под Страстной понедельник, поздно вечером, вдруг раздался зловещий стук в ворота; кто-то бил калитку, как в бочку: бум! бум! бум! Сонная кухарка, шлепая босыми ногами по лужам, побежала отворять.

— Отворите, сделайте милость! — говорил кто-то за воротами глухим басом. — Вам телеграмма!

Оленька и раньше получала телеграммы от мужа, но теперь почему-то так и обомлела. Дрожаящими руками она распечатала телеграмму и прочла следующее:

«Иван Петрович скончался сегодня скоропостижно сючала ждем распоряжений хохороны вторник».

Так и было напечатано в телеграмме: «хохороны» и какое-то еще непонятное слово «сючала»; подпись была режиссера опереточной труппы.

— Голубчик мой! — зарыдала Оленька. — Ванечка мой миленький, голубчик мой! Зачем же я с тобой повстречалась? Зачем я тебя узнала и полюбила? На кого ты покинул свою бедную Оленьку, бедную, несчастную?..

Кукина похоронили во вторник, в Москве, на Ваганькове; Оленька вернулась домой в среду, и как только вошла к себе, то повалилась на постель и зарыдала так громко, что слышно было на улице и в соседних дворах.

— Душечка! — говорили соседки, крестясь. — Душечка Ольга Семеновна, матушка, как убивается!

Три месяца спустя как-то Оленька возвращалась от обедни, печальная, в глубоком трауре. Случилось, что с нею шел рядом, тоже возвращавшийся из

церкви, один из ее соседей, Василий Андреич Пустовалов, управляющий лесным складом купца Бабакаева. Он был в соломенной шляпе и в белом жилете с золотой цепочкой и походил больше на помещика, чем на торговца.

— Всякая вещь имеет свой порядок, Ольга Семеновна, — говорил он степенно, с сочувствием в голосе, — и если кто из наших ближних умирает, то, значит, так Богу угодно, и в этом случае мы должны себя помнить и переносить с покорностью.

Доведя Оленьку до калитки, он простился и пошел далее, После этого весь день слышался ей его степенный голос, и едва она закрывала глаза, как мерещилась его темная борода. Он ей очень понравился. И, по видимому, она тоже произвела на него впечатление, потому что немного погодя к ней пришла пить кофе одна пожилая дама, мало ей знакомая, которая, как только села за стол, то немедля заговорила о Пустовалове, о том, что он хороший, солидный человек и что за него с удовольствием пойдет всякая

невеста. Через три дня пришел с визитом и сам Пустовалов; он сидел недолго, минут десять, и говорил мало, но Оленька его полюбила, так полюбила, что всю ночь не спала и горела как в лихорадке, а утром послала за пожилой дамой. Скоро ее просватали, потом была свадьба.

Пустовалов и Оленька, поженившись, жили хорошо. Обыкновенно он сидел в лесном складе до обеда, потом уходил по делам, и его сменяла Оленька, которая сидела в конторе до вечера и писала там счета и отпускала товар.

— Теперь лес с каждым годом дорожает на двадцать процентов, — говорила она покупателям и знакомым. — Помилуйте, прежде мы торговали местным лесом, теперь же Васечка должен каждый год ездить за лесом в Могилевскую губернию. А какой тариф! — говорила она, в ужасе закрывая обе щеки руками. — Какой тариф!

Ей казалось, что она торгует лесом уже давно-давно, что в жизни самое важное и нужное — это лес, и что-то родное, трогательное слышалось ей в сло-

вах: балка, кругляк, тес, шелевка, безымянка, решетник, лафет, горбыль...

Какие мысли были у мужа, такие и у нее. Если он думал, что в комнате жарко или что дела теперь стали тихие, то так думала и она. Муж ее не любил никаких развлечений и в праздники сидел дома, и она тоже.

— И все вы дома или в конторе, — говорили знакомые. — Вы бы сходили в театр, душечка, или в цирк.

— Нам с Васечкой некогда по театрам ходить, — отвечала она степенно. — Мы люди труда, нам не до пустяков. В театрах этих что хорошего?

По субботам Пустовалов и она ходили ко всенощной, в праздники — к ранней обедне, и, возвращаясь из церкви, шли рядышком, с умиленными лицами, от обоих хорошо пахло, и ее шелковое платье приятно шумело; а дома пили чай со сдобным хлебом и с разными вареньями, потом кушали пироги. Каждый день в полдень во дворе и за воротами на улице вкусно пахло борщом и жареной бараниной или уткой, а в постные дни — рыбой, и мимо

ворот нельзя было пройти без того, чтобы не захотелось есть. В конторе всегда кипел самовар, и покупателей угощали чаем с бубликами. Раз в неделю супруги ходили в баню и возвращались оттуда рядышком, оба красные.

— Ничего, живем хорошо, — говорила Оленька знакомым, — слава Богу! Дай Бог всякому жить, как мы с Васечкой.

Когда Пустовалов уезжал в Могилевскую губернию за лесом, она сильно скучала и по ночам не спала, плакала. Иногда по вечерам приходил к ней полковой ветеринарный врач Смирнин, молодой человек, квартировавший у нее во флигеле. Он рассказывал ей что-нибудь или играл с нею в карты, и ее это развлекало. Особенно интересны были рассказы из его собственной семейной жизни; он был женат и имел сына, но с женой разошелся, так как она ему изменила и теперь он ее ненавидел и высылал ей ежемесячно по сорока рублей на содержание сына. И, слушая об этом, Оленька вздыхала и покачивала головой, и ей было жаль его.

— Ну, спаси вас Господи, — говорила она, прощаясь с ним и провожая его со свечой до лестницы. — Спасибо, что поскучали со мной, дай Бог вам здоровья, царица небесная...

И все она выражалась так степенно, так рассудительно, подражая мужу; ветеринар уже скрывался внизу за дверью, она окликала его и говорила:

— Знаете, Владимир Платоныч, вы бы помирились с вашей женой. Простили бы ее хоть ради сына!.. Мальчишечка-то небось все понимает.

А когда возвращался Пустовалов, она рассказывала ему вполголоса про ветеринара и его несчастную семейную жизнь, и оба вздыхали и покачивали головами и говорили о мальчике, который, вероятно, скучает по отце, потом, по какому-то странному течению мыслей, оба становились перед образами, клали земные поклоны и молились, чтобы Бог послал им детей.

И так прожили Пустоваловы тихо и смиренно, в любви и полном согласии шесть лет. Но вот как-то зимой Василий Андреич в складе, напившись горячего

чая, вышел без шапки отпускать лес, простудился и занемог. Его лечили лучшие доктора, но болезнь взяла свое, и он умер, проболев четыре месяца. И Оленька опять овдовела.

— На кого же ты меня покинул, голубчик мой? — рыдала она, похоронив мужа. — Как же я теперь буду жить без тебя, горькая я и несчастная! Люди добрые, пожалейте меня, сироту круглую...

Она ходила в черном платье с плерезами и уже отказалась навсегда от шляпки и перчаток, выходила из дому редко, только в церковь или на могилку мужа, и жила дома как монашенка. И только когда прошло шесть месяцев, она сняла плерезы и стала открывать на окнах ставни. Иногда уже видели по утрам, как она ходила за провизией на базар со своей кухаркой, но о том, как она жила у себя теперь и что делалось у нее в доме, можно было только догадываться. По тому, например, догадывались, что видели, как она в своем садике пила чай с ветеринаром, а он читал ей вслух газету, и еще по тому, что,

встретясь на почте с одной знакомой дамой, она сказала:

— У нас в городе нет правильного ветеринарного надзора, и от этого много болезней. То и дело слышишь, люди заболевают от молока и заражаются от лошадей и коров. О здоровье домашних животных, в сущности, надо заботиться так же, как о здоровье людей.

Она повторяла мысли ветеринара и теперь была обо всем такого же мнения, как он. Было ясно, что она не могла прожить без привязанности и одного года и нашла свое новое счастье у себя во флигеле. Другую бы осудили за это, но об Оленьке никто не мог подумать дурно, все было так понятно в ее жизни. Она и ветеринар никому не говорили о перемене, какая произошла в их отношениях, и старались скрыть, но это им не удавалось, потому что у Оленьки не могло быть тайн. Когда к нему приходили гости, его сослуживцы по полку, то она, наливая им чай или подавая ужинать, начинала говорить о чуме на рогатом скоте, о жемчужиной болезни, о городских бойнях, а он страшно конфу-

зился и, когда уходили гости, хватал ее за руку и шипел сердито:

— Я ведь просил тебя не говорить о том, чего ты не понимаешь! Когда мы, ветеринары, говорим между собой, то, пожалуйста, не вмешивайся. Это, наконец, скучно!

А она смотрела на него с изумлением и с тревогой и спрашивала:

— Володечка, о чем же мне говорить?!

И она со слезами на глазах обнимала его, умоляла не сердиться, и оба были счастливы.

Но, однако, это счастье продолжалось недолго. Ветеринар уехал вместе с полком, уехал навсегда, так как полк перевели куда-то очень далеко, чуть ли не в Сибирь. И Оленька осталась одна.

Теперь уже она была совершенно одна. Отец давно уже умер, и кресло его валялось на чердаке, запыленное, без одной ножки. Она похудела и подурнела, и на улице встречные уже не глядели на нее, как прежде, и не улыбались ей; очевидно, лучшие годы уже прошли, остались позади, и теперь начина-

лась какая-то новая жизнь, неизвестная, о которой лучше не думать. По вечерам Оленька сидела на крылечке, и ей слышно было, как в «Тиволи» играла музыка и лопались ракеты, но это уже не вызывало никаких мыслей. Глядела она безучастно на свой пустой двор, ни о чем не думала, ничего не хотела; ела и пила она точно поневоле.

А главное, что хуже всего, у нее уже не было никаких мнений. Она видела кругом себя предметы и понимала все, что происходило кругом, но ни о чем не могла составить мнения и не знала, о чем ей говорить. Видит, например, как стоит бутылка, или идет дождь, или едет мужик на телеге, но для чего эта бутылка, или дождь, или мужик, какой в них смысл, сказать не может. При Кукине и Пустовалове и потом при ветеринаре Оленька могла объяснить все и сказала бы свое мнение о чем угодно, теперь же и среди мыслей и в сердце у нее была такая же пустота, как и на дворе.

Город мало-помалу расширялся во все стороны. Цыганскую Слободку уже называли улицей, и там, где были сад

«Тиволи» и лесные склады, выросли уже дома и образовался ряд переулков. Как быстро бежит время! Дом у Оленьки потемнел, крыша заржавела, сарай покосился, и весь двор порос бурьяном и колючей крапивой. Сама Оленька постарела, подурнела; летом она сидит на крылечке, а зимой сидит у окна и глядит на снег. Повеет ли весной, донесет ли ветер звон соборных колоколов, и вдруг нахлынут воспоминания о прошлом, сладко сожмется сердце и из глаз польются обильные слезы, но это только на минуту, а там опять пустота, и неизвестно, зачем живешь. Черная кошечка Брыска ласкается и мягко мурлычет, но не трогают Оленьку эти кошачьи ласки. Это ли ей нужно? Ей бы такую любовь, которая захватила бы все ее существо, всю душу, разум, дала бы ей мысли, направление жизни, согрела бы ее стареющую кровь. И она стряхивает с подола черную Брыску и говорит ей с досадой:

— Поди, поди. Нечего тут!

И так день за днем, год за годом, — и ни одной радости, и нет никакого мнения. Что ска-

зала Мавра кухарка, то и хорошо.

В один жаркий июльский день, под вечер, когда по улице гнали городское стадо и весь двор наполнился облаками пыли, вдруг кто-то постучал в калитку. Оленька пошла сама отворять и, как взглянула, так и обомлела: за воротами стоял ветеринар Смирнин, уже седой и в штатском платье. Ей вдруг вспомнилось все, она не удержалась, заплакала и положила ему голову на грудь, не сказавши ни одного слова, и в сильном волнении не заметила, как оба потом вошли в дом, как сели чай пить.

— Голубчик мой! — бормотала она, дрожа от радости. — Владимир Платоныч! Откуда Бог принес?

— Хочу здесь совсем поселиться, — рассказывал он. —

Подавал в отставку и вот приехал попробовать счастья на воле, пожить оседлой жизнью. Да и сына пора уж отдавать в гимназию. Вырос. Я-то, знаете ли, помирился с женой.

— А где же она? — спросила Оленька.

— Она с сыном в гостинице, а я вот хожу и квартиру ищу,

— Господи, батюшка, да возьмите у меня дом! Чем не квартира? Ах, господи, да я с вас ничего и не возьму, — заволновалась Оленька и опять заплакала. — Живите тут, а с меня и флигеля довольно. Радость-то, господи!

На другой день уже красили на доме крышу и белили стены, и Оленька, подбоченясь, ходила по двору и распоряжалась. На лице ее засветилась прежняя улыбка, и вся она ожила, посвежела, точно очнулась от долгого сна. Приехала жена ветеринара, худая, некрасивая дама с короткими волосами и с капризным выражением, и с нею мальчик, Саша, маленький не по летам (ему шел уже десятый год), полный, с ясными голубыми глазами и с ямочками на щеках. И едва мальчик вошел во двор, как побежал за кошкой, тотчас же послышался его веселый радостный смех.

— Тетенька, это ваша кошка? — спросил он у Оленьки. — Когда она у вас ощенится, то, пожалуйста, подарите нам од-

ного котеночка. Мама очень боится мышей.

Оленька поговорила с ним, напоила его чаем, и сердце у нее в груди стало вдруг теплым и сладко сжалось, точно этот мальчик был ее родной сын. И когда вечером он, сидя в столовой, повторял уроки, она смотрела на него с умилением и с жалостью и шептала:

— Голубчик мой, красавчик... Деточка моя, и уродился же ты такой умненький, такой беленький!

— Островом называется, — прочел он, — часть суши, со всех сторон окруженная водою.

— Островом называется часть суши... — повторила она, и это было ее первое мнение, которое она высказала с уверенностью после стольких лет молчания и пустоты в мыслях.

И она уже имела свои мнения и за ужином говорила с родителями Саши о том, как теперь детям трудно учиться в гимназиях, но что все-таки классическое образование лучше реального, так как из гимназии всюду открыта дорога: хочешь — иди в доктора, хочешь — в инженеры.

Саша стал ходить в гимназию. Его мать уехала в Харьков к сестре и не возвращалась; отец его каждый день уезжал куда-то осматривать гурты и, случалось, не живал дома дня по три, и Оленьке казалось, что Сашу совсем забросили, что он лишний в доме, что он умирает с голода; и она перевела его к себе во флигель и устроила его там в маленькой комнате.

И вот уже прошло полгода, как Саша живет у нее во флигеле. Каждое утро Оленька входит в его комнату; он крепко спит, подложив руку под щеку, не дышит. Ей жаль будить его.

— Сашенька, — говорит она печально, — вставай, голубчик! В гимназию пора.

Он встает, одевается, молится Богу, потом садится чай пить; выпивает три стакана чаю и съедает два больших бублика и полфранцузского хлеба с маслом. Он еще не совсем очнулся от сна и потому не в духе.

— А ты, Сашенька, не твердо выучил басню, — говорит Оленька и гладит на него так, будто провожает его в дальнюю дорогу. — Забота мне с тобой.

Уж ты старайся, голубчик, учись... Слушайся учителей.

— Ах, оставьте, пожалуйста! — говорит Саша.

Затем он идет по улице в гимназию, сам маленький, но в большом картузе, с ранцем на спине. За ним бесшумно идет Оленька.

— Сашенька-а! — окликает она.

Он оглядывается, а она сует ему в руку финик или карамельку. Когда поворачивают в тот переулок, где стоит гимназия, ему становится совестно, что за ним идет высокая, полная женщина; он оглядывается и говорит:

— Вы, тетя, идите домой, а теперь уже я сам дойду.

Она останавливается и смотрит ему вслед, не мигая, пока он не скрывается в подъезде гимназии. Ах, как она его любит! Из ее прежних привязанностей ни одна не была такою глубокой, никогда еще раньше ее душа не покорялась так беззаветно, бескорыстно и с такой отрадой, как теперь, когда в ней все более и более разгоралось материнское чувство. За этого чужого ей мальчика, за его ямочки на

щеках, за картуз она отдала бы всю свою жизнь, отдала бы с радостью, со слезами умиления. Почему? А кто ж его знает — почему?

Проводив Сашу в гимназию, она возвращается домой тихо, такая довольная, покойная, любвеобильная; ее лицо, помолодевшее за последние полгода, улыбается, сияет; встречные, глядя на нее, испытывают удовольствие и говорят ей:

— Здравствуйте, душечка Ольга Семеновна! Как поживаете, душечка?

— Трудно теперь стало в гимназии учиться, — рассказывает она на базаре. — Шутка ли, вчера в первом классе задали басню наизусть, да перевод латинский, да задачу... Ну, где тут маленькому?

И она начинает говорить об учителях, об уроках, об учебниках, — то же самое, что говорит о них Саша.

В третьем часу вместе обедают, вечером вместе готовят уроки и плачут. Укладывая его в постель, она долго крестит его и шепчет молитву, потом, ложась спать, грезит о том будущем, далеком и туманном, ко-

гда Саша, кончив курс, станет доктором или инженером, будет иметь собственный большой дом, лошадей, коляску, женится и у него родятся дети... Она засыпает и все думает о том же, и слезы текут у нее по щекам из закрытых глаз. И черная кошечка лежит у нее под боком и мурлычет:

—Мур... мур... мур...

Вдруг сильный стук в калитку. Оленька просыпается и не дышит от страха; сердце у нее сильно бьется. Проходит полминуты, и опять стук.

«Это телеграмма из Харькова, — думает она, начиная дрожать всем телом. — Мать тре-

бует Сашу к себе в Харьков... О господи!»

Она в отчаянии у нее холодеют голова, ноги, руки, и кажется, что несчастнее ее нет человека на всем свете. Но проходит еще минута, слышатся голоса: это ветеринар вернулся домой из клуба.

«Ну, слава Богу!» — думает она.

От сердца мало-помалу отстает тяжесть, опять становится легко; она ложится и думает о Саше, который спит крепко в соседней комнате и изредка говорит в бреду:

— Я тебе. Пошел вон! Не держись!

В 1904 году, составляя сборник «Круг Чтения», Л. Н. Толстой включил в него «Душечку» А. П. Чехова, сделал в нем незначительные исправления и написал специально для этого сборника свое послесловие к рассказу.

Л. Н. Толстой
Послесловие
к рассказу Чехова «Душечка»

Есть глубокий по смыслу рассказ в «Книге Чисел» о том, как Валак, царь Моавитский, пригласил к себе Валаама для того, чтобы проклясть приблизившийся к его пределам народ израильский. Валак обещал Валааму за это много даров, и Валаам, соблазнившись, поехал к Валаку, но, на пути был остановлен ангелом, которого видела ослица, но не видал Валаам. Несмотря на эту остановку, Валаам приехал к Валаку и вошел с ним на гору, где был приготовлен жертвенник с убитыми тельцами и овцами для проклятия. Валак ждал проклятия, но Валаам вместо проклятия благословил народ израильский.

23 гл. (11) «И сказал тогда Валак Валааму: что ты со мной делаешь? Я взял тебя, чтобы проклясть врагов моих, а ты вот благословляешь?

(12) И отвечал Валаам и оказал: не должен ли я в полностью сказать-то, что влагает Господь в уста мои?

(13) И сказал ему Валак: «пойди со мной на другое место... и прокляни его оттуда». И взял его на другое место, где тоже были приготовлены жертвы. Но Валаам опять вместо проклятья благословил.

Так было и на третьем месте.

24 гл. (10) «И воспламенился гнев Валака на Валаама, и всплеснул он руками своими, и сказал Валак Валааму: «я призвал тебя проклясть врагов моих, а ты благословляешь и вот уж третий раз.

(11) Итак, ступай на свое место; я хотел почтить тебя, но вот Господь лишает тебя чести».

И так и ушел Валаам, не получив даров, потому что вместо

проклятья благословил врагов Валака.

То, что случилось с Валааком, очень часто случается с настоящими поэтами-художниками. Соблазняясь ли обещаниями Валака — популярностью или своим ложным, навеянным взглядом, поэт не видит даже того ангела, который останавливает его и которого видит ослица, и хочет проклинать, и вот благословляет.

Это самое случилось с настоящим поэтом-художником Чеховым, когда он писал этот прелестный рассказ «Душечка».

Автор, очевидно, хочет посмеяться над жалким по его рассуждению (но не по чувству) существом «Душечки», то разделяющей заботы Кукина с его театром, то ушедшей в интересы лесной торговли, то под влиянием ветеринара считающей самым важным делом борьбу с жемчужной болезнью, то, наконец, поглощенной вопросами грамматики и интересами гимназистика в большой фуражке. Смешна и фамилия Кукина, смешна даже его бо-

лезнь и телеграмма, извещающая об его смерти, смешон лесоторговец с своим степенством, смешон ветеринар, смешон и мальчик, но не смешна, а свята, удивительная душа «Душечки», со своей способностью отдаваться всем существом своим тому, кого она любит.

Я думаю, что в рассуждении, не в чувстве автора, когда он писал «Душечку», носилось неясное представление о новой женщине, об ее равноправности с мужчиной, развитой, ученой, самостоятельной, работающей не хуже, если не лучше, мужчины на пользу обществу, о той самой женщине, которая подняла и поддерживает женский вопрос, и он, начав писать «Душечку», хотел показать, какую не должна быть женщина. Валак общественного мнения пригласил Чехова проклясть слабую, покоряющуюся, преданную мужчине, неразвитую женщину, и Чехов пошел на гору, и были возложены тельцы и овны, но, начав говорить, поэт благословил то, что хотел проклинать. Я по крайней мере, несмотря на чудный,

веселый комизм всего произведения, не могу без слез читать некоторые места этого удивительного рассказа. Меня трогает и рассказ о том, как она с полным самоотречением любит Кукина и все, что любит Кукин, и также лесоторговца, и также ветеринара, и еще больше о том, как она страдает, оставшись одна, когда ей некогда любить, и как она, наконец, со всей силой и женского и материнского чувства (которого непосредственно не испытала) отдалась безграничной любви к будущему человеку, гимназисту в большом картузе.

Автор заставляет ее любить смешного Кукина, ничтожного лесоторговца и неприятного ветеринара, но любовь не менее свята, будет ли ее предметом Кукин или Спиноза, Паскаль, Шиллер, и будут ли предметы ее сменяться так же быстро, как у «Душечки», или предмет будет один во всю жизнь.

Давно как-то мне случилось прочесть в «Новом времени» прекрасный фельетон госпожи Ата о женщинах. Автор высказал в этом фельетоне заме-

чательно умную и глубокую мысль о женщинах. «Женщины, — говорит он, — стараются нам доказать, что они могут делать все то же, что и мы, мужчины. Я не только не спорю с этим, — говорит автор, — но готов согласиться, что женщины могут делать все то, что делают мужчины, и даже, может быть, и лучше, но горе в том, что мужчины не могут делать ничего, близко подходящего к тому, что могут делать женщины».

Да, это, несомненно, так, и это касается не одного рождения, кормления и первого воспитания детей, но мужчины не могут делать того высшего, лучшего и наиболее приближающего человека к Богу дела, — дела любви, дела полного отдания себя тому, кого любишь, которое так хорошо и естественно делали, делают и будут делать хорошие женщины. Что бы было с миром, что бы было с нами, мужчинами, если бы у женщин не было этого свойства и они не проявляли бы его? Без женщин-врачей, телеграфисток, адвокатов, ученых, сочинительниц мы обой-

демся, но без матерей, помощниц, подруг, утешительниц, любящих в мужчине все то лучшее, что есть в нем, и незаметным внушением вызывающих и поддерживающих в нем все это лучшее, — без таких женщин плохо было бы жить на свете. Не было бы Марии и Магдалины у Христа, не было бы Клары у Франциска Ассизского, не было бы на каторге жен декабристов, не было бы у духоборов их жен, которые не удерживали мужей, а поддерживали их в их мученичестве за правду, не было бы тысяч и тысяч безызвестных самых лучших, как все безвестное, женщин, утешительниц пьяных, слабых, развратных людей, тех, для которых нужнее, чем кому-нибудь, утешения любви. В этой любви, обращена ли она к Кукину или к Христу, главная, великая, ничем незаменимая сила женщины.

Удивительное недоразумение весь так называемый женский вопрос, охвативший, как это должно быть со всякой пошлостью, большинство женщин и даже мужчин!

«Женщина хочет совершенствоваться», — что может быть законнее и справедливее этого?

Но ведь дело женщины по самому ее назначению другое, чем дело мужчины. И потому и идеал совершенства женщины не может быть тот же, как идеал совершенства мужчины. Допустим, что мы не знаем, в чем этот идеал, во всяком случае несомненно то, что не идеал совершенства мужчины. А между тем к достижению этого мужского идеала направлена теперь вся та смешная и недобрая деятельность модного женского движения, которое теперь так путает женщин.

Боюсь, что Чехов, писавши «Душечку», находился под влиянием этого недоразумения.

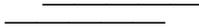
Он, как Валаам, намеревался проклясть, но бог поэзии запретил ему и велел благословить, и он благословил и невольно одел таким чудным светом это милое существо, что оно навсегда останется образцом того, чем может быть женщина для того, чтобы быть счастливой самой и делать счастливыми тех, с кем ее сводит судьба.

Рассказ этот оттого такой прекрасный, что он вышел бес-
сознательно.

Я учился ездить на велосипеде в манеже, в котором делаются смотры дивизиям. На другом конце манежа училась ездить дама. Я подумал о том, как бы мне не помешать этой даме, и стал смотреть на нее. И, глядя на нее, я стал невольно все больше и больше приближаться к ней, и, несмотря на то,

что она, заметив опасность, спешила удалиться, я наехал на нее и свалил, т. е. сделал совершенно противоположное тому, что хотел, только потому, что направил на нее усиленное внимание.

То же самое, только обратное, случилось с Чеховым: он хотел свалить Душечку и обратил на нее усиленное внимание поэта и вознес ее.

Пьер Милль

Раздавленная лань

Пообедав в Бранте, в гостинице «Две Короны», трое молодых людей собирались уже сесть в автомобиль. В дверях дома вдруг показалась молоденькая служанка: Бевилль забыл в зале фотографический аппарат; она протянула ему его, не говоря ни слова, и исчезла.

— Не разговорчива, заметил Бревилль.

— Это бретонка, сказал слуга гостиницы: она всего два дня тому назад приехала сюда, не знает еще ни слова по-французски.

— Бретонка? Переспросил Бревилль.

— Как, вы не знаете? с грубым смехом ответил слуга: — в здешних маленьких городках, выписывают бретонок. Для путешественников, в случае если...

Все трое засмеялись. Авто-

мобиль закачался, и через несколько секунд он уже выехал в открытое поле.

— Слышишь, какой запах, сказал Бевилль, обращаясь к своему спутнику: — удивительный воздух!

— Да, ответил Боттио: — недавно шел дождь, земля еще горячая, авто идет быстро.

И ароматы...

Бевиль вытянулся, почти в изнеможении; голова у него кружилась от нескольких стаканов шампанского, выпитого за обедом, и в особенности от быстрой езды, от живительного, теплого, ночного воздуха, который обдавал его, хлестал ему в лицо, делал его томным, разнеженным, сладострастным. Ему казалось, что он не на земле, что он реет в воздухе, и иногда он протягивал руки, точно чтобы схватить наслаждение.

— Жаль, что нет женщин,

произнес он. — А? Жален?

Но Жален, собственник автомобиля, сидевший впереди, даже не повернул головы. Они мчались по дороге, освещенной бледно-золотистым светом огромных фонарей; деревья по краям образовали как бы сплошные стены — так быстро они мелькали перед ними; все внимание Жалена было устремлено на страшную машину.

Он только проворчал:

— Женщины? О, нет!

Вся его мужественность, вся энергия и сила интеллигентного атлета сосредоточивались лишь в его голове и в руках. Но и он, вслед за остальными вдыхал, широко раскрывая ноздри, аромат летней ночи, запах липы, рябины и бесчисленных мелких, безымянных травок, которые расцветают и оплодотворяются при свете солнца, а ночью, закрыв свои чашечки, вкушают радость своего расцвета. Этого ему было достаточно. Он только прошептал:

— А! ведь, хорошо, не правда ли?

Кролики разбуженные шумом, ослепленные светом фонарей, обезумев от страха, выбе-

гали из оврагов и черными комками перекатывались по освещенным камням. Но вдруг дорога погрузилась в тьму; вверху, между ветвями, засквозили полосы неба. Еще за минуту перед тем машина, — страшный стремительный метеор, — казалось, одна только была источником света; теперь она была центром темноты, между тем как вокруг все предметы начинали вырисовываться в неясном свете. Это было неожиданно, чудесно и страшно. Жален закричал:

— Боже мой! Фонари погасли.

— Зажги их, возразил Боттио.

Жален пожал плечами.

— Они сломаны. Я так и думал. Делать нечего.

— Так поезжай дальше. Ведь, есть еще две лампы.

— Кинкеты! Ответил Жален.

— Этого достаточно. Поезжай. Доедем до Парижа. Я хочу ночевать в Париже.

Жален покачал головой. Машина в восемьдесят лошадиных сил не может сдержать свой шаг, не меньше чем беговая лошадь или турбина в открытом

море. Как бы вы ни старались удержать ее; она прыгает, вырывается, ускользает от вас. Наконец, пробегать до ста километров в час, когда не видно ни зги и когда в две секунды можешь очутиться перед препятствием, которое заметишь в шестидесяти шагах, — было очевидным безумием. Несмотря на это, он согласился. Он был, также как и оба его товарища, слишком возбужден, слишком счастлив, слишком разгорячен быстрым движением, господином которого он считал себя. Точно в кавалерийской атаке: они шли на смерть, но не могли остановиться.

Тени над их головами и по сторонам дороги становились гуще. Они пересекали лес, темную, непроглядную чащу деревьев, сплошную массу ветвей и стволов. Было так темно, что глазам становилось больно, хотелось прикрыть их рукою, чтобы защитить от удара.

Но как раз в тот момент, когда тьма сгустилась до того, что стало жутко, Жалену показалось, что он различает что-то впереди, перед колесами, какую-то тень, чернее окружаю-

щей темноты, живую и испуганную. Он быстро свернул в сторону и задержал автомобиль... Все, кому знакомы ощущения езды на современных скакунах, испытали физические последствия этого сухого толчка при остановке, этого неожиданного уклонения машины, приноровленной только к движению по прямой траектории: сотрясаются все внутренности, до самой глубины тела, ощущаешь какое-то острое предвкушение агонии! Но автомобиль был широкий, на низких колесах, он не опрокинулся, а въехал на кучу щебня и остановился, продолжая вздрагивать.

— Что такое! вскричал Бевилль весь бледный.

Боттио спрыгнул на землю и подошел к Жалену, который, вытирая лоб, стоял на коленях перед темной, еще трепетавшей массой, распростертой на земле, в бледном свете фонарика.

— Счастливо отделались, сказал Бевилль, в свою очередь выйдя из экипажа: — Это всего лишь лань.

Все вздрогнули с облегчением, и голоса их увереннее зазвучали под деревьями. Без

своих тяжелых плащей, без очков и без кепи они до странности походили друг на друга: все трое бородастые, сильные, мускулистые, красивые.

— Это счастье! повторил Жален.

Но вдруг голос его, смеявшийся вместе с другими, оборвался. Он увидел глаза лани: такие нежные, жалкие, испуганные, полные ужаса и изумления. Почему она здесь, кто раздавил ее в темноте ночи? Бедное, хорошенькое создание! Несчастное животное, дикое и чистое! Они много убивали их на охоте, перед лошадьми и собаками, загнанных, истомленных. Но теперь! Раздавленная, израненная, умирающая! Так мучительно вздрагивало ее тело, такое отчаяние было во взгляде ее страдальческих глаз.

— Надо вернуться в Брант, сказал Жален: я дальше не поеду без фонарей. Переночуем в той гостинице, где мы обедали.

Машина повернула назад, и они поехали по направлению к Бранту, стараясь двигаться как можно медленнее.

Незаметно воспоминание о раздавленном животном исчез-

ло из их памяти; они могли раздавить человека, могли убиты сами и они испытали страх смерти. Но они были живы, по-прежнему кровь текла в их жилах, и на долгие, долгие годы мир принадлежал им. Будущее открывалось перед ними в виде длинной колоннады под прохладными сводами которой можно было идти и никогда не видеть конца ее.

Двери в гостинице «Двух Корон» были заперты. Весь дом спал. Но им пришлось ждать еще, потому что в маленьких городках люди осторожны: надо знать, с кем имеешь дело.

— Посмотри-ка, сказал Боттио, когда дверь, наконец, открылась: — это бретонка!

Она держала в руке одну из тех миниатюрных лампочек, с фитилем под легким стеклянным колпачком, которые в последние двадцать лет заменили ночники. Слабый свет ее бросал розовые отблески на ее лицо очень молодое, очень кроткое, но не красивое; все остальное — кофта, наскоро наброшенная на грубую рубашку, красная полотняная юбка, босые ноги в

стоптанных башмаках — терялось в тени. Можно было различить только нежное личико, вырисовавшееся в воздухе, точно бесплотный дух.

— Комнату? спросила она немного хриплым, непривычным к французским звукам голосом.

— Да, спать! кровати! Хорошие кровати! Ответил Боттио.

Улыбаясь, она зажгла свечи, показала им комнаты и удалилась.

Бевилль лег в постель, но почувствовал, что не может заснуть. Он был в чересчур приподнятом настроении, слишком взволнован ароматами ночи, быстрой ездой и тем особым ярким чувством благодарности к жизни, которое испытывают люди, избежавшие опасности. Ему вспомнились слова слуги гостиницы, сказанные несколько часов назад. «Бретонка? Она для этого здесь». Он потихоньку босиком вышел из комнаты.

Бевилль заметил, где спала Бретонка. Это было что-то вроде каморки, прилаженной на площадке лестницы между подвальным и первым этажом. Он направился прямо туда, со све-

чою в руке. Да, это было как раз здесь: она спала на бедной железной кровати; волосы ее распустились, одну руку она положила под голову, чтобы спать было выше, потому что подушки у нее не было. Из-под одеяла видна была только ее полная шея и нежная округлость молодой груди. Бевилль положил руку на ее плечо и поцеловал ее. Он задул свечу. Девушка сразу проснулась и инстинктивным жестом вытянула руки вперед.

— *Mo doné!* прошептала она.

Но Бевилль уже держал ее в своих объятьях, и она опять почувствовала его губы на своих губах. Конечно, она была бретонка, которую взяли для этого за это ей платили жалованье: тридцать франков в месяц и подарки путешественников в придачу. Наконец, он был «господином»! Целые века крепостничества, почти рабства, научили ее расу всегда повиноваться «господам», начальницам, хозяевам: мужчины покоряются им на войне, женщины — на ложе. Надо было покориться. Ее бедная порабощенная душа не осмелилась протестовать. Только ее тело, так как оно было чи-

сто, противилось с ужасом. Всякая девушка защищается, всякая девушка боится. Это инстинкт, вложенный в нее самой природой, ей нужно мужество для того чтобы отдаться, и она отдается только по своему выбору, точно приносит жертву тому, кого любит. Кроткая дикарка, проданная, как рабыня в древние времена, она и еще более унижительно, испытала этот ужас. Она умоляла его торопливыми, спутанными словами на своем темном языке, на котором говорят там, на берегах западного моря, на единственном знакомом ей языке; Бевилль не понимал ее.

Он никогда не узнал, почему она не возвратила ему ни одного поцелуя, которые он дарил ей прежде чем овладеть ею. Никогда, даже тогда, когда он, удовлетворенный, но в то же время горько разочарованный — потому, что так карает природа беззаботных и грубых самцов — он думал только о том, чтобы уйти от своей жертвы и бежать; он никогда не узнал, почему губы ее чуть-чуть коснулись не губ его, этого она не осмелилась, а только лба и ще-

ки: это была робкая ласка ребенка, которому так хотелось, — да, несмотря на все хотелось после пережитого ужаса оставить воспоминание хоть тени настоящей нежности.

Он ушел. И больше ничего.

На следующий день чуть свет Жален разбудил своих друзей. Бевилль, спустившись вниз, почти забыл. У счастливых людей, можно сказать, нет воспоминаний. Они живут будущим, и каждый день оно приносит им новые наслаждения. Если бы он вспомнил о ночном приключении, он показался бы себе просто немного нечестным, но, так как он давно знал это, то предпочел развлечь свою мысль другим.

Между тем Жален уже все приготовил к отъезду. Счет был оплачен, мотор исправен. Он бросил своим товарищам плащи и кепи.

— Едем!

Он отъехал назад, во двор гостиницы, чтобы выехать за ворота и свернуть в улицу.

В эту минуту растрепанная служанка показалась на пороге двери, которую она открыла им

ночью. Она только что вышла из своей комнаты и, вероятно, ночью она долго не могла уснуть. На ней был тот же жалкий, почти отвратительный костюм: грубая рубашка и неуклюжая широкая кофта. Волосы ее были непричесаны, она была некрасива, и даже ее молодость как будто поблекла: ее печальные глаза чего-то напрасно искали.

Потому что то ужасное, что она пережила сегодня, и что, быть может, оставило в ней неизгладимый след, произошло

в непроницаемой темноте и она никогда не узнает, который был из этих троих. Она не узнает этого никогда.

Автомобиль повернул, и, под твердой рукой Жалена, покати́лся по дороге.

Боттио мечтательно сказал:

— Глаза этой бретонки... Что они мне напоминают? Ах, да! Как раз как у той лани, ночью. Вы видели?

— Нет, ответил Бевилль: — Я не заметил.

Пер. с фр. З. А. Никольской под ред. И. Ясинского.

П. Милль. «Раздавленная лань». Сб. рассказ. СПб, «Труд», 1912.

Рассказ французского писателя Пьера Милля (1864-1941) был привезен Л. Н. Толстому французским переводчиком Шарлем Саломоном. Из Дневника: «1910. 8 июля: Милый рассказ Mille...; 9 июля: Читал... прелестный рассказ Милля».

Календарь литературных дат на МАРТ

30 марта 1847: Л. Н. Толстой начал вести дневник; в полном собрании сочинений дневники писателя занимают 13 томов.

29 марта 1873: начало работы над романом «Анна Каренина».

1 марта 1564: В Москве вышла первая точно датированная русская печатная книга — «Апостол» Ивана Фёдорова.

1 марта 1837: р. Уильям Дин Хоуэллс (ум. 1920), американский писатель-реалист (романы «Энн Килберн», «Неведомая страна» и др.) и литературный критик, автор ряда статей о Л. Н. Толстом.

2 марта 1800: р. русский поэт Е. А. Баратынский (ум. 1844). Особенно стих. «Смерть».

3 марта 1927: ум. М. П. Арцыбашев (р. 1878), русский писатель. Рассказы «Кровь», «Прапорщик Гололобов».

4 марта 1852: ум. украинский писатель Н. В. Гоголь. «Ревизор», «Мёртвые души», «Коляска», «Старосветские помещики»; статьи «О значении болезней», «О том, что такое слово».

5 марта 1895: ум. русский писатель Н. С. Лесков (р. 1831). «Христос в гостях у мужика», «Под Рождество ограбили», «Фигура», «На краю света», «Дурачок», Легенды о первых христианах.

6 марта 1806: р. английская поэтесса Элизабет Браунинг (ум. 1861). Поэма «Плач детей» о тяжелом детском труде на фабриках.

7 марта 1940: ум. американский поэт-демократ Эдвин Маркгем (р. 1852) Стих. «Человек с мотыгой» и др.

9 марта 1814: р. классик украинской литературы Т. Г. Шевченко Стих. «Наймичка» и «Катерина» и др. из сборника «Кобзарь».

10 марта 1861: ум. украинский писатель Т. Г. Шевченко.

11 марта 1876: ум. А. П. Щапов (р. 1831), сибирский историк, публицист, автор исследований о раскольниках и сектантах.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

16 марта 1831: увидел свет роман великого французского писателя Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери».

11 марта 1931: в СССР запрещены продажа и ввоз Библии.

16 марта 1940: ум. шведская писательница Сельма Лагерлёф (р. 1858), лауреат Ноб. пр. в области литературы 1909 г. «Дева мира».

17 марта 1680: ум. Франсуа де Ларошфуко, французский писатель-моралист, автор книги афоризмов «Максимы».

20 марта 43 до н.э.: р. древнеримский поэт Публий Овидий Назон (ум. 17 н.э.). Поучения Пифагора в поэме «Метаморфозы».

22 марта 1832: ум. немецкий поэт, прозаик и философ Иоганн фон Гёте (р. 1749), один из основоположников немецкой литературы нового времени. Стих. «Горные вершины», «Лесной царь», «Герман и Доротея» и др.

23 марта 1842: ум. французский писатель Стендаль (наст. Анри Мари Бейль) (р. 1783). Романы «Красное и черное», «Пармская обитель» (особенно описание битвы при Ватерлоо).

24 марта 1888: ум. русский писатель В. М. Гаршин (р. 1855). Рассказы «Четыре дня», «Сигнал», «Сказание о гордом Аггее».

26 марта 1892: ум. американский поэт Уолт Уитмен (р. 1819). Книга белых стихов «Листья травы», особенно «Город».

28 марта 1868: р. С. Т. Семенов (ум. 1922), писатель-крестьянин, литературный ученик Л. Н. Толстого, наиболее популярный автор издательства «Посредник» после самого Л. Н. Толстого.

30 марта 1843: р. русский писатель К. М. Станюкович (ум. 1903). Автор рассказов о моряках: «Бесшабашный» и др.

31 марта 1857: р. швейцарский писатель Эдуард Род (ум. 1910). Романы «Вопросы жизни», «Поток».

31 марта 1882: р. русский советский писатель Корней Чуковский (наст. Н. В. Корнейчуков) (ум. 1969). Письмо к нему о смертной казни «Действительное средство» явилось последним законченным сочинением Л. Н. Толстого.

Сост. В. А. по материалам интернета.

У нас в гостях движение «Ойкумена»

Наше знакомство с движением «Ойкумена» произошло 26 октября 2015 года, когда его руководитель, Сергей Путилов, прислал антивоенное воззвание «Большая ложь маленькой войны» с требованием остановить бомбежки Сирии. Дальше последовал еще ряд аналогичных воззваний против войны в Сирии, с предупреждениями о том, что она может превратиться в ядерную и последнюю на нашей земле. Были одиночные пикеты и межконфессиональные встречи. В январе 2016 Сергей Путилов и Екатерина Федореева стали гостями программы Я. Г. Кротова «С христианской точки зрения: Мир и меч» на «Радио Свобода» (<http://www.svoboda.org/content/transcript/27505680.html>). Начат выпуск журнала Духовно-переселенческого движения «Ойкумена» — «За гранью изведенного».

Путилов, Сергей Эдуардович (р. 1970) — историк-востоковед, журналист, военный эксперт, руководитель Духовно-переселенческого движения «Ойкумена». Православный, экуменист, антимилитарист. Автор книг «Кто развяжет Третью мировую?», «Просите мира Иерусалиму», «Крест в мире полумесяца», «Здесь молятся на языке Христа», «Христианский Египет». Москва, Россия. Контактный емейл: sereja.putilov@yandex.ru.

У нас в гостях движение «Ойкумена»

Было время, когда Сергей Путилов публиковал статьи в «Молодой гвардии» и «Нашем современнике» в военно-патриотическом духе; активно работал на Рособоронэкспорт, пропагандируя в «Московских ведомостях» торговлю оружием.

«А потом, когда были две чеченские войны, когда началась война в Грузии, мы увидели, как это оружие убивает людей, и мировоззрение начало меняться в пользу того, что оружие, идеология и даже официальная Церковь не способны решить проблемы без гибели людей, без страдания. И начался отход от официальной Церкви, поиск, мы начали убирать межконфессиональные барьеры с латышами, финскими товарищами, баптистами, пятидесятниками. В 2007-2008 годах мы провели в Хельсинки несколько круглых столов, экуменических чаепитий, как мы их называли. Наша группа возникла в 2008-2009 годах из межконфессиональной миротворческой группы».

«9 апреля 2015 г., в Чистый четверг, когда согласно православной традиции Иисус собрал апостолов на тайную вечерю, в Москве состоялось учреждение Духовно-переселенческого движения "Ойкумена". Религиозных и общественных деятелей, журналистов, писателей, бизнесменов из России, Латвии, Беларуси, Крыма, принимавших в свое время участие в создании Хельсинкской межконфессиональной миротворческой группы (ХММГ) объединила идея поиска нового Пути, новой Жизни».

Организационный комитет духовно-переселенческого движения «Ойкумена» (<https://www.facebook.com/oicumena>):

Сергей Путилов, писатель, журналист (Россия),

Николай Олизаревич, портал «Эсхатос» (Беларусь),

Павел Зарифуллин, директор Московского центра Гумилева,

Павел Левушкан, портал Vaznica.info (Латвия).

Представляем вниманию наших читателей основные тексты движения «Ойкумена», созданные в 2015 — начале 2016 гг.

МАНИФЕСТ ДУХОВНО-ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ «ОЙКУМЕНА»

Духовно-переселенческое движение «Ойкумена» ставит своей целью поиск духовных, культурных, социально-экономических путей, альтернативных цивилизации города. При всем своем внешнем могуществе и великолепии урбанистический путь развития завел людей в тупик. Нарушенная экология, транспортный коллапс, разъединение людей, одиночество в толпе, депрессии, отсутствие стимулов к жизни, самоубийства, социальное нера-

венство, изматывающая работа, манипулирование массовым сознанием со стороны политиков превращают горожан в бездумные механизмы.

Мы верим в то, что духовное возрождение начнется из глубинки. Под «глубинкой» мы понимаем не только провинцию. Это понятие с нашей точки зрения носит более широкий смысл. «Глубинка» это деревня, дача, лес, поля, родники, сельские храмы, места обитания людей, живших здесь за тысячелетия до нас. Это все то, что глубинно связывает нас с окружающим миром. Лес вместо асфальта, созерцание вместо промывки мозгов в масс-медиа, понимание глубинной связи с культурой, бытом, ценностями предков и природой вместо однообразной и бессмысленной каторги под названием работа, поглощающей большую часть жизни горожан.

Осмысленное отношение к

жизни, отказ от идолопоклонства перед деньгами, машинами, квартирами. Очистить души и сердца, полюбить созданный Творцом мир во всей его красоте, других людей, все живые существа, растения, камни, реки, небо можно лишь бежав от городской безнадеги. Конфликты последнего года показали, что дегуманизация отношений даже между братскими культурами достигла пика.

Мы ищем духовные истоки там, где еще не иссякла святая, былинная жизнь. Там формируется новое сознание, почвенное, свободное от пропаганды и идеологий. Русская глубинка обладает не оцененными по достоинству духовными богатствами. Путешествуя по монастырям, сельским приходам, общаясь с жителями глубинки, мы ищем сокровенный град Китеж. Изменяя образ жизни с городского на сельский, пригородный мы убеждаемся, что находимся на верном пути.

Участники общин живут на земле вместо асфальта. Люди преображаются, меняется их сознание. Они пишут стихи, восторгаются окружающим ми-

ром, изучают связь между событиями древности и тем, что нам предопределено, общаются с живой природой, занимаются осмысленным трудом, который приносит удовлетворение, вместо того, чтобы как рабы тянуть лямку в офисе или на заводе. Это новые человеческие отношения с природой. Человек понимающий, что во всем есть живая душа, никогда не будет варварски относиться к окружающему миру, ненавидеть других людей, устраивать войны. Он перестраивает свое восприятие мира, делает его более чутким, сострадающим всему живому — от мельчайшего жучка до всей нашей незащитной перед угрозой ядерной войны и загрязнения планеты.

Ближайшая наша цель — вдохновить людей города, интеллигенцию, обратить свое внимание на глубинку, пропаганда нового образа жизни. Поездка в деревню, на дачу, которые становятся отправными точками роста Духовно-переселенческого движения, — это не обязательно массовые общины. Можно переселяться даже в частном порядке, семья-

ми, единолично, с друзьями. Мероприятия, проводимые Духовно-переселенческим движением «Ойкумена», включают в себя, кроме здорового образа жизни и труда на земле, медитацию, краеведческие экскурсии, знакомство с историей родного края, изучение полез-

ных свойств растений, паломничества, изучение древних культур, общение с природой, понимание ее мудрости, пропаганду экуменизма, отказа от войн. Приглашаем всех неравнодушных и ищущих смысла жизни к деятельному участию.

апрель 2015

В КАКОГО ХРИСТА ВЕРЯТ ДУХОВНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ?

Для Духовно-переселенческого движения «Ойкумена» Иисус — обычный человек, родившийся человеком, возможно в прошлых жизнях даже бывший животными или птицей. Но возвысившийся до уровня Бога. Это не магия, не соитие божества со смертной женщиной — подобие таких культов (вера в полубогов) было широко распространено в древности — взять хотя бы Геракла, египетские фараоны считали себя

детьми бога, римские императоры. Иисус получил свои духовные дары, способности к целительству — телесному и душевному благодаря милости и благодати. Ибо искра и образ Божий заложены в каждом человеке, а мы созданы по Его подобию. Самообожение или приобретение духовных даров — миролюбия, нестяжательства, любви ко всему живому заложены в каждом из людей, каждый может стать христом. Иисусу, которого мы знаем из

Писаний, менее всего свойственен культ, широко распространившийся в церквях. За сусальным золотом стало уже практически невозможно разглядеть Его истинный облик, тот истинный свет, который Он нес людям. Эта мудрость — любовь к врагам, милосердие, бескорыстность доступна каждому из смертных. И в этом заключается смысл жизни каждого человека. Вернуться очистившись от грязи грехов и зла к Творцу, стать Его частью, неразделимой частью того предвечного света, который пронзил когда-то всю вселенную и является целью эволюции материи. В каждой клетке живого мы видим образ Божий. Мысль, чувство, сострадание, привязанность — они во всем — в природе, в каждой травинке, жучке, растении, птице, диком или домашнем жи-

вотном. В глазах каждого живого существа искрится Божья любовь. Человек, созданный изначально совершенным, должен подняться из материального тлена, пройти через горнило испытаний и очистив душу засиять во всей ослепительной чистоте и благодати. Об этом и говорит Иисус: «царствие Божие внутри вас есть». В этом залог вечной жизни и благодати. Иначе каждый будет проживать свою следующую жизнь заново — в животном или человеческом теле. В мучениях, скорбях и испытаниях. Бесконечно долго попадать снова на адские круги физического существования, в одни и те же жизненные ситуации. Пока не переродится телом и духом и не станет Христом. Тем чистым Логосом, который был вначале всего.

Необходимое пояснение для наших читателей: нам безусловно близко то, что Иисус — обычный человек, и что в каждом из людей заложены стремление и способность к миролюбию, нестяжательству и любви ко всему живому; но нам чужда идея реинкарнации, переселения душ.

РОССИЯНЕ — ОДУМАЙТЕСЬ ! МЫ В ШАГЕ ОТ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ

*Воззвание Духовно-переселенческого
движения "Ойкумена"*

Российская авантюра в Сирии, прикрываемая борьбой с исламским экстремизмом вместо установления мира в этой многострадальной стране привела лишь к эскалации конфликта. Военные действия расползаются подобно раковой опухоли на сопредельные государства, гибнут сотни мирных жителей. Маховик конфронтации раскачивается с угрожающей силой, грозя превратить сирийскую войну в глобальный конфликт. В ответ на уничтожение турецкими военно-воздушными силами российского бомбардировщика Су-24, Минобороны РФ перебросило в Сирию противоздушные комплексы С-400, способные сбивать цели на расстоянии в несколько сотен километров, то есть в глубине турецкой территории. Сделано это для того, чтобы "обезопасить" полеты русской военной авиации в си-

рийском небе. Анкара со своей стороны уже предупредила, что уничтожение любого самолета турецких ВВС будет рассматриваться как акт агрессии со всеми вытекающими последствиями. То есть, согласно условиям договора Турция, как член НАТО, потребует защиты от всех стран-участниц альянса и они должны будут предпринять ответные военные меры.

После оккупации Крыма, войны на Донбассе, инспирированной Москвой, западные страны со страхом и недоумением ожидают очередных непредсказуемых действий Кремля. "Наломали дров", между тем, мы уже немало. Война на стороне прогнившего алавитского режима Башара Асада против сирийского народа — большинство которого принадлежит к мусульманам-суннитам — привела к тому, что теперь нас ненавидит весь исламский

мир. И никакие оправдания в виде того, что "у нас всех теперь общий враг" — не находят и не найдут понимания ни на Западе (также столкнувшегося с угрозой исламского терроризма), ни на Востоке.

Гибель российского лайнера А-321 в Египте — это лишь "первая ласточка" террора, который придет в дома россиян. На Кавказе уже активизировалось исламистское подполье, присягнувшее «Исламскому государству». Путин, не понимая того к каким последствиям это может привести, вмешался в многовековой конфликт между двумя основными течениями в исламе — шиитами и суннитами, поддерживая режим иранских аятолл и его сирийского союзника — Башара Асада. Сирийская диктатура, установленная почти полвека назад путем военного переворота и применяющая репрессии против сирийского народа, проклята и ненавидима во всем арабском мире. При этом необходимо учитывать, что война на стороне алавитского режима и шиитского Ирана, массовая гибель мирных сирийцев-суннитов,

уничтожение исламских святынь в ходе бомбардировок ведет к радикализации исламской общины внутри самой России. Четверть россиян исповедуют ислам суннитского толка. Неприкрытая путинская агрессия в Сирии заставляет мусульман России с гневом смотреть на уничтожение их собратьев в этой ближневосточной стране. Джихад рискует перекинуться на саму Россию.

Сирия, где в тесном клубке переплелись религиозные, национальные, региональные противоречия, интересы великих держав, суннитского мира и шиитского Ирана, в наши дни представляет собой модель приближающейся Третьей мировой. Особую тревогу вызывает обострение отношений между Россией и Турцией, с которой, как известно из истории, у нас уже было множество войн, и которая сейчас является членом НАТО. То есть, в случае вооруженной конфронтации Кремлю, загнавшему себя в международную изоляцию из-за агрессивной внешней политики, придется иметь дело не только с Анкарой, но с лагерем силь-

У нас в гостях движение «Ойкумена»

нейших военных держав планеты.

Россияне, одумайтесь! Вместо того, чтобы поддерживать авантюристичную политику Кремля, толкающую Россию и весь остальной мир в пропасть всемирного Армагеддона задумайтесь о том, что в этой битве уже не будет победителей.

Ядерная война положит конец существованию России как страны, приведет к колоссальным жертвам и страданиям миллионов людей. Скажите свое "нет!" агрессии и милитаризму, спасите свои жизни и жизни своих детей, близких. Услышьте голос разума пока не слишком поздно!

3 декабря 2015

Сергей Путилов — журналист, писатель. Духовно-

переселенче-ское движение "Ойкумена" <https://www.facebook.com/oucumena> (Россия)

Николай Олизаревич — редактор богословского портала "Эсхатос" <http://esxatos.com/-dpd-oucumena> (Беларусь)

Геннадий Гололоб — писатель, редактор портала "Христианский пацифизм" christianpacifism.org (Украина)

Сергей Грушко — квакер, администратор сайта www.quakers.ru

Комментарий от себя: Подписал первое воззвание против войны в Сирии, «Большая ложь маленькой войны», а над последующим задумался: что будет означать моя подпись под таким документом. Я полностью разделяю антивоенные призывы и опасение за то, что военные действия в Сирии все больше разрастаются, грозя превратиться в полномасштабную Третью мировую войну. Но про фактические утверждения, содержащиеся в этом призыве: где какое вооружение поставлено, от каких группировок чего ожидать и пр. — я сейчас ничего определенного сказать не могу. Поэтому, несмотря на сочувствие, не могу подписать это обращение и распространять его за своей подписью. *Виталий Адаменко*, библиотека "Вне насилия", <http://antimilitary.narod.ru> (Россия)

ПАМЯТКА ХРИСТИАНСКОМУ БОРЦУ ЗА МИР

*уроки антивоенной деятельности
Духовно-переселенческого движения "Ойкумена"*

Прежде всего каждому, кто намерен принять участие в деле всеобщего разоружения, прекращения войн, отказа от оружия — одним словом, стать деятельным пацифистом — необходимо всегда помнить, что правда на его стороне, что призыв который он слышит в своем сердце, исходит от высших сил, сил добра. Это свет Истины. Хотя

каждодневно каждый из нас слышит от других людей, властей, узнает из СМИ о том, что кругом враги и ради мира необходимо их уничтожать, совесть человека устроена в соответствии с Божьим планом. То есть когда мы причиняем другим боль, страдание, или наблюдаем, как это делается в отношении других, мы не можем не чувствовать укол в совесть, наша душа ощущает некоторый разлад с самой собой.

Государство, политики, нередко и религиозные деятели этот мощный моральный стимул пытаются использовать в корыстных целях. Государство — инструмент насилия и подавления, церковь нередко является лишь марионеткой в его руках. Гражданам, пастве нередко внушается через официозные СМИ, устами коррумпированных властью и богатством проповедников, что необходимо любить свою страну, и ненавидеть другие, неких врагов. Это якобы необходимое условие для наступления мира. «Если у нас не будет пушек, то у нас отберут масло, в наши дома придет война» — такая незамысловатая

подмена понятий производится чиновниками и церковными функционерами в умах людей. И большинство этому верит. Гораздо легче поверить в силу оружия, чем в силу добра. И не важно, что кропление автоматов святой водой православными священниками, благословение крестовых походов на Восток протестантами Америки и Европы стали повседневной нормой. Истинно верующие всегда помнят слова Христа: «Любите врагов, благословляйте проклинающих вас», памятуя заповедь «не убий» и слова псалмопевца «праведного Бог испытывает, а неправедного и любящего насилие ненавидит душа Его».

Антивоенное движение, на мой взгляд, должно опираться на четкие нравственные приоритеты и служить делу всеобщего мира, но не защите интересов отдельных стран. Как это уже было в СССР, где даже существовал Комитет мира, но деятельность его была направлена не на пацифизм, а обслуживала интересы кремлевских империалистов. Христианство — религия глубоко пацифист-

ская. Поэтому в религиозной среде, среди не внешне, но истинно верующих идеи борьбы за мир находят наиболее благодатную почву.

В практическом отношении борцу за мир следует быть готовым к тому, что антивоенное движение особенно в России с ее воинственными традициями, веками насаждавшимся культом силы и национального величия заведомо не может быть массовым. Даже война в Афганистане, агрессия против Чехословакии в 1968 году, две кровавые чеченские войны не вызвали широкого протеста среди россиян. В основном антивоенные акции охватывали небольшое количество разрозненных пацифистских, правозащитных групп. Братоубийственная донбасская бойня, путинская агрессия против Сирии всколыхнули умы и сердца россиян. Но власти благодаря массивной промывке мозгов в СМИ сумели взять под контроль настроения населения и направить их на поиск внешних врагов, умело направили настроения электората на укрепление собственного режима и поиск внешних

врагов. Сейчас «врагом номер 1» для среднестатистического россиянина, как и в советские времена, снова являются США, Запад. К ним добавились исламисты, саудиты, турки и прочие "враги", якобы мечтающие причинить нам зло и которым может быть лишь один ответ — массивное и беспощадное возмездие.

Антивоенное движение на Украине, в Грузии в период войн с Россией также трудно назвать пацифистским. Это был протест против путинской агрессии, но не борьба за всеобщий мир. Основным двигателем антивоенных митингов, акций являлась выгодная местным национальным властям ненависть к Путину, России, рисовался образ врага — "ватника", которого нужно уничтожить. Такое движение является только внешне, но не по сути пацифистским. Отсюда следует важный вывод, пацифизм не должен замыкаться в национальной скорлупе, но охватывать разные страны. Люди по разные стороны границ, представляющие разные государства и нации должны протянуть друг другу

руки, чтобы выступить против войны. Только тогда пацифизм становится подлинным, когда он направлен на защиту не только своей страны, но и защиту народа-агрессора от его собственных правителей-милитаристов.

Второй важный момент. Религиозный пацифизм будет успешным только тогда, когда он преодолевает религиозные, конфессиональные рамки, то есть становится экуменическим. В нашем Духовно-переселенческом движении наработан успешный опыт сотрудничества разных конфессий в деле борьбы за мир. В Движении участвуют православные, баптисты, пятидесятники, лютеране, католики, квакеры.

В заключение немного о методах ведения антивоенной работы. В эпоху интернета основным способом распространения пацифистских идей является интернет. Для того, чтобы усилия антивоенных групп не оста-

вались втуне, полезно готовить пресс-релизы, отчеты о проведенных акциях, фоторепортажи с места события и распространять их в партнерских СМИ, вывешивать информацию на форумах. Полезна и наглядная агитация, раздача листовок, антивоенные концерты. Музыка, поэзия, литература являются важными орудиями для того, чтобы разбить чешую, сковывающую сердца людей.

Значительный мобилирующий эффект производят совместные экуменические встречи, дискуссии, круглые столы посвященные религиозной оценке войн. Увидеть друг друга в лицо, пообщаться вживую всегда лучше и доверительнее, чем устраивать лишь массированные интернет-рассылки. Появляется ответственность, чувство локтя ощущение что ты не один в этой неравной борьбе за мир против системы и стереотипов сковывающих умы людей.

22 декабря 2015

НУЖНО ЛИ СВЕРГАТЬ РЕЖИМ ?

Во-первых «Ойкумена» не является политическим движением. Мы не призываем никого отправлять в отставку и никого свергать. Ибо Богу-богову, кесарю-кесарево. да и отставки не имеют смысла, поскольку за Путиным или кем другим придут другие, не лучше. В России демократы и империалисты плывут в одной лодке — лодке экспансии и агрессии. Так было и после февральской революции 1917 года, и при демократе Ельцине, и при Сталине, и при Путине. Взять хотя бы чеченскую войну, развязанную Ельциным в Чечне. Насилие — способ существования любого государства, особенно России, как наследницы империи. И продолжающей быть империей. И останущейся империей всегда.

Наша задача — открыть людям глаза на преступления режима — убийства мирных жителей в Сирии, на Донбассе, преследования инакомыслящих, за веру и т.д. Не соглашусь с уничтожительной оценкой анти-

военного движения. В истории немало примеров, когда массовое антивоенное движение приводило к окончанию войны. Пример — война во Вьетнаме, деятельность правозащитников, комитета солдатских матерей, журналистов в немалой степени способствовавшая окончанию первой чеченской войны. Наша задача — не поменять власть или государство, ибо они неизменны, а сформировать новую духовность, сообщество людей, живущих по Божьим заповедям, обличающим несправедливость власти, но не участвующей ни в какой политической деятельно-

сти. Мы взываем не к политическим переменам, а к совести людей. Политический режим, формы собственности могут быть любыми. Христиане за века существования привыкли жить и в империях, и при демократии. Власть всегда останется властью и злом. У нас же свое отечество — небесное как учил Христос и оно внутри каждого участника движения. Чем больше будет миротворцев, тем меньше зла будет в этом мире.

Относительно разоружения. Мы живем в эпоху оружия массового уничтожения, так что ликвидация ядерного арсенала — это просто элементарный вопрос выживания человечества. Здесь не считаю целесообразным дискутировать. Кроме того,

запрет на поставки оружия террористическим режимам, эмбарго всегда являлся довольно действенной мерой против роста агрессии и насилия. Нарушение Россией эмбарго на поставки оружия в Сирию в немалой степени способствовало продлению агонии режима в Дамаске и приводит к колоссальным жертвам среди мирного населения. Так что борьба за разоружение — неотъемлемая часть миротворческой миссии. Еще одно важное направление деятельности — пропаганда альтернативной гражданской службы (агс), защита права призывников на отказ от службы в армии и участия в войнах. Здесь мы уже сотрудничаем с Виталием Адаменко, в частности.

8 февраля 2016

ГРУППА «ДРОБОДУН И КАЛМЫК»

Стихи Екатерины Федоровой

ПЕСНЯ О ВЕЧНОМ МИРЕ (За дружбу между Турцией и Россией)

Мы две великих страны, два народа
К чему нам вражда, к чему нам невзгоды
К чему самолеты и танки к чему
Зачем нам война, я не пойму.

Синее небо над головою
Солнышко светит мне и тебе
Зачем же война нам с тобою
Не покоримся проклятой судьбе

У нас в гостях движение «Ойкумена»

Мы уничтожим ружья и танки
Мы все границы в мире сотрем
По ветру пустим вражды мы останки
К светлому миру вместе придем

Пусть детский смех не угасает
Мирному миру — «да» навсегда
Пусть никогда взрывов не знает
Спокойного моря вода

ЛИКИ СВЯТЫЕ О ЧЕМ-ТО МОЛЯТ

Мы пришли поклониться золотому тельцу
Он нам кум, он нам сват, он нами правит
Совесь нам уж давно, уж давно не к лицу
Тот не прав, кто его на весь мир не прославит

Вместо шкуры костюм, скакуна заменил
Мерседес голубой быстрокрылый
Кто бы душу сменил, кто бы сердце сменил
Кто бы стержень сменил в этой жизни постылой

Так давно повелось, кто не в чине — не свят
Это вечный закон неизбежный
Только лики святые о чем-то молят
И о чем-то поют в тишине безмятежной

Только синей ночи вековая печаль
Словно серою глыбой нависшая вечность
И все так же манит поднебесная даль
Пару крыл — и подняться в вышины бесконечность

У нас в гостях движение «Ойкумена»

Там в слепой вышине нет ни правил, ни догм
Там стихает тоска вековая
Там усталой душе всепрощающий дом
Там другие законы и совесть другая

Стихи Алексея Борычева

ВОЙНА И ЦВЕТЫ

Куда ни посмотри, везде святынь
Лучистые забытые останки.
От воли очумев цветут цветы,
Наполнив ожиданьем полустанки.

Куда ни посмотри, сквозь пламя дней
Иных огней мерцающие знаки.
О мире вспоминаем на войне,
Покуда мир бесчинствует во мраке.

Война — не поругание святынь,
Не смерть людей, не павшего солдата.
Война — когда в лугах цветут цветы,
Ни для кого и ничего не свято.

По поводу заявления М. Б. Ходорковского

9 декабря прошлого года прозвучало известное заявление М. Б. Ходорковского о том, что «Революция в России неизбежна... Вопрос в том, как сделать революцию хотя бы относительно мирной и эффективной с точки зрения восстановления демократического управления страной» (полный текст см.: <http://www.ixtc.org/2015/12/mihail-hodorkovskiy-revolyuetsiya-neizbezhna-i-neobhodima>), — чем он сейчас и занимается, готовя активистов. По этому поводу у нас прошел обмен мнений.

В. Адаменко: Мне думается, что если говорить не о дворцовом перевороте, а о революции, то степень насилия зависит больше не от тех, кто провозглашает и не от того, чему научатся активисты, а от состояния населения страны, а оно у нас оставляет желать лучшего.

П. Ефремов: Ты прав, что степень насилия зависит от того, в каком состоянии находится общество, а оно у нас сейчас намного хуже, чем в Украине в смысле готовности к насилию.

В.А.: Прочитав этот текст, я почувствовал, что лично для МБХ важно спихнуть с трона ВВП, отомстить и сесть на его место. А будет ли при этом революция действительно мирной — для него это дело третьестепенное, как получится...

Позже я там же прочитал критику А. Пионтковского, в том же духе, что и мои мысли, но обстоятельнее: <http://www.ixtc.org/2015/12/andrey-piontkovskiy-v-ternovom-ventse-revolyuetsiy>

П. Е.: Спасибо за интересные ссылки.

Я не питаю ни малейшей симпатии к личности МБХ, и ясно, что

тот "эффективный капитализм", который он, очевидно, хотел бы построить в РФ — это мне весьма и весьма чуждо. Ну и естественно, что ещё очень большой вопрос, какое он право имеет что-то критиковать, будучи, как ни крути, одним из тех, кто правдами-неправдами разворовывал страну в 90-е. Я вообще не считаю, что человек вечно должен оставаться с клеймом за свои поступки, но условие того, чтобы это клеймо было снято — это, конечно, раскаяние в своих делах. А ничего этого я у Ходорковского не вижу.

В. А.: Про МБХ: существует у нас предрассудок, что если в определенной ситуации человек оказывается жертвой, то его начинают считать безгрешным. Или иначе: в каждой ситуации виновной считается только одна сторона. Наверное, для простоты. Либо Гитлер — тиран, Сталин — освободитель, либо Сталин — тиран, Гитлер — освободитель. Либо Ленин, либо Николай II.

МБХ нужно поставить в вину не только соучастие в разворовывании страны, но и то, что "эффективный капитализм" на деле означает радикальное следование принципу "цель оправдывает средства". Сейчас показалось эффективным ненасилие — будет говорить о ненасилии, завтра покажется насилеие более эффективным — будет подстрекать к насилеию. А если эффективным окажется говорить одно и делать другое, то будет одновременно говорить о ненасилии и готовить боевиков. При первой же неудаче ненасильственных действий будет заявлено об их неэффективности в данных условиях и переходе к более привычным революционным действиям.

Ненасильственную революцию может провести только тот, для кого это принцип, а не один из методов; либо он будет действовать в рамках ненасилия, либо никак. Такой человек не сменит своих методов ни после первой, ни после десятой неудачи. И, естественно, должно быть какое-то количество единомышленников, придерживающихся тех же взглядов. Ни того, ни другого в нашей стране я не наблюдаю.

Александр Фетисов

Альтернативные иллюзии, или Жизнь после АГС

После знакомства с материалами конференции «Россия и Совет Европы: реализация закона об альтернативной гражданской службе в свете международных норм» (8 декабря 2015, Институт Европы РАН).

Есть на Земле страны, в которых вашим соотечественникам недостаточно того, что вы не нападаете на них – им остро нужно, чтобы вы были готовы угрожать и убивать других людей. Они придумали отбирать самых юных, обучать их убийствам и калечению людей, а при угрозе своему благополучию жертвовать их жизнями – для защиты собственных. Они назвали это **военной службой по призыву**.

Есть на Земле люди, которые не согласны убивать и калечить других людей: ни ради своих соотечественников, ни даже ради своих родных и близких.

Они добились замены воинской службы на **альтернативную** – без оружия в руках. Они приняли эту повинность (в отсутствие какой-либо вины!) и отработали ее сполна, отдав свой бесценный капитал – несколько лет жизни – своим согражданам: в том числе тем из них, кто был готов распорядиться этой жизнью совсем по-иному.

Казалось бы, это должно снять любые вопросы, а сам пример таких людей – вдохновить каждого, кто не приемлет участия в угрозах и убийствах. Однако выходит совсем по-другому.

Едва разобравшись с одним «долгом», эти славные и доверчивые люди снова одели на себя ярмо насилия, активно включившись в его ежедневное обеспечение: налогами и потреблением. Купили батон хлеба, литр бензина, киловатт электричества – и сразу вложили часть заработанных средств в поддержку силовых структур своего региона. Воспользовались продуктами и услугами, которые находятся под охраной государства, – и оправдали содержание вооруженных сил своей страны.

Убили своими руками?

Нет. Но заплатили тому, кто делает это – и будут платить изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год.

Казалось бы, не замечать этого невозможно. Ведь убивают таким образом не только те, кто сделал свой альтернативный выбор. Убивают все: мы сами, наши отцы и матери, сыновья и дочери, мужа и жены, близкие и дальние родственники; убивают наши друзья, знакомые, соседи, коллеги, партнеры, начальники, подчиненные. Убивают мужчины и женщины, молодые и старые, здоровые и больные, сильные и слабые; убивают селяне и горожане, пастухи и профессора, монахи и президенты, домохозяйки и бизнесмены.

Но инерция традиционного образа жизни настолько велика, что дав на время иллюзию непричастности к убийствами, она все равно увлекает в омут наси-

А. Фетисов — Альтернативные иллюзии

лия даже самых искренних и смелых людей – причём задолго до альтернативной службы.

Ребятка, с окончанием АГС проверка, которую устроило

вам Провидение руками ваших соотечественников (и вашими собственными руками), не закончилась. Она только начинается

http://exodus.today/civil_ru

4 января Александр разместил на своем сайте эту заметку, после чего у нас состоялась небольшая дискуссия.

Виталий Адаменко:

Вообще я думаю, что Ваши мысли верны или неверны в зависимости от того, какой вопрос задать:

1= что лучше: пройти альтернативную службу или обычную военную? (что лучше: когда в стране есть институт АГС или его нет?)

— лучше пройти АГС;

2= человек, прошедший АГС, полностью ли отрешился от насилия? (есть ли ему куда двигаться по пути к идеалу ненасилия?)

— нет, не полностью, есть куда двигаться.

Соответственно, отношение к АГС зависит от того, какой из этих вопросов в конкретном случае задается. И ответ на вопрос «Что делать дальше?» тоже может быть различным:

= недостаточно самому не пойти на военную службу, нужно еще помочь другим не пойти и максимально развивать институт АГС в своей и во всех других странах — так действуют либералы-правозащитники;

= недостаточно самому не пойти на военную службу, нужно свои взгляды распространить на максимальное число людей - так действуют, например, Свидетели Иеговы;

= недостаточно не пойти на военную службу, надо еще и воен-

ный налог не платить — так считают разные Tax Resisters¹, например, кое-кто из квакеров, как мы обсуждали;

= недостаточно не пойти на военную службу, нужно полностью отрешиться, уйти от этого мира насилия — так действуют эмиши и им подобные;

= недостаточно не пойти на военную службу, нужно создать свою альтернативную ненасильственную "армию", которая встала бы между враждующими и тем предотвратила военный конфликт — так думал И. М. Трегубов, так в настоящее время действуют создатели РВИ и СРТ² (меннониты, квакеры, бретрены);

= вероятно, у этого вопроса есть и еще ряд ответов. На каждый из вариантов можно потратить всю свою жизнь. На мой взгляд — потратить достойным образом.

Александр Фетисов:

Спасибо! Способов много, это верно. И лучше иметь АГС, чем не иметь — если так получилось, что родился среди жесточенных людей.

Но тут другое. Выступление А. Пчелинцева³ во многом сводится к тому, что главная трудность — добиться признания права на АГС. Но это лишь начало. Важно помнить, что ты остаешься пособником убийств как во время АГС, так и после службы. И никакая среда тебя от этого не избавит.

Только сам, и начинать лучше как можно раньше — а не когда петух клюнет, и окажешься прижатым к стенке, с выбором между плохим и худшим. Речь вот об этом.

О деятельности всех перечисленных движений и организаций мы планируем в дальнейшем рассказать более подробно.

¹ «Неплательщики», принципиальные противники уплаты налогов, в первую очередь военного налога.

² «Международные Бригады Мира» и «Христианские Отряды Миротворцев».

³ В Институте Европы РАН, про историю отказов от военной службы; см.: <http://www.youtube.com/watch?v=03BAAIfvQg>.